

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 5.

МАРТЪ—книжка первая.

## СОДЕРЖАНІЕ:

### I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. (Къ тридцатилѣтію его святительства). **Прот. П. Воина** . . . . . 555—578
- Политическій радикализмъ социализма. **Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго** . . . . . 579—605
- Ученіе св. Іоанна Златоуста о боговдохновенности Библии. (Продолженіе). **Д. Леонардова** . . . . . 606—627
- Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Руси и его служеніе отечеству въ Смутное время. (Окончаніе). **Прот. П. Скубачевскаго** . . . . . 628—640
- Познаніе и его объектъ. (Продолженіе). **И. С. Продана**. 641—657
- Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки. **С. Голощапова**. . . . . 658—676

### II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Епархіальные извѣщенія — II. Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. **Н. Л.** — Миссіонерскій листокъ. Христіанская суббота. **Миссіон.-Свящ. В. Димара**. — Епархіальная хроника. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Объявленія. — (Стр. 677—712).



ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14.

1912.

# „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

*Разрѣзка въ уплату денегъ не допускается.*

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданій за 1910 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

**ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:**

**СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧЕЙ** Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

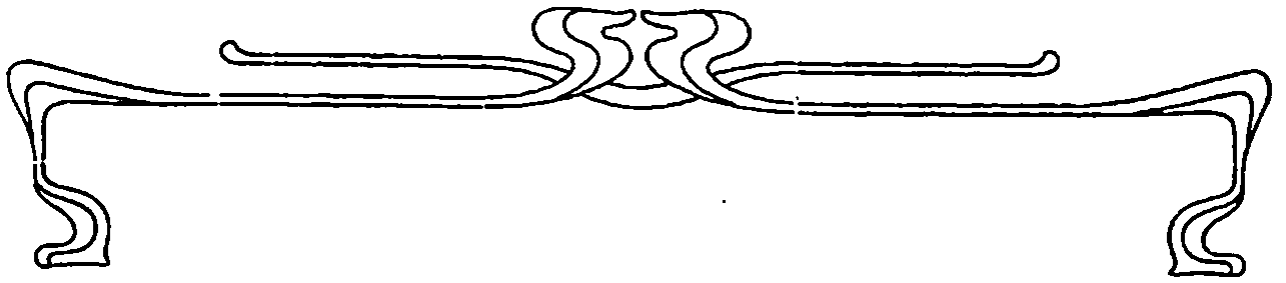
Πίστει νοοῦμεν.

*Вѣрою разумѣваемъ.*

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Марта 1912 года.

*Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.*



## ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АРСЕНІЙ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

(Нъ тридцатилѣтію его святительства).

17-го мая 1912 г. исполняется тридцать лѣтъ служенія Святой Православной Церкви и родинѣ въ святительскомъ санѣ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Въ сонмѣ здравствующихъ святителей Россійской церкви Харьковскій Архіепископъ Арсеній—одинъ изъ старѣйшихъ: 27 августа этого года ему исполняется 73-й годъ отъ рожденія. По продолжительности и характеру своей удивительно кипучей и неустанной дѣятельности въ столь высокомъ санѣ онъ принадлежитъ къ числу выдающихся и заслуженнѣйшихъ святителей отечественной церкви и въ частности святителей Харьковскихъ. Въ теченіи столь долгой его жизни предъ нимъ смѣнился цѣлый рядъ поколѣній и рядъ эпохъ въ развитіи нашей церковно-общественной жизни—шестидесятые, восьмидесятые годы и годы начала этого XX столѣтія. Нести святое бремя своего служенія ему приходилось при рѣзко измѣнявшихся, а иногда и необычайныхъ условіяхъ дѣятельности. Понятно поэтому, что его жизнь и дѣятельность на поприщѣ нашей отечественной Церкви не могла не сложиться въ жизнь историческую, отпечатлѣвшую на себѣ черты бытовой жизни нашего духовенства, отдѣльных епархій и широкихъ церковно-общественныхъ теченій за свыше полувѣковой періодъ времени; она становится, поэтому, въ высшей степени поучительной для всякаго православнаго, а тѣмъ болѣе для всякаго церковно-общественнаго дѣятеля.

Не намъ и не время еще подводить итоги замѣчательнымъ трудамъ нашего маститаго Архипастыря. Но раскрыть краснорѣчивыя страницы его жизни, углубиться въ нихъ, по нимъ воспроизвести удивительную картину его жизни, начиная отъ лачуги бѣднаго сельскаго причетника и до прославленной катедры Харьковскихъ святителей, — это такъ поучительно и такъ благовременно въ виду исполняющагося тридцатилѣтія его святительскаго служенія.

Высокопреосвященный Арсеній, въ мѣрѣ Александръ Димитріевичъ Брянцевъ, родился въ 1839 году, 27 августа, въ селѣ Волста-Пятница, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи и происходитъ изъ бѣдной семьи причетника Дмитрія Аверкіевича Брянцева. Родители его были люди простые, не получившіе школьнаго образованія, но отличавшіеся высокимъ благочестіемъ, преданностію долгу и чрезвычайнымъ трудолюбіемъ. Они сами занимались обработкой земли и съ утра до вечера въ лѣтнюю пору были въ полѣ и огородѣ. Труженническая жизнь этой семьи была полна лишеній и матеріальной необеспеченности, домашняя обстановка самая простая и скудная: чаю здѣсь не знали, и пшеничнаго хлѣба въ домѣ не ѣдали. Но несмотря на это отецъ Александра Димитріевича въ высшей степени любилъ грамотность и книжное наученіе, самъ много читалъ въ часы досуга, пополнялъ свои знанія самообразованіемъ, въ осеннее и зимнее время онъ собиралъ къ себѣ въ домъ дѣтей прихожанъ и вмѣстѣ съ своими дѣтьми обучалъ ихъ чтенію, письму и правиламъ вѣры. Всѣ грамотѣи прихода были дѣломъ рукъ его. Не смотря на скромную должность свою, причетника, Дмитрій Брянцевъ пользовался среди прихожанъ и духовенства искреннею любовію и глубокимъ уваженіемъ. Его кончина была тихая и мирная, истинно христіанская. Главная забота родителей Брянцевыхъ заключалась въ томъ, чтобы не смотря на скудость средствъ дать всѣмъ дѣтямъ своимъ доброе, церковное направленіе и полное образованіе. Какъ отецъ, такъ въ особенности послѣ его смерти мать прилагали всѣ свои силы и непрестанно хлопотали о томъ, чтобы довести дѣло школьнаго образованія дѣтей до конца. Не смотря на отличныя природныя дарованія и успѣшную подготовку Александръ Брянцевъ долгое время оставался дома вслѣдствіе скудости родительскихъ средствъ и вслѣдствіе

того, что два старшіе его брата содержались въ Вяземскомъ Духовномъ Училищѣ на собственномъ отцовскомъ иждивеніи. Между тѣмъ годы шли, и отецъ уже подумывалъ отдать его въ монастырь въ послушники для приготовленія къ причетнической должности. Но вотъ старшій братъ изъ училища перешелъ въ Смоленскую семинарію и былъ принятъ на казенное содержаніе. Черезъ это явилась возможность для отца хотя и съ большимъ напряженіемъ матеріальныхъ средствъ опредѣлить въ училище и третьяго сына Александра. Александръ Брянцевъ былъ сперва опредѣленъ въ Вяземское Духовное Училище въ 1851 году. Здѣсь ему суждено было почти съ самаго начала своего школьнаго образованія учиться и учить. Почти все время своего ученія въ Вязьмѣ онъ жилъ у двухъ мѣстныхъ діаконовъ, помогалъ учиться ихъ дѣтямъ и за это жилъ у нихъ бесплатно, что для его отца, бѣднаго труженика, было величайшимъ облегченіемъ. Это училище Высокопреосвященный Арсеній вспоминаетъ съ добрымъ и благодарнымъ чувствомъ: онъ рѣшительно не помнитъ въ немъ тѣхъ недостатковъ, которые описывалъ Помяловскій въ своихъ „бурсахъ“. Правда, здѣсь обстановка была скудная и бѣдная какъ и во всѣхъ тогдашнихъ духовныхъ школахъ, но зато здѣсь воспитаніе велось въ строго церковномъ духѣ, дѣти учились чрезвычайно усердно, навывкали въ правилахъ послушанія и почтенія и на всю жизнь приучались къ усердному труду и страху Божію,—поэтому и познанія ихъ были обширнѣе и тверже. Александръ Брянцевъ здѣсь былъ всегда на хорошемъ счету какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Съ такою репутаціею онъ въ 1857 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Смоленскую духовную семинарію, гдѣ въ то время учился и его старшій братъ пользовавшійся любовью инспекціи. Скудна была корпусная жизнь и здѣсь, въ семинаріи, но этимъ воспитанники нисколько не тяготились. Жизнь въ корпусѣ была довольно стройная и строгая, безпорядковъ не было никакихъ, дисциплина поддерживалась твердая, но безъ излишней суровости: карцера не было, тѣлесныя наказанія не употреблялись. Впрочемъ, Александръ Брянцевъ въ семинарскомъ корпусѣ жилъ только одинъ годъ, остальные же годы семинарскаго обученія онъ состоялъ на кондиціи, т. е. жилъ и училъ дѣтей у кафедральнаго протоіерея П. І. Жданова,

впослѣдствіи по принятіи монашества, Іоанна епископа Чигиринскаго, викарія Кіевскаго. Это былъ авторитетный въ городѣ протоіерей, прекрасный семьянинъ, строгій христіанинъ, замѣчательный пѣвецъ и импровизаторъ. А. Брянцевъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и нерѣдко обращался къ нему за разъясненіемъ разнаго рода вопросовъ и своихъ недоумѣній. Онъ пять лѣтъ прожилъ подъ его строгой дисциплиной и подъ вліяніемъ его добраго примѣра. Съ любовью Высокопреосвященный Арсеній вспоминаетъ своихъ начальниковъ и воспитателей въ Смоленской духовной семинаріи. При немъ послѣдовательно управляли семинаріей три ректора: архимандритъ Фотій изъ профессоровъ Академіи, человекъ весьма умный и пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ Смоленскѣ, арх. Моисей, представительный, добрый и усердный къ дѣлу, и арх. Павелъ изъ инспекторовъ С.-Петербургской Духовной Академіи—выдающаяся личность, впослѣдствіи экзархъ Грузіи и архіепископъ Казанскій, умный, добрый, краснорѣчивый проповѣдникъ, живой и увлекательный лекторъ по Догматическому Богословію. Съ своимъ поступленіемъ въ Смоленскую семинарію онъ внесъ въ ея жизнь особую струю и оживленіе. Его вліяніе не могло не отразиться на настроеніи воспитанниковъ этой семинаріи. Съ уваженіемъ и благодарностію Высокопреосвященный Арсеній вспоминаетъ инспекторовъ и преподавателей семинаріи, какъ о людяхъ способныхъ, старательныхъ и съ любовью относящихся къ своему дѣлу. Преподаваніе здѣсь велось основательно и съ академическимъ отгѣнкомъ, обращалось самое серьезное вниманіе на составленіе сочиненій по предметамъ семинарскаго преподаванія; въ то же время воспитанники богословскихъ классовъ писали проповѣди и произносили ихъ въ городскихъ церквахъ. Лучшія сочиненія воспитанниковъ читались на публичныхъ экзаменахъ, а нѣкоторыя и печатались. Торжественный характеръ имѣли публичные экзамены, которые производились архіереемъ въ присутствіи почетныхъ гостей. Учебный годъ въ то время начинался съ 1 сентября и оканчивался по 15 іюля. Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ въ семинаріи, какъ и въ училищѣ, устраивались рекреаціи—три дня, которые ученики проводили въ играхъ и забавахъ большею частію вблизи семинаріи за городской стѣною. На лѣтнія вакаціи

домой воспитанники отправлялись изъ семинаріи группами и нерѣдко пѣшкомъ; дома Александръ Брянцевъ вмѣстѣ съ братьями помогалъ своимъ родителямъ во всѣхъ домашнихъ хозяйственныхъ и полевыхъ работахъ. Близко входили въ жизнь Смоленской семинаріи и благотворно вліяли на нее тогдашніе Смоленскіе архіереи. Во время семинарскаго обученія Александра Брянцева въ Смоленскѣ святительствова-ли: архіепископъ Тимоѳей, 75-лѣтній старецъ, отличав-шійся прямою и благодушіемъ, любившій произносить проповѣди простыя и безыскусственныя, и преосвященный Антоній, изъ ректоровъ Кіевской Академіи, докторъ богословія, строгій и безпристрастный управитель епархіи, усерд-ный совершитель службъ церковныхъ, любившій стройность и порядокъ, аскетъ въ личной жизни. Преосвященный Анто-ній любилъ мѣстныя духовно-учебныя заведенія, часто бы-валъ въ семинаріи и училищахъ и заботился объ улучше-ніи матеріальнаго содержанія наставниковъ семинаріи.

Александръ Брянцевъ окончилъ курсъ въ семинаріи въ 1863 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ на 23 году отъ роду, третьимъ ученикомъ—студентомъ семинаріи. Его товарищи, выше его окончившіе курсъ ученія, были назначены къ поступленію въ Академію на казенный счетъ. Александру Брянцеву, при утвердившейся въ немъ жаждѣ знаній, не хотѣлось отста-вать отъ нихъ. Къ тому же его поощряли къ продолженію образованія любившіе его ректоры архим. Павелъ и прот. Ждановъ, и онъ рѣшился вмѣстѣ съ товарищами А. Ру-женцовымъ и Н. Спиридоновымъ отправиться въ Кіевскую Академію для поступленія въ нее въ качествѣ волонтеровъ. Средствами на путевые расходы снабдили его преосвящен-ный Антоній, ректоръ архим. Павелъ и главнымъ образомъ прот. Ждановъ, въ то же время преосвященный Антоній письменно попросилъ Кіевскаго викарія преосвященнаго Серафима дать пріютъ Брянцеву и Спиридонову на время держанія ими экзаменовъ въ Академію. По прибытіи въ Кіевъ преосвященный Серафимъ разрѣшилъ имъ помѣститься въ гостинницѣ Михайловскаго монастыря и питаться въ братской трапезѣ. Вступительный экзамень А. Брянцевъ вы-держалъ вполнѣ успѣшно и былъ принятъ въ Академію на казенное содержаніе. Ректоромъ Академіи въ то время былъ архим. Филаретъ, внослѣдствіи святитель Рижскій и Митав-



скій. Это былъ дѣятель высокоученый, рѣшительный, требовательный къ самому себѣ и другимъ, съ твердымъ и самостоятельнымъ характеромъ и съ неподкупною честностію. Онъ ревностно заботился о развитіи въ студентахъ любви и усердія къ научнымъ занятіямъ и въ Александрѣ Брянцевѣ, къ которому онъ съ самого его поступленія въ Академію относился весьма благосклонно, оставилъ замѣтные слѣды своего благотворнаго вліянія. Инспекторомъ Академіи при Брянцевѣ и долго послѣ него былъ архимандритъ Сильвестръ, впоследствии ректоръ этой же Академіи,—знаменитый богословъ, ученый профессоръ и аскетъ въ личной жизни. За умъ, доброту и скромность онъ былъ любимъ всѣми. Ученое образованіе въ Академіи А. Брянцевъ проходилъ подъ руководствомъ профессоровъ Академіи, изъ коихъ въ то время особенно отличались ученостію и своимъ вліяніемъ на студенчество П. П. Малышевскій, отлично преподававшій русскую церковную исторію, В. О. Пѣвницкій, краснорѣчивый проповѣдникъ, увлекательно преподававшій гомиетику, А. Д. Вороновъ, читавшій изящныя и обработанныя лекціи по новой церковной исторіи, Ф. А. Терновскій въ своихъ лекціяхъ по гражданской русской исторіи, проводившій новыя и модныя мысли съ отбѣнкомъ юмора и либеральности, іеромонахъ Августинъ хорошо читавшій лекціи, просто и занимательно, Д. В. Поспѣховъ замѣчательный психологъ и П. А. Машкаревъ—солидный профессоръ каноническаго права. Въ то время благодаря энергіи и широкимъ хозяйственнымъ заботамъ ректора Филарета Академія была перестроена, обстановка въ общежитіи улучшена, и жизнь студентовъ была самая обеспеченная. Въ общемъ значительная часть студентовъ усердно и добросовѣстно занимались науками и въ особенности составленіемъ курсовыхъ сочиненій. Болѣе двухъ лѣтъ А. Брянцевъ жилъ въ старомъ корпусѣ Академіи, въ редакціи, гдѣ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ по дѣламъ академическихъ изданій „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ и „Воскреснаго Чтенія“, получая за свои труды по 7 рублей въ мѣсяць. Изъ профессоровъ дѣлами редакціи въ то время завѣдывали Ф. А. Терновскій, съ коимъ Александръ Брянцевъ былъ знакомъ болѣе чѣмъ съ другими наставниками. Благодаря отдѣльной жизни, ему удобно было заниматься, и

онъ болѣе или менѣе самостоятельно могъ распоряжаться временемъ. Нисколько не злоупотребляя этою самостоятельностью, Александръ Брянцевъ приучилъ себя къ неуклонному порядку жизни, работы свои исполнялъ всегда своевременно, сочиненія писалъ и подавалъ въ назначенное время, вообще велъ жизнь аккуратную. По отзывамъ своихъ товарищей—однокурсниковъ онъ отличался степенностію, аккуратностію, простотою и удивительною добротою. Подъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ своихъ наставниковъ, а равно и вслѣдствіе личной любви къ трудамъ и усидчивости къ занятіямъ, А. Брянцевъ вынесъ глубокое убѣжденіе, никогда не оставлявшее его, что всякое дѣло нужно исполнять своевременно, тогда не будетъ накопленія работъ и только тогда всякое дѣло будетъ имѣть добрый успѣхъ. Такое убѣжденіе сдѣлалось, такъ сказать, принципомъ послѣдующей его служебной дѣятельности и вошло въ любимую его поговорку для назиданія другихъ. Особливое свое усердіе онъ приложилъ къ написанію курсового сочиненія для полученія ученой богословской степени. Въ выборѣ темы для этого сочиненія и въ руководствѣ при написаніи его ему оказала большую помощь профессоръ А. Д. Вороновъ. Темою для своего ученаго сочиненія онъ избралъ: „Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для Православной Церкви“. Собирая ученый матеріалъ для сочиненія А. Брянцевъ не разъ бывалъ у Преосвященнаго Порфирія Успенскаго, Еп. Чигиринскаго, Викарія Кіевскаго, заступившаго мѣсто Преосвящ. Серафима. Избранная Брянцевымъ тема очень интересовала Еп. Порфирія. Онъ не разъ спрашивалъ его: „Оправдаете ли Вы Лукариса отъ нареканій относительно его неправославія“, на что А. Брянцевъ отвѣчалъ: „надо оправдать; но данныхъ много и за и противъ“. У Преосвящ. Порфирія онъ бралъ и нѣкоторыя книги, касавшіяся этой темы. Написанное А. Брянцевымъ сочиненіе вышло весьма удачнымъ. Было разсматриваемо оно проф. Архим. Филаретомъ, А. М. Воскресенскимъ и А. Д. Вороновымъ, которые дали о немъ прекрасный отзывъ, какъ о трудѣ въ полномъ смыслѣ добросовѣстномъ, основательномъ и твердо устанавливающимъ правильную точку зрѣнія на этого дѣятеля Восточной Церкви. Въ этомъ трудѣ авторъ убѣдительно и вполне ограждаетъ потр. К. Лукариса отъ всякихъ нареканій на

него со стороны его враговъ и документально доказываетъ чистоту и твердость его православныхъ убѣжденій и героическую его преданность св. Православной Церкви. Научная цѣнность этого труда возвышается отъ трудности для изслѣдователя разобратъ какъ слѣдуетъ среди разнорѣчныхъ документовъ, касающихся патр. Кирилла Лукариса. Этотъ трудъ рецензентами былъ признанъ солиднымъ ученымъ вкладомъ въ область богословско-исторической литературы. На конференціи Академическаго Совѣта А. Брянцевъ, въ виду такого отзыва объ его курсовомъ сочиненіи, хорошихъ успѣхахъ по предметамъ и балловъ по семестровымъ сочиненіямъ былъ признанъ достойнымъ степени Магистра Богословія и былъ записанъ въ первый пятокъ списка окончившихъ курсъ. Это было въ 1867 году 6 августа. Магистерская его диссертация въ слѣдующемъ (1868) году была напечатана въ журналѣ „Странникъ“ и затѣмъ издана отдѣльною книгою.

Закончивши высшее богословское образованіе, А. Брянцевъ пожелалъ посвятить свои силы и знанія служенію св. Церкви въ священническомъ санѣ и въ должности законоучителя, о чемъ и заявилъ ректору Академіи Архим. Филарету. Послѣдній съ любовію принялъ такое заявленіе и сдѣлалъ соотвѣтствующую рекомендацію Митропол. Кіевскому Арсенію, который по сношеніи съ попечителемъ Кіевского Учебнаго Округа предоставилъ А. Брянцову законоучительское мѣсто въ мужской гимназіи мѣстечка Бѣлой Церкви и назначилъ его настоятелемъ новоустроенной гимназической церкви. Здѣсь до 4 февраля 1868 года онъ законоучительствовалъ въ свѣтскомъ званіи, а затѣмъ послѣ брака съ дочерью протоіерея Кіевской Набережно-Николаевской церкви М. Г. Соловьевой былъ рукоположенъ въ г. Кіевѣ Преосвящен. Порфириемъ, Еп. Чигиринскимъ, въ санъ священника (1868 г. 4 февраля). По возвращеніи въ м. Бѣлую Церковь новорукоположенному свящ. А. Брянцеву пришлось принять участіе и въ освященіи новоустроенной церкви во имя свв. Ап. Архипа и Филимона въ память 19 февраля 1861 г. Новый законоучитель принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ этой гимназіи авторитетъ православія поставить на должную высоту, ибо здѣсь большинство воспитанниковъ были евреи и поляки и только 70 чел. православныхъ. Въ

этомъ ему усердно содѣйствовалъ директоръ М. К. Чалый. Неопустительно здѣсь совершалось богослуженіе съ широкимъ участіемъ въ немъ воспитанниковъ въ качествѣ пѣвчихъ и прислужниковъ. О. Александръ за каждою литургіею говорилъ краткія поученія. Строго праздновались праздники Православной Церкви, особенно не совпадавшіе съ католическими, еще строже совершалось говѣніе православныхъ воспитанниковъ на первой недѣлѣ Великаго Поста, начиная съ понедѣльника когда у католиковъ еще продолжается масленица. О. Александръ здѣсь приобрѣлъ общую любовь и уваженіе какъ учениковъ, такъ и учащихъ, а съ семьями этихъ послѣднихъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. О. Александръ здѣсь прослужилъ два года. Изъ Бѣлой Церкви онъ по собственному желанію былъ перемѣщенъ въ г. Кіевъ настоятелемъ Воскресенской Печерской церкви, въ каковой должности состоялъ съ 27 августа 1869 года по 2 декабря 1872 года. Эта церковь, находящаяся вблизи Кіево-Печерской Лавры, имѣетъ небольшой приходъ, отъ причта она мало требуетъ трудовъ, за исключеніемъ двухъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда Кіевскія святыни посѣщаются во множествѣ богомольцами, тогда дѣла бываетъ много и въ Воскресенской церкви, и причтъ въ эти мѣсяцы приобретаетъ средства, можно сказать, на цѣлый годъ. Вообще Воскресенскій приходъ сравнительно бѣденъ, и священно-служителямъ приходится восполнять жизненные средства посторонними заработками. И о. Александръ также много трудился на сторонѣ въ должности законоучителя разныхъ учебныхъ заведеній. Такъ, онъ проходилъ должность законоучителя Кіево-Подольской прогимназіи (съ 27 августа 1869 г. по 1 іюля 1873 г.), Кіево-Владимірской военной гимназіи—Кадетскаго Корпуса (съ августа 1869 г. по 1 іюля 1873 г.), Кіевского Епархіальнаго училища двѣицъ духовнаго званія (съ 5 сентября 1869 года по 1 іюля 1873 г.) Законоучительскія занятія занимали у о. Александра большую часть дня, именно съ 7<sup>1/2</sup> час. утра и до 5 ч. вечера. Но о. Александръ трудился на этомъ поприщѣ съ усердіемъ, любовью и воодушевленіемъ: это была какъ бы родная его стихія. Онъ всемѣрно заботился о томъ, чтобы нравственно вліять на учащихся, привлекать ихъ къ себѣ, возбуждать къ себѣ ихъ довѣріе и любовь. Съ этою цѣлью

онъ велъ преподаваніе Закона Божія отечески назидательно, но и безъ всякихъ послабленій, относился къ каждому учащемуся со всякою ласкою, но справедливо и безпристрастно. Да и ко всѣмъ вообще въ сихъ заведеніяхъ онъ относился съ присущими ему простотою, прямодушіемъ и искренностію. За все это сослуживцы и учащіеся платили ему взаимною любовію и уваженіемъ. Это съ особенною силою сказалось при прощаніи съ нимъ сихъ заведеній за назначеніемъ его ректоромъ Таврической Духовной Семинаріи. Усердіемъ въ службѣ и выдающимися способностями законоучителя онъ заслужилъ особое благоволеніе къ нему и высшаго начальства. Это выразилъ Высокопреосвященный Кіевскій Митрополитъ Арсеній въ преподанномъ ему архипастырскомъ благословеніи за успѣшное и ревностное прохожденіе должностей. А за труды по преподаванію Закона Божія въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, состоящемъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, выражено было ему благоволеніе Ея Величества. Вмѣстѣ съ симъ о. Александръ награжденъ былъ набедренникомъ въ 1870 и скуфіею въ 1872 г.г. Живя вблизи Кіево-Печерской Лавры, онъ постоянно посѣщалъ ее и изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Искренно любя эту св. обитель, онъ пожелалъ дать посѣщающимъ ее богомольцамъ подручное и хорошее руководство для обозрѣнія ея святынь. Съ этою цѣлью онъ составилъ книгу: „Путеводитель по святынямъ Кіево-Печерской Лавры для богомольцевъ“, и отдалъ свой трудъ въ собственность Лавры съ тѣмъ, чтобы книжка эта продавалась какъ можно дешевле; за это была объявлена ему благодарность, преподано благословеніе Божіе Митрополитомъ Арсеніемъ. Книжка эта и нынѣ руководствуетъ богомольцевъ, и была издаваема Лаврою десять разъ. Во вниманіе къ заслугамъ 2-го декабря 1872 г. Митроп. Арсеніемъ по рекомендаціи начальницы Института и по желанію Государыни Императрицы Маріи Александровны онъ былъ переведенъ на должность законоучителя и настоятеля церкви Кіевского Института Благородныхъ Дѣвицъ, хотя и не на долго вслѣдствіе скорого его новаго назначенія. Еще ближе онъ сталъ извѣстенъ Митр. Арсенію при выполненіи порученія Митрополита составить по консисторскимъ документамъ историко-статистическое описаніе церковно-приход-

скихъ школъ Кіевской епархіи, что особенно важно было для митрополита въ виду его отстаиванія сихъ школъ за духовнымъ вѣдомствомъ противъ министра графа Д. А. Толстого, желавшаго передать ихъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Своею работою онъ особенно угодилъ Владыкѣ. Въ то время когда такъ счастливо устраивалось его служебное и матеріальное положеніе въ г. Кіевѣ, его вдругъ постигаетъ тяжкое горе, направившее потомъ и жизнь его по иному направленію. Послѣ четырехъ лѣтъ счастливой семейной жизни, супруга его тяжело заболѣла и 11 апрѣля 1871 года скончалась къ невыразимому горю о. Александра. Родственники, сослуживцы и знакомые искренно раздѣляли его глубокую скорбь и свое трогательное участіе выразили въ торжественномъ погребеніи почившей, при чемъ въ подробныхъ рѣчахъ сонастыри старались нравственно утѣшить скорбнаго супруга указаніемъ на Промыслъ Божій и на долгъ христіанина покорно смириться предъ волею Божіею. На рукахъ у овдовѣвшаго настыря остались старуха мать и единственная дочь малютка Анна. Для него ясно было, что Господь зоветъ его на иное поприще. Митрополитъ Арсеній, раздѣляя его горе, предуказывалъ ему иноческій путь. Неизмѣнно расположенный къ нему, Митрополитъ предстательствовалъ предъ св. Синодомъ о назначеніи его на должность ректора новооткрываемой Таврической семинаріи, какъ человѣка уже вполне извѣстнаго своею твердостью, служебнымъ усердіемъ и выдающимся педагогическимъ опытомъ. Усматривая въ постигшемъ его горѣ персть Божій, о. Александръ не противился новому назначенію, которое и состоялось 19 марта 1873 года, причемъ въ Кіевѣ Преосв. Порфиріемъ на второй день Пасхи 1873 года онъ былъ произведенъ въ санъ Протоіерея. Послѣ сего назначенія онъ вступилъ въ дѣятельную переписку съ Преосвященнымъ Таврическимъ Гуріемъ касательно благоустройства новооткрываемой семинаріи. Заканчивая учебный годъ въ г. Кіевѣ, онъ въ тоже время, по распоряженію Преосвящ. Гурія, подготовлялся къ своей дѣятельности, обстоятельно изучая въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ г. Кіевѣ семинарскіе строй, порядки, дѣлопроизводство, приготавливая каталогъ для бібліотеки и физическаго кабинета. Вмѣстѣ съ этимъ по порученію Преосвящ. Гурія онъ намѣтилъ и преподава-

телей для приглашенія ихъ въ Таврическую семинарію. Наконецъ, поклонившись святынямъ Кіева и могилѣ своей супруги, простившись со всѣми своими сослуживцами по училищамъ, а также съ учащимися, прот. А. Брянцевъ отбылъ въ Крымъ чрезъ Одессу 5 іюня 1873 г.

Преосвящ. Гурій принялъ назначеннаго ректора семинаріи съ любовью и даже радостію, такъ какъ отдѣлка строящагося зданія семинаріи и приготовленіе помѣщеній съ мебелировкой къ началу учебнаго года требовали личнаго присмотра начальника заведенія. Трудовъ и хлопотъ для новаго ректора предстояло много. Потребна была особенная энергія и настойчивость, чтобы все устроить какъ слѣдуетъ и во-время. И благодаря предусмотрительности, распорядительности и энергіи ректора къ 15 августа 1873 г. было все почти закончено. Къ этому же времени для успѣшной работы преподавателей и учениковъ онъ по сношеніи съ Хозяйственнымъ Управленіемъ при Св. Синодѣ выписалъ необходимые учебники и учебныя пособія по составленному имъ каталогу книгъ. Его же усидчивости, энергіи и труду обязаны своимъ своевременнымъ изготовленіемъ разныя инструкции для инспекціи, учащихся и учащихъ. Большинство членовъ новой семинарской корпораціи было съ вѣдома Преосвящ. Гурія намѣчено и приглашено о. Ректоромъ. Открытіе семинаріи совершилось 19 августа. Къ этому времени она приведена была въ надлежащій порядокъ и по внутреннему и по внѣшнему своему устройству. Съ этихъ поръ семинарія сдѣлалась для о. Ректора любимымъ дѣтищемъ. До 26 апрѣля 1875 года о. Александръ служилъ въ санѣ Протоіерея, а затѣмъ, побуждаемый собственнымъ желаніемъ иноческаго житія и отеческими совѣтами Преосвящ. Гурія принялъ отъ его руки иноческое постриженіе и имя Арсенія въ признательность къ Высокопреосв. Митрополиту Кіевскому Арсенію. На другой же день по принятіи постриженія онъ былъ возведенъ по званію ректора семинаріи въ санъ архимандрита. По открытіи семинаріи ректоръ обратилъ особенное вниманіе на внутреннее благоустройство ея. Здѣсь прежде всего требовалось обогатить семинарію возможно большимъ количествомъ образовательныхъ пособій. Ректоръ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы прежде всего устроить и поставить на должную высоту бібліотеки семи-

нарскіе—фундаментальную и ученическую. Съ этою цѣлю онъ много хлопоталъ и предъ Св. Синодомъ и предъ старинными семинаріями и предъ разными духовными редакціями, прося ихъ о пожертвованіи книгъ для бібліотекъ Симферопольской семинаріи. Его хлопоты увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Особенно же обогатилась духовная бібліотека щедрымъ и цѣннымъ даромъ Преосвященнаго Гурія, который пожертвовалъ семинаріи всю свою богатую бібліотеку въ 15.000 названій. Независимо отъ сего онъ же положилъ основаніе и бібліотекъ воскресной семинарской школы, снабдивъ ее всѣмъ существенно необходимымъ для ея цѣли. Другое важное учебно-вспомогательное учрежденіе при семинаріи—физическій кабинетъ—въ равной мѣрѣ обязанъ былъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ также заботамъ Ректора, поставившаго его сразу прочно и вполне хорошо. Съ заботами объ учебной сторонѣ ввѣренной ему семинаріи о. Архимандритъ соединялъ и заботы о воспитательной. Выработавъ еще до открытія семинаріи обстоятельныя и подробныя инструкціи для инспекціи, учащихъ и учащихся, онъ ввелъ въ семинаріи порядки строгіе, причемъ требовалъ, чтобы воспитаніе велось сообразно цѣлямъ семинарскаго образованія въ духѣ православной вѣры, въ близости къ церкви и въ послушаніи церковнымъ уставамъ. Всякое уклоненіе отъ этихъ цѣлей онъ строго преслѣдовалъ, но не столько какъ начальникъ, сколько какъ заботливый сердобольный отецъ, почитая долгомъ не только сѣять добрыя сѣмена на добрую почву, но и худую почву удобрять, чтобы она принесла въ свое время добрый плодъ. Этого онъ достигалъ и вліяніемъ на воспитанниковъ и церковнымъ неустаннымъ учительствомъ и начальническимъ вразумленіемъ и пастырскимъ внушеніемъ и преподавательскимъ наставленіемъ. Онъ старался держаться близко къ ученикамъ, почти ежедневно посѣщалъ ихъ и по возможности не пропускалъ ни одного случая, заслуживающаго замѣчанія или похвалы. Въ каждый праздникъ или воскресный день предъ литургіею за часъ онъ собиралъ воспитанниковъ въ церковь и велъ съ ними религіозно-нравственную бесѣду, а иногда въ просторномъ классѣ велъ просто житейскія бесѣды, отечески вразумляя ихъ. Правда, спустя мѣсяць по открытіи семинаріи, воспитанники подъ руководствомъ нѣкоторыхъ



зачинщиковъ заявили протестъ противъ строгихъ порядковъ, но ректоръ своевольнымъ требованіямъ учепиковъ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки, открылъ главныхъ виновниковъ и, не выключая ихъ, подвергъ послѣ соотвѣтствующаго внушенія при всѣхъ примѣрному и строгому наказанію. Въ другой разъ въ 1874 году во время производства ревизіи семинаріи С. В. Керскимъ воспитанники вновь заявили свой протестъ и учинили беспорядки въ общежитіи, но и на этотъ разъ съ виновными было поступлено по всей строгости, и волненій болѣе уже не повторялось. Заботясь о физической сторонѣ семинарской жизни, ректоръ устроилъ при семинаріи прекрасный садъ для прогулокъ учащихся, обеспечивалъ учащихся здоровою и обильною пищею и приличною одеждою. Вслѣдствіе такихъ заботъ семинарія была поставлена въ общественномъ мнѣніи на подобающую высоту и заняла въ городѣ почетное положеніе. Не смотря на такія успѣшныя заботы о семинаріи, на долю ректора выпадали и тяжкія испытанія и огорченія. Особенно нравственно тяжелымъ для него ударомъ было похищеніе секретаремъ Правленія семинаріи преподавателемъ Азлецкимъ 15000 руб. семинарскихъ денегъ при препровожденіи имъ казеннаго сундука съ этими деньгами изъ семинаріи въ казначейство. Хотя виновникъ и былъ обличенъ, но деньги пропали, и только благодаря отеческому отношенію къ дѣлу Преосвящ. Гурія дѣло было прекращено, но ректору пришлось испытать тревоги и глубокую скорбь... Въ общемъ же семинарская корпорація дружно работала на педагогическомъ поприщѣ подъ руководствомъ ректора и пользовалась надлежащимъ уваженіемъ общества. Изъ преподавателей выдѣлялись тогда своими дарованіями, добросовѣстностію и исполнительностію И. И. Чудецкій, впоследствии инспекторъ этой семинаріи, а потомъ ректоръ Тифлисской, А. В. Ивановъ, авторъ учебниковъ по свящ. писанію Н. Завѣта—человѣкъ всесторонне образованный и весьма преданный своему долгу, І. Знаменскій бывшій потомъ ректоромъ этой семинаріи, а потомъ Харьковской. Два раза въ теченіе девяти лѣтъ ректорства Архим. Арсенія Таврическая семинарія подвергалась ревизіи въ 1774 и 1878 г.г., и оба ревизора нашли ея состояніе во всѣхъ частяхъ въ отличномъ порядкѣ. Самое выгодное впечатлѣніе о состояніи семинаріи

вынесъ и оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Толстой, посѣтившій ее въ 1875 году, и о. ректоръ за благоустройство семинаріи и отлично-усердную службу былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Съ должностію ректора семинаріи Архим. Арсеній соединялъ и другія разнообразныя должности. Онъ состоялъ редакторомъ „Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при чемъ трудъ этотъ несъ безвозмездно, затѣмъ состоялъ Предсѣдателемъ Епархіальнаго цензурнаго Комитета, былъ Предсѣдателемъ Симферопольскаго Александро-Невскаго Православнаго Братства, членомъ Совѣта Общества Краснаго Креста, членомъ Строительнаго Комитета по расширенію кафедральнаго собора и по порученію своего начальства исполнялъ и другія разнообразныя обязанности. Многосложные и успѣшные труды Архиман. Арсенія и его неусыпная энергія по достоинству были оцѣнены высшимъ начальствомъ и за девятилѣтнюю службу въ Таврической семинаріи онъ награжденъ былъ орденомъ кромѣ упомянутаго еще св. Владиміра 4-й ст. (1879 г.) и 3-й ст. (1882 г.). Независимо отъ сего онъ многократно получалъ благодарность и архипастырское благословеніе Преосвящ. Гурія и благословеніе Св. Синода, а за труды въ качествѣ члена Совѣта Общества Краснаго Креста получилъ въ 1879 году почетный знакъ Краснаго Креста. Будучи такимъ способнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ Преосвящ. Гурія и пользуясь неизмѣннымъ его благорасположеніемъ, онъ и съ своей стороны питалъ къ этому Архипастырю, своему руководителю, сыновнюю любовь и уваженіе. Отъ него онъ принялъ постриженіе въ иночество, былъ всегда близокъ къ нему, особенно въ послѣдніе годы, и былъ волею Преосвящ. Гурія назначенъ его душеприказчикомъ. Когда Преосвящ. Гурій скончался въ 1882 году 17 марта, то при погребеніи почившаго Архим. Арсеній произнесъ слово, въ которомъ очертивши духовный обликъ почившаго и его добродѣтели, выразилъ всю силу своей скорби о смерти его и свое неподдѣльное сыновнее благоговѣніе предъ почившимъ. Здѣсь же въ Симферополѣ онъ похоронилъ свою мать. Дочь же свою онъ отдалъ на воспитаніе въ Кіевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ.

Служба Архим. Арсенія въ Таврической семинаріи была хорошею школою для него въ смыслѣ окончательной

выработки въ немъ административнаго такта, умѣнья распознавать людей и управляться со сложнымъ и отвѣтственнымъ хозяйствомъ. Этими своими свойствами онъ сдѣлался хорошо извѣстнымъ и Св. Синоду, который, цѣня его, не могъ не призвать его на болѣе широкое церковное поприще. Это и состоялось въ 1882 году. Въ это время освободилось въ Петербургѣ мѣсто перваго викарія Епископа Ладожскаго и ректора Духовной Академіи: нуженъ былъ для занятія его и въ помощь престарѣлому Митрополиту человѣкъ испытанной твердости, ума, опыта и такта. Митропол. Исидоръ свой выборъ остановилъ на энергичномъ ректорѣ Таврической семинаріи Архим. Арсеніи. По предложенію Митрополита Преосвящ. Гурій за три дня до своей смерти далъ о немъ свой отзывъ и въ самомъ благопріятномъ духѣ, и Архим. Арсеній по Всеподданнѣйшему докладу Св. Синода, Высочайше утвержденному 17 апр. 1882 г., былъ назначенъ Епископомъ Ладожскимъ, первымъ викаріемъ С.-Петербургской митрополіи, а 22 окт. 1883 г. былъ назначенъ и ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Трогательно было прощаніе Архим. Арсенія съ Таврическою семинаріею, духовенствомъ и обществомъ. Съ любовью и признательностію его провожали на новое мѣсто служенія. Послѣ прибытія его въ С.-Петербургъ, нареченіе его въ епископскій санъ состоялось 12 мая въ присутствіи Св. Синода, а хиротонія 17 мая 1882 года въ день св. Духа. Хиротонію совершали: Митр. Исидоръ, Архіеп. Варшавскій Леонтій, Архіеп. Казанскій Палладій, Архіеп. Сергій Кишиневскій и Епископъ Псковскій Гермогенъ. Рѣчь, сказанная имъ при нареченіи во епископа, исполнена задушевности, покорности Промыслу Божію и ревности по славіи Христовой при сознаніи слабости своихъ силъ предъ высотой, трудностію и отвѣтственностію святительскаго подвига, но съ твердымъ упованіемъ на всемогущую Божественную благодать. Изящество и красота рѣчи здѣсь соединялись съ простотою и общедоступностію изложенія и поставляютъ ее въ рядъ лучшихъ произведеній этого рода.

Въ С.-Петербургѣ Преосвященный Арсеній сталъ самымъ дѣятельнымъ и энергичнымъ викаріемъ митрополита Исидора, правою его рукою по управленію обширною Петербургскою митрополіею. Въ это время онъ былъ назначенъ

первымъ членомъ Синодальной Конторы, открывшейся въ С.-Петербургѣ по случаю пребыванія членовъ Св. Синода въ Москвѣ во время Свящ. Коронаванія Ихъ Величествъ. Затѣмъ онъ предсѣдательствовалъ въ Историко-Статистическомъ Комитетѣ по описанію церквей и приходовъ С.-Петербургской митрополіи, былъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столичныхъ и окрестныхъ, предсѣдателемъ въ Комитетѣ по завѣдыванію Александровскимъ, домомъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, предсѣдателемъ зъ Совѣтѣ Епархіальнаго женскаго училища, былъ цензоромъ проповѣдей столичнаго духовенства. На его же обязанности лежало: предварительное разсмотрѣніе консисторскихъ дѣлъ по первой экспедиціи, священнослуженіе въ столичныхъ церквахъ какъ по назначенію митрополита, такъ и по особымъ приглашеніямъ. Пользуясь совѣтами и указаніями мудраго и многоопытнаго митрополита Исидора, Преосвященный Арсеній всѣ эти обязанности и порученія исполнялъ съ усердіемъ и успѣхомъ. По истеченіи года его викаріанства на него была возложена трудная и отвѣтственная должность ректора Академіи. Преосвященный принялъ эту должность только по настоятельному желанію митрополита.

Въ дѣлахъ епархіальнаго управленія Преосвященный Арсеній старался сочетать безпристрастіе и справедливость съ милостію и снисхожденіемъ. По отношенію къ псаломщикамъ, дѣла о коихъ были въ его вѣдѣніи, онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ строгимъ только тогда, когда оказывались безуспѣшными предварительныя обличенія и увѣщанія. По консисторскимъ дѣламъ онъ дѣлалъ митрополиту доклады съ возможною краткостію и ясностію. Завѣдуя основаннымъ митрополитомъ Исидоромъ домомъ призрѣнія духовныхъ вдовъ и сиротъ Преосвященный Арсеній бывалъ въ немъ еженедѣльно: посѣщалъ и лично бесѣдовалъ со старицами особенно съ болящими, коихъ утѣшалъ и приобщалъ Св. Тайнами. Великую заслугу для духовенства С.-Петербургской епархіи онъ оказалъ тѣмъ, что со свойственною ему энергіею онъ преобразовалъ училище при домѣ призрѣнія въ Женское Епархіальное Училище. Къ 50-лѣтнему юбилею митрополита Исидора онъ успѣлъ собрать пожертвованій до 135000 руб. на сей предметъ, каковой капиталъ и былъ под-

несенъ юбиляру, а онъ обратилъ его на устройство училища. На отведенномъ Александро-Невскою Лаврою мѣстѣ это училище было устроено и освящено 8 сентября 1887 г. съ именемъ „Исидоровскаго“. Въ этомъ благомъ дѣлѣ много пришлось Преосвященному Арсенію испытать заботъ и безпокойствъ и перенести не мало скорбей и огорченій. Въ торжествѣ празднованія въ С.-Петербургской епархіи 50-лѣтняго юбилея митрополита Исидора (9 ноября 1884 г.) въ архіерейскомъ санѣ, Преосвященный Арсеній принималъ самое дѣятельное участіе, какъ главный организаторъ этого торжества. Ставши во главѣ существовавшего до него комитета по историко-статистическому описанію С.-Петербургской епархіи, въ коемъ за 20-лѣтнее его существованіе было составлено только описаніе столичныхъ церквей въ трехъ томахъ, Преосвященный Арсеній, по порученію митрополита, такъ быстро двинулъ дѣло впередъ, что въ теченіи трехъ лѣтъ описаніе епархіи было окончено, и этотъ трудъ въ 10 томахъ Преосвященный Арсеній имѣлъ счастье поднести по экземпляру въ Божѣ почившему Императору Александру III и нынѣ царствующему Императору Николаю II, за что удостоился Высочайшей благодарности. Но сколько многосложное и трудное, столько же и пріятное для него было дѣло — наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ главнымъ наблюдателемъ: у него были три помощника—столичные протоіереи. Онъ старался дать направленіе преподаванію этого предмета такое, чтобы дѣйствовать не на умъ только, но и на сердце, сообщать не однѣ только познанія, но и питать религіозное чувство и развивать благочестіе въ учащихъ. Съ этою цѣлію онъ приглашалъ къ себѣ о.о. законоучителей для бесѣды. Усердно посѣщалъ уроки Закона Божія, весьма часто совершалъ богослуженія въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, неопустительно бывалъ на выпускныхъ экзаменахъ по этому предмету, заключая ихъ непременно надлежащимъ назидательнымъ словомъ. За свои труды въ этомъ отношеніи онъ удостоился личной Августѣйшей благодарности Государыни Императрицы Маріи Феодоровны при переходѣ на Рижскую кафедру. Въ продолженіи пяти лѣтъ служенія въ Петербургѣ онъ постоянно совершалъ богослуженія въ разныхъ Петербург-

скихъ храмахъ; рядовыя служенія его были въ Исаакіевскомъ, Казанскомъ и Петро-Павловскомъ соборахъ, въ Лаврѣ и духовной Академіи. Но кромѣ того по разнаго рода случаямъ онъ совершалъ богослуженія во многихъ городскихъ и кладбищныхъ церквахъ. Ясное, истовое и благоговѣйное служеніе Преосвященнаго Арсенія нравилось въ столицѣ, и онъ лично внѣ очереди получалъ частыя приглашенія для совершенія богослуженій. 8 ноября 1883 года Преосвященный Арсеній вступилъ въ должность ректора Академіи. Въ этотъ день онъ совершилъ въ первый разъ божественную литургію въ академическомъ храмѣ и сказалъ проповѣдь на слова Свящ. Писанія: „Сойдите въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь“ (1 Кор. XVI, 19) противъ современнаго упадка вѣры и нравственности въ обществѣ и противъ проникновенія въ ограду церковную и въ духовно-учебныя заведенія духа невѣрія, либерализма и свободы нравственности. Послѣ богослуженія собравши студентовъ въ актовомъ залѣ онъ высказалъ имъ, что его академическая дѣятельность по отношенію къ нимъ будетъ направлена къ тому, чтобы предохранить ихъ отъ болѣзненнаго духа времени, укрѣпить въ нихъ религіозное чувство и духъ церковности и расположить ихъ къ служенію Церкви въ духовномъ и мірскомъ званіи словомъ и дѣломъ. Въ залѣ же совѣтскихъ засѣданій принималъ привѣтствія и благопожеланія отъ лица профессоровъ, высказанныя проф. Е. П. Ловягинымъ. Преосвященный Арсеній съ своей стороны высказалъ имъ пожеланія видѣть въ нихъ всегда усердныхъ помощниковъ, добрыхъ совѣтниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ на первыхъ порахъ и руководителей, а во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ особливо духъ искренности и доброжелательности, чуждыхъ самолюбія и личныхъ расчетовъ, согласія и единства въ академическихъ дѣлахъ. Хозяйственными и учебно-воспитательными дѣлами въ Академіи Преосвященный занимался весьма тщательно. Въ засѣданіяхъ совѣта онъ самъ докладывалъ дѣла съ полною отчетливостію и ясностью, каждое дѣло напередъ подготовляя, докладывалъ на память и дѣлалъ надлежащія разъясненія. Дѣла шли плавно, и засѣданія не затягивались. Засѣданія правленія происходили утромъ, а засѣданія совѣта вечеромъ. На совѣтахъ ученые

дебаты профессоровъ не усложнялись; когда возникали горячіе споры, Преосвященный ректоръ на нѣсколько минутъ прерывалъ засѣданія, волненія утихали, вопросы, не приводимые къ согласію, рѣшались по голосамъ. Въ 1884 г. вводился въ Академію новый Уставъ. Введеніе его прошло тихо и спокойно. Никто не остался обиженнымъ. Для академическихъ наукъ Преосвящ. Арсеній сдѣлалъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ видѣ обширной (до 30.000 т.) библіотеки проф. С.-Петербургскаго университета протоіерея Ѳ. Ѳ. Сидонскаго. Согласно Уставу Преосвящ. Арсеній долженъ былъ читать лекціи по какому либо богословскому предмету, и онъ избралъ для своихъ чтеній очеркъ нравственныхъ обязанностей, при этомъ онъ открылъ по этому предмету доцентуру для научной его разработки. Чтенія Преосвящ. Арсенія имѣли характеръ религіозно-нравственныхъ собесѣдованій съ студентами: тогдашнее безрелигіозное и либеральное время давало обильный матеріалъ для собесѣдованій. Студенты охотно посѣщали лекціи Преосвящ. Арсенія: для нихъ былъ живой интересъ здѣсь, они сами принимали участіе въ сужденіяхъ о религіозно-нравственныхъ предметахъ, имъ дана была свобода и между ними въ присутствіи ректора происходили цѣлыя дебаты. По освобожденіи въ Академіи должности инспектора послѣ И. Ѳ. Нильскаго, Преосвящ. Арсеній пожелалъ имѣть инспектора въ иноческомъ санѣ, и выборъ его остановился на инспекторѣ Казанской духовной Академіи Архим. Антоніи (Вадковскомъ). Благодаря стараніямъ Преосвящ. Ректора, Архим. Антоній былъ перемѣщенъ изъ Казани на должность инспектора въ С.-Петербургскую духовную Академію, и послѣ Преосвящ. Арсенія онъ былъ назначенъ ректоромъ сей Академіи въ епископскомъ санѣ, а нынѣ онъ первенствующій членъ Св. Синода митрополитъ С.-Петербургскій. Съ особенною заботливостію Преосвящ. Арсеній занимался хозяйственною и экономическою частію Академіи. При немъ академическій корпусъ былъ обновленъ снаружи и внутри, была обновлена и вся внутренняя меблировка студенческаго общежитія, аудиторій, залъ засѣданій и актовaго и больницы. Былъ приведенъ въ обновленный видъ академическій садъ. Много заботился Преосвящ. ректоръ объ улучшеніи стола студенческаго, для чего увеличивалъ

суточную сумму довольства на каждого (съ 28 коп. до 30—35 к.), дѣлая для сего строгій учетъ отсутствовавшихъ студентовъ. Во избѣжаніе недоразумѣній и для большей наблюдательности за довольствіемъ пищею и одеждою онъ привлекъ самихъ студентовъ въ качествѣ кухонныхъ и столовыхъ дежурныхъ. Они, непосредственно сами наблюдали, чѣмъ кормили ихъ, во что ихъ одѣвали и обували, зная ассигновки на нихъ, они переоцѣнивали матеріалъ, справлялись и узнавали, что лучшаго за ассигнованную сумму нельзя пріобрѣсти. Поэтому не было случаевъ размолвокъ и недоразумѣній, а тѣмъ болѣе недовольства и волненій между студентами изъ-за содержанія ихъ. Для погребенія умершихъ студентовъ онъ пріобрѣлъ у Лавры опредѣленное мѣсто на Николаевскомъ кладбищѣ. На первыхъ порахъ студенты Академіи встрѣтили новаго ректора съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, такъ какъ новымъ начальникомъ ихъ болѣе всего было обращено вниманіе на развитіе въ студентахъ духа церковности. Поступая осторожно и предусмотрительно, онъ старался всегда прежде всего подѣйствовать на своихъ питомцевъ мѣрами увѣщанія. Онъ не разъ безъ инспекціи бесѣдовалъ съ ними, и въ этихъ бесѣдахъ студенты узнавали искренность ректора и его полное благожелательство къ нимъ, чрезъ это они проникались къ нему довѣріемъ и уваженіемъ. Были особые случаи, которые увѣряли студентовъ въ совершенно отеческомъ его отношеніи къ нимъ. Если онъ и бывалъ къ нимъ строгъ, то строгость эта никогда не переходила въ жестокость. По воспоминаніямъ Преосвящ. Арсенія, студенты и ученики несравненно болѣе любили его устныя резолюціи, хотя и съ нескрываемою строгостію высказываемыя, чѣмъ спокойныя резолюціи, въ родѣ: „въ правленіе на разсмотрѣніе, правленіе разсмотреть...“. Бѣгитъ, бывало, послѣ ректорскаго выговора ученикъ: „Ну, что?“ спрашиваетъ его товарищъ... „Ничего, теперь все хорошо, слава Богу!“ Не такъ себя чувствовали провинившіеся, заслужившіе по своему дѣлу писанную резолюцію. За время ректорства Преосвящ. Арсенія, не смотря на его строгость, не было ни одного случая увольненія студентовъ изъ Академіи. Преосвящ. ректора студенты видѣли ежедневно то въ столовой, то въ занятыхъ комнатахъ, то въ спальняхъ, и вездѣ онъ оживленно и громко распоряжался, не умѣя тихо говорить и молча дѣ-



латъ. И вскорѣ Преосвящ. Арсеній овладѣлъ симпатіями какъ студентовъ, такъ и сослуживцевъ, хорошо взявши въ свои руки этотъ высшій разсадникъ богословскаго просвѣщенія. Заботясь о развитіи въ студентахъ духа церковности, Преосвящ. Арсеній, между прочимъ, настоялъ, чтобы богослуженіе въ академическомъ храмѣ совершалось по уставу, безъ пропусковъ, при чемъ самъ неопустительно присутствовалъ при немъ и нерѣдко самъ священводѣйствовалъ, затѣмъ, чтобы студенты обязательно посѣщали церковныя богослуженія, утреннюю и вечернюю молитвы, установилъ, чтобы студенты присутствовали въ алтарѣ особенно при архіерейскихъ богослуженіяхъ, во время коихъ иподіаконы, книгодержцы, жезлоносцы, свѣщеносцы, облаченные въ стихари, также были студенты. Онъ организовалъ изъ студентовъ два хора, правый и лѣвый. Побуждалъ своихъ питомцевъ по очереди упражняться въ церковномъ проповѣдничествѣ какъ въ академическомъ храмѣ, такъ и въ другихъ столичныхъ церквахъ. Съ подъемомъ духа церковности среди студентовъ, Преосвящ. Арсеній одновременно заботился и о подъемѣ въ нихъ духа иноческаго подвижничества. Это было особо выдающеюся чертою его академической дѣятельности. До него въ теченіи 20 лѣтъ не было примѣра принятія студентомъ Академіи монашества. Благодаря же нравственному вліянію Преосвящ. Арсенія и его располагающимъ бесѣдамъ и на лекціяхъ и въ частныхъ сношеніяхъ съ студентами нѣкоторые изъ нихъ почувствовали склонность послужить Богу и Церкви Христовой въ иноческомъ состояніи. Первымъ выразилъ такое намѣреніе, которое потомъ привелъ въ исполненіе, лучшій студентъ старшаго курса Михаилъ Грибановскій († въ санѣ епископа Таврическаго), а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и студентъ Петръ Грузовъ, вдовый діаконъ († епископъ Муромскій Платонъ). Для академіи это было чрезвычайнымъ событіемъ. Постриженіе ихъ въ монашество Преосвящ. ректоръ совершилъ 14 января 1884 г. съ большою умилительностію и при торжественной обстановкѣ, при чемъ напутствовалъ ихъ на новую иноческую жизнь трогательною рѣчью. Примѣръ первыхъ постриженниковъ, величіе чина постриженія, нравственное вліяніе Преосвящ. ректора и поднятій имъ въ Академіи духъ церковности возбудили и между другими студентами академіи стремленіе къ иночеству. Де-

вать постриженіи совершилъ Преосвященный Арсеній въ Академіи, затѣмъ постриженія повторялись и послѣ него и нынѣ повторяются. Кромѣ упомянутыхъ лицъ постриженіе отъ него приняли: студенты Николай Надеждинъ (нынѣ епископъ Пермскій Никаноръ), Іаковъ Мещеряковъ (нынѣ Серафимъ архіепископъ Иркутскій), Алексѣй Храповицкій (нынѣ Антоній архіеп. Волынскій), Илья Алексѣевъ († Іоаннъ еписк. Пермскій) Алексѣй Турбинъ (нынѣ игуменъ Сергіи), преподаватель С.-Петербургской духовной семинаріи Николай Налимовъ (нынѣ Николай архіеп. Владимірскій) и архим. Геннадій.

Усердная и широкая дѣятельность Преосвящ. Арсенія въ С.-Петербургѣ была по достоинству оцѣниваема всѣми соприкасавшимися съ нимъ, высшимъ духовнымъ начальствомъ и Высочайшею властію. Въ воздаяніе его заслугъ 8-го апрѣля 1884 г. ему былъ Всемилоостивѣйше пожалованъ орденъ Св. Анны 1 ст., и ему же, какъ главному наблюдателю за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, пожалованъ былъ княземъ Черногорскимъ орденъ Св. Данила 1 ст. въ память пребыванія въ Смольномъ институтѣ дочерей князя.

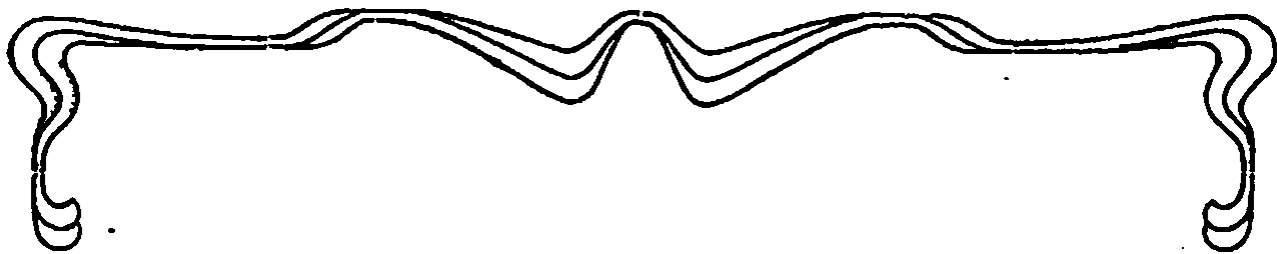
Послѣ пятилѣтняго служенія въ С.-Петербургѣ Преосвященный Арсеній во вниманіе къ выдающимся его заслугамъ на разныхъ поприщахъ и плодотворнымъ трудамъ былъ назначенъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 26 марта 1887 года, Высочайше утвержденнымъ 28 марта того же года, на самостоятельную кафедру Рижскую. Этимъ назначеніемъ Преосвященный Арсеній призывался къ особннымъ трудамъ и на отвѣтственный постъ въ краѣ разновѣрномъ и разноплеменномъ, гдѣ требовалось высоко утвердить дѣло православія и русской государственности. Послѣдующая дѣятельность Преосвященнаго Арсенія показала, что выборъ, павшій на него, оправдался вполне. Проводы его изъ Петербурга къ мѣсту новаго служенія, отличались задушевностію и торжественностію. Всѣ учрежденія, къ которымъ Преосвященный имѣлъ тѣ или иныя отношенія по служенію въ Петербургѣ, чрезъ своихъ представителей выразили ему свою признательность, глубокое уваженіе и поднесли ему прощальные благожелательные адреса, а многіе и памятные дары. Академическая корпорація и столичное духовенство устроили въ честь его прощальныя трапезы, при чемъ отъ духовенства

ему была поднесена драгоценная панагія. Отъ студентовъ Академіи Преосвященному Арсенію была поднесена съ выраженіемъ благодарныхъ чувствъ Св. Библия въ роскошномъ изданіи. Оставляя по себѣ въ С.-Петербургской епархіи самыя лучшія воспоминанія, онъ отбылъ на мѣсто новаго служенія въ г. Ригу въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, съ богатымъ опытомъ и съ безграничнымъ рвеніемъ всего себя отдать на подвиги во славу св. Церкви на широко раздвинувшемся предъ нимъ поприщѣ жизни.

*Прот. П. Томинъ.*

(Продолженіе будетъ).





## Политическій радикализмъ социализма.

Отъ экономическихъ реформъ новѣйшій социализмъ ставитъ въ зависимость реформированіе всѣхъ существующихъ нынѣ общественныхъ учреждений. И главнымъ образомъ съ экономической реформой онъ *требуетъ* реформы политической. Если всѣ люди, по нему, должны быть равны по отношенію къ имуществу, то почему же они не должны быть равны въ правахъ политическихъ?

Одни изъ социалистовъ стремятся измѣнить существующій строй государственной жизни, а другіе хотѣли бы уничтожить, срыть до основанія всякую государственность, всякіе авторитеты (*Ni Dieu, ni maître*). Послѣдніе, называемые *анархистами*, считаютъ государство съ его учреждениями причиной всѣхъ тѣхъ противорѣчій въ общественной жизни, съ которыми борется вообще социализмъ. „Государство,—говорятъ они,—поддерживаетъ частную собственность, а чрезъ это—общественное неравенство“. „Уничтожьте государство,—заявляютъ анархисты,—уничтожится и частная собственность; если прекратится частная собственность, то и дѣленія общества на классы, на богатыхъ и бѣдныхъ не будетъ, всѣ будутъ равны и одинаково счастливы“. „Кто хочетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы,—говорятъ они,—справедливости и мира, хочетъ торжества человечества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія государства и основанія на ихъ развалинахъ всемірной *федерации* производительныхъ свободныхъ ассоціаций всѣхъ странъ“. Всѣ выдающіеся вожди анархизма, какъ-то: *Прудонъ, Максъ, Штирнеръ, Бакунинъ, Крапоткинъ* и друг., отрицаютъ частную соб-

ственность, отрицаютъ и всякую государственную организацію. И по взгляду Л. Н. Толстого, проповѣдующаго тѣже анархическіе принципы, потому уже нужно уничтожить существующій государственный строй, что достиженіе имущественнаго коммунизма невозможно безъ согласія на то государства“<sup>1)</sup>. Впрочемъ, анархическая теорія и доселѣ еще мало разработана и взгляды различныхъ представителей ея далеко не сходны между собою. Въ 1901 г. нѣмецкіе анархисты обнародовали въ видѣ постановленія конгресса, состоявшагося въ Штуттгартѣ, манифестъ къ рабочимъ, въ которомъ впервые изложена ихъ программа. „Современный общественный строй,—говорится, между прочимъ, въ этомъ манифестѣ,—построенъ на системѣ господства одного класса надъ другимъ и на эксплуатаціи рабочаго класса. Обще-ственно-политическія узаконенія способствуютъ лишь тому, чтобы держать рабочихъ въ заблужденіи и довольствѣ своей участью. Въ виду этого новѣйшіе анархисты отказываются отъ участія въ парламентской и законодательной дѣятельности государства. Революціонные рабочіе стремятся къ превращенію земли, орудій производства и всѣхъ культурныхъ сооруженій въ общественную собственность. Цѣль ихъ—свободное, социалистическое общество, въ которомъ каждый членъ могъ бы жить и устраиваться по своимъ личнымъ вкусамъ и расположеніямъ“ и т. д.<sup>2)</sup>

Самый главный принципъ современнаго социаль-анархизма, какъ и вообще социализма—это неограниченное народное самоуправленіе, унаслѣдованное имъ отъ французской революціи. И христіанство не противорѣчитъ самой идеѣ участія народа въ государственномъ управленіи. Исторія служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Даже у насъ на Руси древнее „народоправство“ въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ свободно уживалось съ православіемъ. Архіепископъ Новгородскій былъ представителемъ свободы Великаго Новгорода. „За Великій Новгородъ и святую Софію“—таковъ былъ девизъ новгородцевъ. Но социаль-анархисты понимаютъ это народное самоуправленіе такъ, что оно становится совершенно непримиримымъ съ христіанствомъ. Такое по-

<sup>1)</sup> Соч. Толстого „Гдѣ выходъ“. Изданіе А. Черткова, 1900 г. стр. 9 и дал.; 10—14.

<sup>2)</sup> Катрейнъ, стр. 6.

ниманіе угрожаетъ обществу новымъ видомъ крайняго, неограниченнаго абсолютизма и самой худшей тиранией, тиранией анонимной и безотвѣтственной. Соціалъ-анархія, перенося отъ Монарха на народъ главенство власти, обуславливающее будто бы въ такомъ случаѣ принципъ политическаго равенства всѣхъ людей, еще разширила его и сдѣлала болѣе деспотическимъ. Цари, хотя и объявляли иногда свою власть неограниченной — однако фактически эта власть ограничивалась преданіями, традиціями и т. п. Соціалисты же, отвергая религію, тѣмъ самымъ отвергаютъ всякое сдерживающее народное полновластіе начало. Но это-то соціалистическое верховенство народа, повторяемъ, совершенно не согласно съ ученіемъ Божественнаго Откровенія о государственной власти.

Еще въ книгѣ Бытія рассказывается, что когда Господь Богъ, послѣ потопа, заключилъ Свой завѣтъ съ Ноемъ, то Онъ въ то же время далъ заповѣдь: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка, ибо человѣкъ созданъ по образу Божию“ (Быт. 9, 6). Въ этомъ древнѣйшемъ правовомъ опредѣленіи нельзя не видѣть божественнаго установленія верховной человѣческой власти. Правда, въ немъ вообще только высказывается, что человѣкъ долженъ наказывать убійцу; но такъ какъ здѣсь нѣтъ рѣчи о частной мести родственниковъ убитаго, то, очевидно, имъ предполагается начальство или правительство, какъ тотъ личный органъ власти, при посредствѣ котораго должно осуществляться правосудіе Божіе. Что государственная власть отъ Бога или, по крайней мѣрѣ, мысль о царѣ-единомъ представителѣ верховной власти—не противна Богу,—это подтверждается словами Моисея къ Израилю: „когда войдешь въ землю, которую Богъ твой даетъ тебѣ, и овладѣешь ею и поселишься въ ней и скажешь: поставлю я надъ собою царя, какъ всѣ народы, что кругомъ меня—поставляя поставь надъ собою царя, котораго *изберетъ Себѣ Ягвова, Богъ твой...* И будетъ, когда возсядетъ онъ на престолъ царствія своего, пусть напишетъ себѣ списокъ законоученія сего въ книгу..., чтобы соблюдать всѣ слова закона сего и уставы эти—исполнять ихъ, чтобы не возвысилось сердце его надъ братьями его, и чтобы не уклонился онъ отъ заповѣди ни направо, ни налево“ (Втор. 17, 14—20). Св. псалмопѣвецъ,

вѣря въ богоустановленность царской власти, молить: „Боже, даруй царю твой судъ и сыну царя Твою правду (Пс. 71, 1). Вотъ почему въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь возвѣщалъ: „Мною цари царствуютъ, и повелители узаконяють правду. Мною начальствуютъ начальники и вельможи и всѣ судьи земли“ (Притч. 8, 15—16). Царь Киръ названъ „помазанникомъ Бога, исполняющимъ Его велѣнія и находящимся подъ Его руководствомъ и охраною (Ис. 45, 1). „Отъ Господа дана царямъ держава и сила отъ Вышняго“, заключаетъ Премудрый (Прем. 6, 3).

Иисусъ Христосъ въ отвѣтъ на извѣстную просьбу сыновъ Зеведея сказалъ: „князья народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ, а кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ“ (Мѡ. 20, 25—27; Мрк. 14, 42—44). Изъ этихъ словъ видно, что Христосъ, возвѣстившій идею царства Божія, отрицалъ въ вождѣлѣнномъ для христіанина царствѣ будущаго власть на подобіе той, какая существуетъ въ гражданскомъ обществѣ. Общество вѣрующихъ, основанное на началахъ самоотверженной любви, взаимнаго довѣрія и смиренія, будетъ руководиться внутренними побужденіями, а не внѣшнимъ принужденіемъ. Такой порядокъ былъ на землѣ до паденія человѣка, когда люди повиновались непосредственно Самому Богу; такой же порядокъ будетъ и тогда, когда Богъ будетъ „всяческая и во всемъ“ (1 Кор. 15, 28). Но такое идеальное состояніе, потерянное въ прошедшемъ и ожидаемое въ будущемъ должно снова явиться, когда человѣкъ достигнетъ „мѣры возраста исполненія Христова“ (Еф. 4, 13). Теперь же человѣкъ, чтобы возрасти „въ мужа совершенна“, долженъ пользоваться всѣми средствами, какія указаны божественнымъ Промысломъ не въ личной только, но и общественной жизни. Потому-то и Иисусъ Христосъ, указавъ идеальное состояніе человѣка въ царствѣ Божіемъ, въ числѣ условій земной жизни, пригодныхъ для человѣка, допустилъ и власть государственную, какъ даръ отъ Бога обществу человѣческому <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> С. Горскій. „Христіанство и государственная жизнь“. „Вѣра и Разумъ“ 1911 г., № 14, стр. 160. Ср. проф. М. Д. Муретовъ. „Отношеніе христіанъ къ мірской власти“. „Богословскій Вѣстникъ“, 1911 г. июль—августъ, стр. 475.

Извѣстно, что сказалъ Спаситель фарисеямъ и иродіанамъ, когда они обратились къ Нему съ вопросомъ: должно ли іудеямъ (народу Божію) платить дань кесарю (языческому государю)?—„Отдавайте (ἀπόδοτε—отдавайте съ сознаниемъ обязанности отдать—ср. Рим. 13, 7),—отвѣчалъ Онъ, —кесарево (τὰ Κεσαρος, т. е. не подать только, а вообще государственныя повинности) кесарю, а Божіе Богу“ (Мѡ. 22, 21; Мрк. 12, 17; Лук. 20, 25). Другими словами: вы—подданные кесаря, а подданные обязаны повиноваться требованіямъ признанной ими надъ собою отъ Бога власти; итакъ, отдавайте вашему государю то, что ему слѣдуетъ. Но это не мѣшаетъ вашей обязанности служить верховному Царю и Господу вашему; вѣрность Богу не требуетъ отъ васъ неповиновенія кесарю; отдавая кесарю кесарево, Богу отдавайте Божіе. Еще яснѣе и опредѣленнѣе Христосъ высказалъ Свой взглядъ на правительственную власть въ Своей бесѣдѣ съ представителемъ римской власти въ тогдашней Іудеѣ—Пилатомъ во время суда его надъ Нимъ. Пилать спросилъ І. Христа: откуда Онъ? Но Христосъ не далъ ему отвѣта. Тогда Пилать говоритъ Ему: „мѣ ли не отвѣчаешь? не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя и власть имѣю отпустить Тебя?“ Христосъ, судимый властію, отвѣчалъ: ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не дано было тебѣ *свыше* (ἄνωθεν)“, т. е. отъ Бога, или съ неба (Іоан. 19, 9—11. Ср. 3, 3, 27, 31). Итакъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ отвѣтѣ Пилату выразилъ уваженіе къ государственной власти, заявивъ, что она установлена Богомъ.

Тѣ же мысли высказываются яснѣе въ посланіяхъ апостольскихъ. Власть признается здѣсь существующей по волѣ Бога такъ ясно, что всякія перетолкованія дѣлаются невозможными. „Нѣтъ власти не отъ Бога,—говоритъ ап. Павелъ,—существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію“ (Рим. 13, 1—2, 4, 6. Ср. 1 Тим. 6, 15; Апок. 1, 5; 17, 14; 19, 16). Св. отцы и учителя Церкви, слѣдуя этимъ словамъ апостола, считаютъ государство „Божіимъ установленіемъ“. Это не означаетъ однако того, что государственный строй жизни получилъ свое начало непосредственно отъ Самаго Бога, чрезъ какой-нибудь особенный актъ божественнаго промышленія, а указываетъ на то, что человекъ получилъ отъ Бога



такую природу, которая влечетъ его къ общественно-государственной жизни. Государство отъ Бога, какъ отъ Бога рои пчелъ, общество муравьевъ, стада нѣкоторыхъ животныхъ. Государство, по выраженію св. Іоанна Златоуста, есть „дѣло Божіей мудрости“, Божія промышленія о людяхъ, находящихся въ государственномъ строѣ условія, необходимыя для ихъ всесторонняго совершенствованія; а то, что способствуетъ совершенствованію человѣка, получаетъ освященіе и содѣйствіе отъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ <sup>1)</sup>. Но всякая ли правительственная власть отъ Бога? Св. Иринеи Ліонскій высказываетъ мысль, что всякая власть, каждый правитель поставляется Богомъ, добрый правитель — какъ благодѣяніе, худой — какъ наказаніе и испытаніе народу <sup>2)</sup>. По толкованію же Златоуста, въ словахъ ап. Павла: „нѣтъ власти не отъ Бога“ идетъ рѣчь не объ отдѣльныхъ правителяхъ, но о „самой вещи“, т. е. о государственной организаціи вообще. Апостоль не сказалъ: нѣтъ князя не отъ Бога, но: нѣтъ власти не отъ Бога. Дальнѣйшія же слова апостола: „существующія власти отъ Бога установлены“ св. отецъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Премудрый говоритъ въ книгѣ Притчей, что отъ Бога жена сочетается съ мужемъ. Богъ установилъ бракъ вообще, но несомнѣнно, что нѣкоторыя беззаконныя плотскія связи не отъ Бога. Такъ и власть отъ Бога, но не всѣ ея представители поставляются Богомъ <sup>3)</sup>. Однако, эти мысли Златоуста нисколько не препятствуютъ христіанамъ вѣрить въ промыслительное дѣйствіе Божіе о всѣхъ людяхъ вообще, о народахъ и ихъ правителяхъ въ частности <sup>4)</sup>.

Итакъ, по христіанскому ученію, государственная власть происходитъ или проистекаетъ не снизу — отъ воли народа, а сверху, отъ Бога. Да и въ социаль-анархическихъ республикахъ, называемыхъ „революціонными федераціями“, въ которыхъ народу предоставляется неограниченное право назначать себѣ правителей по своему усмотрѣнію, едва ли мо-

<sup>1)</sup> Весѣд. на XIII гл. Посланія къ Римлянамъ.

<sup>2)</sup> Сочиненія св. Иринея. Переводъ о. П. Преображенскаго. М. 1871 г. Противъ ересей, кн. V, гл. 24, стр. 646.

<sup>3)</sup> Весѣда на XIII главу Посланія къ Римлянамъ.

<sup>4)</sup> К. Григорьевъ. „Христіанство въ его отношеніи къ государству: по воззрѣнію графа Л. Н. Толстого“. Казань, 1904 г., стр. 125.

жно считать правительственную власть происходящею отъ народа. Изъ того обстоятельства, что органы власти назначаются народомъ, еще не слѣдуетъ того, что послѣдній есть самъ источникъ власти и глава правительства. Съ того момента, какъ состоялось назначеніе, народъ сталъ ниже своихъ правителей, и не можетъ по произволу или прихоти смѣнять ихъ, или относиться къ нимъ, какъ къ низшимъ.

Если государственная власть установлена Самимъ Богомъ, а не есть учрежденіе человѣческое, то, очевидно, далеко не всѣ люди могутъ быть облечены этою властію, какъ мечтаютъ о томъ социалисты, но только тѣ, кто получаетъ ее отъ Бога и на кого, поэтому, нужно смотрѣть, какъ на „Божіихъ слугъ“ (Рим. 13, 4—5) и блюстителей небеснаго правосудія. Таковъ, прежде всего, законный Государь, какъ помазанникъ Божій (Пс. 104, 15), на которомъ почиваютъ дары Св. Духа, потребные для достойнаго прохожденія имъ своего великаго служенія (1 Цар. 10, 11; 16, 13); таковы затѣмъ и всякаго рода правители, какъ „отъ царя посылаемые“ (1 Петр. 2, 13—14), которые являются его представителями и должны исполнять его волю. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ количество талантливыхъ, образованныхъ, добрыхъ и честныхъ людей всегда представляетъ самое ничтожное меньшинство по сравненію съ остальной народной массой. Поэтому, задача всякаго благоустроеннаго государства состоитъ въ томъ, чтобы предоставить этому благородному меньшинству столько силы и вліянія, чтобы оно управляло ходомъ событій, а не грубая масса, которая часто не понимаетъ своихъ истинныхъ выгодъ и легко поступаетъ вопреки имъ. Всякое уклоненіе отъ этой задачи было бы со стороны государства прямымъ нарушеніемъ апостольской заповѣди, которая повелѣваетъ „отдавать всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь“, и „не оставаться должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви“ (Рим. 13, 7—8). Съ нарушеніемъ этой заповѣди сдѣлались бы неизбежными самыя печальныя послѣдствія для блага человѣчества. Лучшая часть человѣческаго рода, которой по праву принадлежитъ первенство въ обществѣ, унижалась бы на счетъ другой, которая присвоила бы не подобающую ей честь и власть. Между тѣмъ, социалисты ничего не ожидаютъ отъ подоб-

наго порядка вещей, кромѣ самыхъ благопріятныхъ послѣдствій для благосостоянія человѣческихъ обществъ. Но едва ли можно хуже поступить съ человѣчествомъ, какъ отдать его во власть невѣжественной толпы. Это было бы настоящимъ поворотомъ къ первобытному состоянію дикарей и къ господству кулачнаго права. Отсюда видно, какую услугу оказалъ бы социализмъ человѣческому роду, если бы ему удалось осуществить свои политическія мечты.

Самую популярною въ политическомъ отношеніи социалистическою теоріей въ настоящее время считается *марксизмъ*, который утверждаетъ, что государственная власть своимъ происхожденіемъ исключительно обязана экономическому фактору. Какъ система чисто экономическихъ силъ, государство, по нему, есть результатъ побѣды господствующаго класса общества надъ остальными. Энгельсъ, одинъ изъ выдающихся послѣдователей теоріи марксизма, пишетъ въ своемъ сочиненіи „Происхожденіе фамилій, частной собственности и государства“. „Недоставало еще только одного учрежденія, которое не только крѣпко охраняло бы вновь пріобрѣтенныя богатства отдѣльнаго лица противъ коммунистическихъ традицій справедливаго порядка, которое не только освящало бы прежде такъ слабо ограждаемую частную собственность и это освященіе выдавало бы за самую высшую цѣль всякаго человѣческаго общества, но запечатлѣло бы печатью общественнаго признанія развивающіяся между ними новыя формы пріобрѣтенія собственности, слѣдовательно, постоянно возрастающее умноженіе богатства и создало бы учрежденіе, которое не только увѣковѣчивало бы зарождающееся распаденіе общества на классы, но и правомущихъ классовъ на эксплуатацію немущихъ и на господство первыхъ надъ послѣдними. И это учрежденіе явилось. Было изобрѣтено государство“. Тѣ же мысли о происхожденіи государства высказываютъ Бебель и другіе марксисты<sup>1)</sup>.

Несостоятельность этого взгляда на возникновеніе государственнаго строя жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Государство есть выраженіе отъ природы присущей человѣку идеи власти. Оно есть порожденіе общечеловѣческаго пра-

<sup>1)</sup> Флейшманъ. „Противъ социаль-демократіи“. Переводъ съ нѣмецкаго М. В. Москва, 1908 г., стр. 196—197.

критическаго разума, одинаково всѣми признаваемое за силу, способную охранять человѣческія общества отъ ихъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Но если бы люди были всегда нравственно-добрыми, то ихъ союзы не имѣли бы никакихъ враговъ, а потому они могли бы обойтись безъ принудительной власти государства. Правда, люди и въ такомъ случаѣ имѣли бы извѣстный общественный строй, но онъ поддерживался бы ими совершенно свободно. Значить, государственная власть возникла собственно на почвѣ присущей намъ природѣ человѣка нравственной грубости, препятствующей ему устроить совмѣстную съ другими жизнь на началахъ свободы. Такой взглядъ подтверждается и библейскимъ сказаніемъ объ установленіи государственной власти въ Израилѣ. Первоначально евреи не имѣли царя. При теократическомъ строѣ ихъ жизни единственнымъ царемъ былъ у нихъ Іегова. Но ко времени Самуила „народъ почувствовалъ себя, какъ говоритъ В. Соловьевъ, неспособнымъ управляться однимъ нравственнымъ авторитетомъ“ <sup>1)</sup> и просилъ себѣ царя: „поставь надъ нами царя,—говорили они пророку,—чтобы судить насъ какъ всѣ народы“ (1 Цар. 8, 5). Самуилъ, снисходя нравственной слабости своего народа, исполнилъ его просьбу, хотя и зналъ, что народъ, требуя царя какъ у другихъ народовъ, отвергаетъ Единого Властителя, „чтобы Онъ не царствовалъ надъ ними“ (1 Цар. 8, 7). И великіе представители христіанской Церкви, на основаніи библейскаго ученія, глубочайшею причиною возникновенія государства считаютъ именно грѣховную испорченность людей, которая дѣлаетъ невозможною общественную жизнь безъ принудительной силы закона. „Поелику—пишетъ Св. Иринеи Ліонскій,—человѣкъ, отступивъ отъ Бога, дошелъ до такого неистовства, что почиталъ своего единокровнаго за врага и безстрашно предался всякаго рода буйству, человѣкоубійству и жадности, то Богъ наложилъ на него человѣческій страхъ, такъ какъ люди не знали страха Божія, чтобы, подчиненные человѣческой власти и связанные закономъ, достигали до нѣкоторой степени справедливости и взаимно сдерживали себя изъ страха носящагося въ виду всѣхъ меча, какъ говоритъ апостоль: „ибо не напрасно но-

<sup>1)</sup> „Духовныя основы жизни“, т. III, стр. 373.

сигъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“. „Итакъ,—дѣлаеть выводъ св. отецъ,—для пользы народовъ установлено Богомъ земное правительство..., чтобы, боясь человѣческой власти, люди не поѣдали другъ друга подобно рыбамъ, но посредствомъ законодательства подавляли разнообразную неправду народовъ“ <sup>1)</sup>. Подобныя же мысли являются главными въ ученіи о происхожденіи государства св. Григорія Богослова <sup>2)</sup>, св. Іоанна Златоуста <sup>3)</sup>.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на причину возникновенія государственнаго строя вселенскіе учителя Церкви согласно наставленію апостольскому (1 Петр. 2, 13—14; 1 Тим. 2, 1—4), важнѣйшее назначеніе послѣдняго видѣли не въ томъ, чтобы предоставить одному классу общества господство надъ другими, какъ полагають социалисты разсматриваемаго типа, а въ томъ, чтобы ограничивать проявленія грѣховности людей и обезпечивать имъ „жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 2) <sup>4)</sup> Призваніе государства заключается въ томъ, чтобы благоустроить земную жизнь человѣка. По взгляду Григорія Богослова, государственный порядокъ отличающій насъ отъ *безсловесныхъ*, „соорудилъ города, изобрѣлъ искусства, сочеталъ супружества, любовью къ дѣтямъ облагородилъ жизнь“ и т. п. <sup>5)</sup>, такъ что съ уничтоженіемъ правопорядка, поддерживаемаго властію,—говорилъ Іоаннъ Златоустъ,—„города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная наполнились бы безчисленными злодѣяніями“ <sup>6)</sup>. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государство имѣетъ отношеніе и къ жизни нравственной, и къ выполненію воли Божіей. По ученію І. Златоуста, „власть установлена для того, чтобы борясь со зломъ и поощряя добро содѣйствовать исполненію людьми воли Божіей“. Поэтому-то

<sup>1)</sup> Сочиненія св. Иринея. Переводъ о. П. Преображенскаго. Москва, 1871 г. Противъ ересей, кн. V, гл. 24, стр. 645—646.

<sup>2)</sup> Творенія. Москва 1868 г., т. II. Слово 14, стр. 29.

<sup>3)</sup> Бесѣда на 13 гл. Посл. къ Римлянамъ и др.

<sup>4)</sup> Теофилъ къ Автолику. Сочиненія апологетовъ въ перев. о. П. Преображенскаго. Москва, 1867, стр. 243.

<sup>5)</sup> Творенія. Москва, 1844, т. III. Слово 32, стр. 142.

<sup>6)</sup> Бесѣда 16 на Евангеліе отъ Матѳея.

земные владыки называются „Божіими служителями“ <sup>1)</sup>. Поэтому-то они призываются служить справедливости и добру <sup>2)</sup>.

Такъ какъ государство болѣе или менѣе способствуетъ общему благу людей и ихъ нравственному развитію, то оно имѣетъ безспорное этическое значеніе. Поэтому можно встрѣтить такое опредѣленіе государства: оно есть „союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частью своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія“ <sup>3)</sup>. Если же государство преслѣдуетъ цѣли нравственнаго характера, то христіанство естественно не могло не выступить на его защиту. „Христіанство—говоритъ В. Соловьевъ,—придя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія... Христіанское государство признаетъ надъ собою ту высшую цѣль, которая дается религіей и представляется церковью, и въ добровольномъ служеніи этой цѣли, т. е. царству Божію, христіанское государство находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе... Христіанство не только призываетъ государство къ борьбѣ со злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви, но требуетъ отъ него также, чтобы оно проводило въ политическую и международную жизнь нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобию церкви Христовой“ <sup>4)</sup>. Здѣсь мы еще встрѣчаемся съ прекраснымъ разсужденіемъ проф. М. Д. Муретова по вопросу о нормальномъ отношеніи государства и Церкви. „Государство и Церковь,—говоритъ онъ,—стремятся къ осуществленію своихъ благихъ цѣлей однородными имъ средствами. Государство имѣетъ своимъ призваніемъ достиженіе внѣшне-матеріальнаго благосостоянія гражданъ и внѣшне-матеріальными средствами, чтобы облегчить имъ служеніе духовному благу и Богу,—путемъ отрицательнымъ и устраненіемъ зла. А Церковь уже

<sup>1)</sup> Весѣда на 13 гл. Посланія къ Римлянамъ.

<sup>2)</sup> Рѣчь Мелитона Философа. Сочин. христ. апологетовъ. Перев. Преображенскаго. Москва 1867 г., стр. 296.

<sup>3)</sup> В. Н. „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго“. Москва, 1885 г., стр. 109.

<sup>4)</sup> „Духовныя основы жизни“, 3 изд. Спб. 1897, т. III, стр. 372—373.

прямо ведетъ своихъ членовъ къ этому духовному благу и путемъ духовнымъ, положительнымъ—даяніемъ блага Христова“. Между тѣмъ социализмъ, пытающійся искоренить зло въ человѣческихъ обществахъ *плотскими* средствами, „стремится,—продолжаетъ разсуждать почтенный профессор,—разорвать это единеніе Церкви и государства въ единствѣ общихъ и конечныхъ цѣлей, при различіи средствъ, смѣшивая Церковь и государство, мечтая о духовныхъ благахъ при помощи матеріальныхъ средствъ и бредя о невозможныхъ—соціалистическомъ государствѣ и соціалистической религіи. Незаконно врываясь въ чуждыя области государства и церкви,—похищая у Церкви—цѣли, а у государства—средства и представляя невозможное смѣшеніе несоединимыхъ разнородностей,—социализмъ въ концѣ концовъ только производитъ смуту и революцію тамъ и здѣсь“<sup>1)</sup>.

Итакъ, св. отцы Церкви и другіе христіанскіе мыслители смотрѣли и смотрятъ на государство, какъ на явленіе необходимое среди грѣшныхъ людей, и какъ на учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ благотѣльное для нихъ. Поэтому, нѣтъ особенной надобности разъяснять, какъ ихъ мысли о происхожденіи государственнаго строя далеки отъ взгляда на тотъ же предметъ социалистовъ, называемыхъ марксистами. Но говоря это, мы разумѣемъ не самыя формы государственнаго устройства, которыя могутъ, конечно, возникать и измѣняться по различнымъ ближайшимъ причинамъ<sup>2)</sup>, но собственно идею государства (государство *in principis*). Да и самая смѣная формъ государственнаго строя обуславливается гораздо болѣе сложными и общими причинами, чѣмъ только соціально-экономическимъ факторомъ. Исторія прямо противорѣчитъ тенденціи марксизма ставить въ исключительную зависимость отъ соціально-экономическихъ причинъ измѣненіе формъ государственнаго устройства. Мы видимъ, напр., у большинства современныхъ народовъ неизмѣнными однѣ и тѣ же формы государственнаго строя на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, въ теченіе которыхъ

1) „Отношеніе христіанъ къ мірской власти“. „Богосл. Вѣстникъ“. 1911 г. іюль—августъ, стр. 483, ср. 481.

2) По свидѣтельству, напр., Минуція Феликса, государственный строй Рима возникъ благодаря преступнымъ насиліямъ основателей его. (Сочин. христіанскихъ апологетовъ, стр. 345 и дал.).

соціально-экономическія отношенія успѣли много разъ существенно измѣниться; а съ другой стороны, съ конца XVIII и до половины XIX вѣка видимъ цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ переворотовъ, вовсе не имѣвшихъ подъ собою столь же рѣзкихъ соціально-экономическихъ перемѣнъ<sup>1)</sup>.

Независимое всецѣло отъ соціально-экономическаго фактора по своему происхожденію и видоизмѣненіямъ, государство не обязано ему исключительно и самимъ своимъ уничтоженіемъ. Поэтому мечты марксистовъ о полномъ исчезновеніи государства въ будущемъ строѣ Человѣческихъ обществъ оказываются совершенно напрасными. Эти мечты основываются на ожидаемомъ ими прекращеніи классовой борьбы. Но возможно-ли серьезно думать о томъ, что дѣйствительно настанетъ время, когда, по словамъ Энгельса, не будетъ „существовать болѣе ни одного общественнаго класса, который нужно было бы удерживать въ угнетеніи“, когда будетъ „устранено сословное господство и отсюда происходящія коллизіи“, и „ничего уже не останется, что бы дѣлало необходимыми репрессивныя мѣры и власть?“<sup>2)</sup>. Допустимъ даже, что тогда не станетъ ни одного такого общественнаго класса, который нужно было бы угнетать и сдерживать, и прекратится сословное господство; но вѣдь и въ будущемъ обществѣ всѣ граждане обязаны же будутъ одинаково трудиться на общую пользу, чего не оспариваетъ и марксизмъ; а если *обязаны*, то значить, будетъ и *власть обязывающая* это дѣлать, другими словами, государственный строй окончательно не уничтожится<sup>3)</sup>.

Но самый сильный опустошительный походъ противъ основныхъ устоевъ существующаго строя государственной жизни, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи предпринялъ Л. Толстой, вѣрный крайне соціально-анархическому ученію<sup>4)</sup>. Великое противорѣчіе жизни Толстой видитъ въ томъ, что люди подчиняются государственнымъ законамъ. Эти законы,

1) А. Полозовъ. „Экономическій матеріализмъ и религія“. „Вѣра и Церковь“ 1903 г., кн. 5, стр. 741.

2) Флейшманъ. Противъ соціаль-демократіи, стр. 199.

3) Тихоміровъ. „Демократія матеріальная и соціальная“. М. 1896 г., стр. 64 и дал.

4) См. его сочиненія: „Царство Божіе внутри васъ“, „Патріотизмъ и христіанство“, „Рабство нашего времени“, „Неужели это такъ?“, „Гдѣ выходъ?“ и др.



по его мнѣнію, суть „произведенія корысти, обмана, борьбы партій“, и потому повиноваться имъ было бы „неразумно“<sup>1)</sup>. Но для каждаго понятно, насколько не правъ Толстой, называя государственные законы противорѣчіемъ жизни и произведеніемъ корысти, обмана и борьбы партій. Требования этихъ законовъ суть требованія народной совѣсти и потому осуждать ихъ значитъ осуждать совѣсть цѣлаго народа. По ученію христіанскому, законъ является необходимымъ послѣдствіемъ существованія преступленій и грѣховъ (Гал. 3, 19; Рим. 4, 15), а съ другой стороны—средствомъ для распознанія преступленій отъ дѣйствій непротивныхъ совѣсти или Закону Божію (Рим. 3, 20). Значитъ, законы указываютъ зло или преступленія въ общественной жизни и, наказывая преступниковъ, какъ бы говорятъ всему обществу, что и впредь такое преступленіе не можетъ оставаться безнаказаннымъ. Основная идея общественныхъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворялась оскорбленная правда, чтобы „судъ могъ возвратиться къ правдѣ“, по выраженію псалмопѣвца (Пс. 33, 15). Преступленіемъ нарушается святость закона, и потому преступникъ получаетъ должное наказаніе. Раскаявшійся на крестѣ разбойникъ имѣлъ истинное понятіе о значеніи наказаній, опредѣляемыхъ законами, когда подъ вліяніемъ совѣсти сказалъ: „мы осуждены справедливо, потому что по дѣламъ нашимъ приняли“ (Лук. 23, 41).

Итакъ, государственные законы, опредѣляющіе наказанія за разнаго рода преступленія, обусловливаются не „корыстію, обманомъ и борьбой партій“, какъ утверждаетъ Толстой, а волею Божіей, *чтобы справедливость утверждалась на землѣ и внѣшнимъ правовымъ порядкомъ*. „Начальникъ есть Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. 13, 4; ср. 1 Петр. 2, 14),—по государственно-юридическому принципу возмездія: зло за зло, мечъ за мечъ,—для удержанія злодѣевъ посредствомъ страха предъ наказаніемъ.

Но государственное правосудіе служитъ не только идеѣ справедливости, но и идеѣ милости, любви, стараясь исправить нарушителей закона (2 Фесс. 3, 13—15). И такая дѣятельность государства вопреки заявленіямъ анархистовъ<sup>2)</sup>, не будетъ местию, а будетъ проявленіемъ гуманности. „Не

<sup>1)</sup> „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 174.

<sup>2)</sup> См. Крапоткинъ. „Узаконенная месть“, стр. 4—7.

всегда тотъ другъ—кто щадить и тотъ врагъ, кто бьетъ“. Государство наказываетъ преступника не потому только, quia resecatum est a—не rescatum, чтобы предупредить напередъ обнаруженіе злой воли. Если одни подчиняются дѣйствию милости, то другіе спасаются страхомъ (Луд. 23).

Показывая всю важность и значеніе государственныхъ законовъ, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ, [вопреки лжеученію Толстого, необходимость повиновенія имъ. Хотя бы тотъ или другой законъ былъ весьма несовершенъ, онъ чрезъ это не теряетъ своей обязательной силы и никѣмъ не можетъ быть нарушенъ безъ должной за то отвѣтственности. „Отдавайте всякому (представителю верховной власти и его уполномоченному) должное (т. е. то, что требуется по закону): кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь“; заповѣдуетъ ап. Павелъ (Рим. 13, 7; ср. Петр. 2, 17). Эта апостольская заповѣдь освящена примѣромъ жизни самого Іисуса Христа. Такъ, когда однажды сборщики подати на храмъ обратились къ Нему чрезъ ап. Петра съ требованіемъ заплатить дидрахму, составлявшую ежегодную и обязательную для всѣхъ, кромѣ священниковъ и левитовъ, храмовую подать, то Онъ, хотя предварительно объяснилъ Петру, что такое требованіе не должно простираться на Него, какъ на Сына Божія; однако, „чтобы не соблазнить ихъ“ (сборщиковъ податей), т. е. чтобы они не понимавшіе Его высокаго значенія, не думали, что Онъ не хочетъ платить дани на храмъ и тѣмъ оказывается презрителемъ храма и нарушителемъ закона<sup>1)</sup>, повелѣлъ Петру уплатить требуемое (Мѡ. 17, 24—27). Въ другой разъ, когда фарисеи, стараясь уличить Христа въ противленіи верховной власти, предложили Ему лукавый вопросъ: „какъ тебѣ кажется? позволительно ли (съ точки зрѣнія закона еврейскаго давать подать Кесарю (т. е. римскому императору), или нѣтъ?“ Христосъ, указавъ имъ на изображеніе и надпись кесаря на динаріѣ, сказалъ, что они должны отдавать кесарю, что ему подобаешь, и что это не мѣшаетъ имъ воздавать должное Богу, т. е. не можетъ нарушать ихъ религіознаго закона (Мѡ. 22, 17—21).

<sup>1)</sup> Толковое Евангеліе Михаила, т. I, стр. 335 и дал.

Высказывая такое уваженіе и повиновеніе государственнымъ законамъ, Иисусъ Христосъ, очевидно, *не могъ быть соціально-политическимъ реформаторомъ или революціоннымъ демагогомъ*, какъ смотритъ на Него вслѣдъ за Бѣлинскимъ <sup>1)</sup> Л. Толстой <sup>2)</sup>. Онъ постоянно входилъ въ общеніе съ разными классами іудейскаго общества, и соціально-государственныя нужды народа должны быть извѣстны Ему. Онъ долженъ бы, конечно, если бы хотѣлъ, предпринять какія-нибудь реформы, сказать хоть что-нибудь на тѣ молчаливые вопросы, какіе предлагала современная Ему жизнь. Но во всемъ Евангеліи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что Христосъ желалъ когда-нибудь взять на себя роль реформатора внѣшней соціально-политической жизни. Мало того, изъ Евангелія видно, что онъ не хотѣлъ приять на себя не принадлежащее Ему по общественному закону даже простое званіе обыкновеннаго судьи или начальника <sup>3)</sup>. Такъ, когда „нѣкто изъ народа“ обратился ко Христу съ просьбой, чтобы Онъ сказалъ его брату раздѣлить съ нимъ наслѣдство, какъ ему хочется, Христосъ, хотя могъ бы, въ силу личнаго Своего авторитета, побудить своекорыстнаго чело-вѣка отдать должное брату своему, однако отвѣтилъ „человѣку тому: кто поставилъ Меня судить и дѣлить васъ“? (Лук. 12, 13—14). Болѣе того, Своимъ отказомъ Господь положительно обращаетъ вопросившаго къ посредничеству государственнаго суда, коль скоро онъ не можетъ, *по своему корыстолюбію* (Лук. 12, 15), братски разрѣшить споръ. Спаситель строго осуждалъ слѣпыхъ вождей еврейскаго народа за то, что они „оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру“ (Мат. 23, 23), т. е. за худое выполненіе именно государственной обязанности правосудія. Но когда Ему приходилось касаться ихъ юридическихъ правъ, Онъ сохранялъ неизмѣнное уваженіе къ закону. Исцѣливъ прокаженныхъ, Иисусъ сказалъ имъ: „пойдите, покажитесь священникамъ“,

<sup>1)</sup> Бѣлинскій, открыто издѣваясь надъ ученіемъ Христа, говорилъ, что если бы онъ появился теперь, то примкнулъ бы непременно къ социалистамъ и пошелъ бы за ними (см. Достоевскій. Полное собраніе сочиненій, 1846 г., т. V, стр. 151).

<sup>2)</sup> „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 63.

<sup>3)</sup> См. проф. А. Ф. Гусевъ. „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“, стр. 538—539.

т. е. велѣлъ выполнить то, что полагалось по закону (Лук. 27, 14). Предостерегая народъ отъ подражанія неблаговидному поведенію своихъ вождей, Господь въ то же время говорилъ: „всѣ, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте“ (Мѡ. 23, 3). Поэтому, еще менѣе можно видѣть въ Іисусѣ Христѣ какого-то демагога-революціонера, какимъ старается представить Его Толстой, а за нимъ и авторы современныхъ соціалистическихъ романовъ, сюжеты которыхъ заимствуются изъ земной жизни Христа <sup>1)</sup>. Хотя Іисусъ Христосъ, какъ видно изъ Евангелія, обращался съ Своимъ ученіемъ и къ народной толпѣ, но Онъ, вопреки обыкновенію революціонныхъ агитаторовъ, никогда не думалъ о томъ, чтобы привлечь ее на Свою сторону и возжигать въ ней неудовольствіе въ отношеніи къ законному правительству. Напротивъ, намъ извѣстно изъ Евангелія, что когда, по случаю чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человѣкъ, народъ такъ пораженъ былъ этимъ, что хотѣлъ насильно поставить Чудотворца своимъ царемъ въ Іерусалимѣ, то Іисусъ Христосъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же „удалился отъ толпы и скрылся“ (Іоан. 6, 15). По временамъ даже Христосъ прямо запрещалъ рассказывать о Своихъ чудесахъ (Мѡ. 8, 4), чтобы не увлекать за Собою народъ и преждевременно не раздражать ложныхъ и мечтательныхъ представленій его о царствѣ Мессіи, пока не выяснятся и не распространятся въ немъ здравыя понятія объ этомъ царствѣ<sup>2)</sup>. Поэтому видѣть въ Іисусѣ Христѣ народнаго демагога-агитатора—значитъ повторять жалкія обвиненія противъ Него древнихъ іудеевъ, ложно свидѣтельствовавшихъ на Него, что будто Онъ, какъ выдающій себя за царя, „противникъ Кесарю“ (Іоан. 18, 19) и, „запрещающій давать подать Кесарю“ (Лук. 23, 2), возмущаетъ противъ него народъ<sup>3)</sup>. Іисусъ Христосъ жилъ и дѣйствовалъ въ народѣ среди котораго сила часто торжествовала надъ правомъ. Однако, въ ученіи Его народъ видѣлъ не отрицаніе всякаго права, а поддержку для своихъ надеждъ на торжество справедливости. Іисусъ Христосъ, по словамъ

<sup>1)</sup> См. Н. Розановъ. „Соціально-экономическая жизнь и Евангеліе“. „Православно-русское слово“, 1904 г. № 7, стр. 614.

<sup>2)</sup> Толковое Евангеліе Михаила, т. I, стр. 149.

<sup>3)</sup> См. Высокопр. Антоній. „Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Іисусъ Христосъ былъ революціонеръ“. Москва, 1909 г.

А. Гарнака, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что Самъ Богъ въ концѣ всего воздастъ по справедливости. Если Онъ не водворяетъ правды здѣсь, то водворитъ ее тамъ (въ вѣчности). Не можетъ быть рѣчи о томъ, будто Иисусъ радикально осуждалъ право и правоотправление (Rechtsübung)<sup>1)</sup>. Даже падая жертвой государственныхъ законовъ, направленныхъ злою волею народной толпы, Христосъ не осуждалъ государственности. И не ее Онъ считалъ виновницею Своей крестной смерти. „Отче, прости имъ: они не знаютъ что дѣлаютъ“,—молился Онъ о Своихъ мучителяхъ.

Точно также и апостолы никогда не принимали на себя несвойственную имъ по ихъ служенію роль соціально-политическихъ реформаторовъ. По примѣру Своего божественнаго Наставника они учили вѣрующихъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро... Бога бойтесь, царя чтите“ (1 Петр. 2, 13—14, 17). Замѣчательно, что это предписывалось вѣрующимъ, находившимся въ повиновеніи такимъ властямъ, которыя не давали имъ покоя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Но это-то и показываетъ, что христіанская заповѣдь объ уваженіи къ государственной власти, въ отношеніи къ соблюденію издаваемыхъ ею законовъ, заключаетъ въ себѣ не какое-нибудь частное или случайное, вызванное только извѣстными обстоятельствами, предписаніе, а общее правило, изъ котораго единственнымъ исключеніемъ можетъ быть лишь неповиновеніе такимъ требованіямъ власти, которыя противны религіозному долгу наибольшаго повиновенія волѣ Божіей (Дѣян. 4, 19). Подобныя современному намъ соціаль-анархизму мечтательныя и вредныя теоріи общественной жизни существовали уже въ самыя первыя времена христіанства, и это побудило апостоловъ съ особенною настойчивостію говорить о долгѣ повиновенія законной власти въ мірѣ человѣческомъ, „не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти“ (Рим. 13, 5). Старааясь предохранить юридическія права законной человѣческой власти, они безпощадно разоблачали всю нечистоту

<sup>1)</sup> Das Wesen des Christenthums, s. 69—70.

ихъ побужденій. Это—„мечтатели, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальство и злословятъ высокія власти“, —писали о нихъ апостолы. „Это рожотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (нечестиво и незаконно); уста ихъ произносятъ надутыя слова; они оказываютъ лицепріятіе для корысти“ (Іуд. 1, 8, 16, Ср. 2 Петр. 2, 10—19). Какъ они похожи на нашихъ соціалистовъ—политикановъ. Но апостолы не только словомъ, но и своею жизнію, учили вѣрующихъ правильно относиться къ законной власти и уважать требованія общественнаго закона. Такъ, ап. Павелъ, обративъ ко Христу одного убѣжавшаго отъ своего господина раба, по имени Оясима, почелъ долгомъ возвратить обращеннаго законному его господину—Филимону, хотя, какъ самъ свидѣтельствуется, весьма желалъ бы удержать его при себѣ, какъ сына, духовно имъ рожденнаго и сдѣлавшагося возлюбленнымъ братомъ для всѣхъ вѣрующихъ, въ томъ числѣ и для самаго господина своего, и при томъ не только „въ Господѣ“, но и „по плоти“, т. е. въ порядкѣ земныхъ гражданскихъ отношеній (Филим. 1, 10—16).

Много подобныхъ свидѣтельствъ о почитаніи и повиновеніи законной власти со стороны первенствующихъ христіанъ встрѣчается въ твореніяхъ ближайшихъ къ апостоламъ церковныхъ учителей<sup>1)</sup>. Но мы ограничимся лишь нѣкоторыми свидѣтельствами. Такъ напр. св. *Феофилъ* писалъ въ первой книгѣ къ Автолику слѣдующее: „Царя почитай благорасположеніемъ къ нему, повиновеніемъ ему, молитвой за него. Поступая такъ, исполнимъ волю Божию“<sup>2)</sup>. *Авинагоръ* въ своей апологіи на имя Марка Аврелія, Люція и Аврелія Коммода говорилъ о христіанахъ, что они преимущественно предъ всѣми питаютъ самыя святыя достодолжныя расположенія къ Божеству и царской власти<sup>3)</sup>. И дѣйствительно, первые христіане съ такимъ уваженіемъ относились къ требованіямъ языческой власти, что едва ли между подданными римскихъ императоровъ были люди, болѣе усердно и точно исполняющіе свои обязанности по отношенію къ государству;

<sup>1)</sup> См. Проф. А. Ѡ. Гусевъ. „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого, стр. 397—398.

<sup>2)</sup> Сочин. древнихъ христіанскихъ апологетовъ“ стр. 179.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 68.

какъ они. Если бы анархическія идеи были присущи христіанству, то онѣ несомнѣнно съ чрезвычайной силой проявились бы во время гоненій римскаго правительства на послѣдователей Христа. Но этого не было. Христіане оказывали полное повиновеніе языческой власти, позволяя себѣ только словесный протестъ и пассивное сопротивленіе противохристіанскимъ требованіямъ. Они отказывали въ повиновеніи власти лишь тогда, когда она требовала отъ нихъ отреченія отъ Христовой вѣры, за которую готовы были идти на костры и въ когти дикихъ звѣрей.

Итакъ, христіанство требуетъ уваженія къ издаваемымъ государственною властію законамъ и основаннымъ на нихъ порядкамъ. А такъ какъ разумная душа человѣческая, по свидѣтельству Тертулліана, „по природѣ христіанка“, то поэтому трудно согласиться съ гр. Толстымъ, когда онѣ утверждаетъ, что требуемое христіанствомъ повиновеніе государственнымъ законамъ не удовлетворяло бы требованіямъ „разумности“ человѣческой природы.

Кромѣ великаго или общаго противорѣчія государственной жизни, состоящаго въ подчиненіи людей государственнымъ законамъ, Толстой, вслѣдъ за соціалъ-анархистами, различаетъ еще частныя государственныйя противорѣчія. Въ частности, онѣ усматриваетъ противорѣчія государственной жизни въ томъ, что, напр., люди „признаютъ ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и въ то же время должны платить ихъ, признаютъ бесполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія..., и должны участвовать въ поддержаніи этихъ учрежденій...; не признаютъ необходимости войскъ и войны, и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войны“ и т. д. <sup>1)</sup> Итакъ вооружаясь противъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ Толстой отмѣчаетъ лишь возможность ихъ „бевполезнаго“ расходованія, ихъ „ненужность“ и при этомъ намѣренно умалчиваетъ о томъ, сколько государство расходуетъ на народныя нужды и потребности: на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ, посягающихъ на его честь, благоустройство и благосостояніе, и на предупрежденіе внутреннихъ безпорядковъ, на школы, больницы, пріюты,

<sup>1)</sup> „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 174 и дал.

богадѣльни, устройство путей сообщенія, улучшение народнаго хозяйства и т. д. Подать, налагаемая правительствомъ на гражданъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, „есть, по словамъ проф. М. Д. Муретова, одно изъ первичныхъ проявленій и осуществленій государственности, ибо возвышаетъ челоуѣка надъ звѣрскимъ состояніемъ взаимной грызни другъ друга (Гал. 5, 15) и войны каждаго противъ всѣхъ. Посредствомъ подати производится обращеніе частнаго владѣнія на общегосударственную пользу—для всѣхъ гражданъ: школы, дороги, благотворительныя учрежденія, обезпеченіе старости и неспособности къ труду и пр... Это, „Кесарево Кесарю“, или, частнѣе, подать сходится съ христіанскимъ идеаломъ „Божіе Богу“, такъ какъ облегченіемъ гражданамъ пользованія предметами первой необходимости освобождаетъ духовную энергію отъ животной жизни изъ-за хлѣба одного... для высшей и благороднѣйшей жизни изъ-за Слова Божія и духовныхъ идеаловъ, для преимущественнаго исканія Царства Божія и правды его“<sup>1)</sup>. Не мѣшаетъ напомнить Толстому, похваляющемуся своихъ христіанскимъ настроеніемъ, и то, что въ искренней готовности платить государственныя подати и пошлыны, состоитъ одна изъ важнѣйшихъ гражданскихъ добродѣтелей: „отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ“ (Рим. 13, 7. Ср. ст. 6).

Не представляется справедливымъ съ христіанской точки зрѣнія и негодованіе Толстого по поводу государственной необходимости содержать войска и вести войны<sup>2)</sup>. Хотя христіанство, какъ религія мира и любви, не можетъ не осуждать того духа, который обыкновенно порождаетъ войны, и потому ежедневно по нѣскольку разъ заставляеть вѣрующихъ возносить свои моленія „о мирѣ всего міра“, объ „избавленіи отъ меча“, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани“, но за то оно не можетъ осуждать и такой

<sup>1)</sup> „Отношеніе христіанъ къ мірской власти“, „Богосл. Вѣстникъ“. 1911 г., іюль—августъ, стр. 483—484.

<sup>2)</sup> А въ своемъ протестѣ противъ прошлой войны нашей съ Японіей онъ доходилъ до такого умопомраченія, что совѣтовалъ русскимъ, чтобы они добровольно покорились японцамъ и не сопротивлялись имъ, хотя бы даже японцы вздумали овладѣть Москвой и Петербургомъ (см. „Церк. Вѣстникъ“, 1904 г., № 27, стр. 838—39).



самозащиты, которая требуетъ противопоставлять оружію оружіе. Правда, въ Евангеліи нигдѣ не говорится о томъ, признавалъ ли Іисусъ Христосъ войну дозволенною; но можно думать, что для жизни общественно-государственной Онъ не отрицалъ ея значенія, именно какъ средства защиты отъ нападенія враговъ. По крайней мѣрѣ, на вопросъ Пилата: „Ты Царь Іудейскій“? Христосъ отвѣчалъ: „царство Мое не отъ міра сего (т. е. не мірское въ общемъ смыслѣ, не политическое): если бы отъ міра сего было царство Мое (и Я былъ царь въ политическомъ смыслѣ); то служители Мои (всѣ сторонники Моихъ политическихъ—царскихъ правъ) подвизались бы за Меня (οἱ υπηρέται ἅν οἱ Ἰουδοίαι ἠγωνίζοντο), чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ“ (Іоан. 18, 33, 36). Когда ап. Павелъ называетъ начальниковъ служителями Вожіими, которые „не напрасно носятъ мечъ“ (Рим. 13, 4), т. е. не для украшенія только или устрашенія, но для дѣйствительнаго отмщенія злодѣямъ, то, очевидно, разумѣетъ власть военную. Въ томъ обстоятельствѣ, что власти данъ отъ Бога мечъ, нельзя не видѣть оправданія войны съ христіанской точки зрѣнія <sup>1)</sup>. Есть оптимисты-философы и поэты, которые мечтаютъ о такомъ времени, когда войны прекратятся и водворится всеобщій миръ на землѣ <sup>2)</sup>. Но пока все человѣчество не будетъ болѣе или менѣе одинаково проникнуто духомъ христіанской любви къ ближнему, до тѣхъ поръ война не перестанетъ быть печальною необходимостію для него, какъ послѣднее неизбѣжное средство къ огражденію закон-

<sup>1)</sup> Обстоятельный разборъ откровенныхъ данныхъ о законности войны помѣщенъ въ сочиненіи профессора А. Гусева: „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“. Казань, 1902 г.

<sup>2)</sup> „И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,  
 „Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,  
 „Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,  
 „Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

(Надсонъ).

Такія оптимистическія чаянія имѣютъ нѣкоторое основаніе для себя въ самомъ Свящ. Писаніи, которое тоже говоритъ о такомъ времени, когда „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ“ (Іс. 11, 6), когда „перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои—на серпы“ (Исх. 2, 4. Ср. Мих. 4, 3). Поэтому „вѣчный миръ“ на землѣ навсегда останется идеаломъ, къ которому должно стремиться. Гаагская конференція нынѣ царствующаго Императора Николая II служитъ тому достойнымъ примѣромъ.

ной свободы отъ незаконнаго насилія. Но это произойдетъ только въ концѣ всего, когда „и сама тварь, совокупно съ нами стенающая и мучающаяся донинѣ, освобождена будетъ отъ рабства, тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (Рим. 8, 21—22), т. е. когда дождемся „новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда“ (2 Петр. 3, 13). До того же времени, по словамъ самого Іисуса Христа, постоянно „будетъ слышно о войнахъ и о военныхъ слухахъ..., ибо надлежитъ всему тому быть; но это еще не конецъ. Ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство“ (Мѡ. 24, 6—7).

Главною причиною войны Толстой признаетъ чувство *патріотизма*, которое, какъ несовмѣстимое будто бы съ обязанностию христіанина одинаково любить всѣхъ людей, онъ называетъ *противохристіанскимъ* <sup>1)</sup>. Въ этомъ случаѣ Толстой, очевидно, является солидарнымъ съ тѣми изъ представителей соціализма, которые стараются разрѣшить соціалистическую проблему на почвѣ космополитизма <sup>2)</sup>. Но и въ вопросѣ о патріотизмѣ христіанство совершенно не согласно съ ученіемъ Толстого, такъ какъ оно считаетъ любовь къ отечеству чувствомъ высокимъ и священнымъ. „Если кто о своихъ, и особенно о домашнихъ не печется,—учить ап. Павелъ,—тотъ отрекся отъ вѣры, и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Признавать себя только гражданиномъ всего міра и въ то же время не считать себя сыномъ своего отечества—значитъ отказываться отъ всякихъ гражданскихъ обязанностей; потому что только служба любовью нашимъ приснымъ, къ ко-

<sup>1)</sup> Царство Божіе внутри васъ“, часть I, стр. 186, 194.

<sup>2)</sup> Марксъ и Энгельсъ придали своему соціализму космополитическій характеръ, исходя изъ той мысли, что пролетаріатъ во всѣхъ странахъ страдаетъ отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ и долженъ сплотиться для достиженія однѣхъ и тѣхъ же цѣлей. При девизѣ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, нѣтъ мѣста патріотизму. Въ „Манифестѣ коммунистической партіи“ (1848 г.). Марксъ и Энгельсъ писали: „коммунистамъ ставятъ въ упрекъ, что они желаютъ уничтожить національность, отечество. *Рабочіе отечества не имѣютъ*. Нельзя отнять у нихъ то, чего они не имѣютъ. И въ другомъ мѣствѣ: „Рабская зависимость современнаго рабочаго отъ капитала лишаетъ его (пролетарія) національнаго характера“. (См. „Соціализмъ“ Катрейна, стр. 269). Лондонскій международный конгрессъ (1888 года) приглашалъ рабочихъ всѣхъ странъ отрѣшиться отъ патріотическихъ идей, вносящихъ раздоръ между ними (Louis Legrand—e'idés de la Patrie. Paris, 1897).

торымъ поставлены въ ближайшія отношенія, мы можемъ учиться служить и всѣмъ ближнимъ (1 Тесс. 3, 12). „Космополитизмъ, какъ нѣчто отвлеченное, совершенно не можетъ проникнуть въ дѣятельную жизнь человѣка. Любить всѣхъ безъ всякаго различія своего и чужого—это отвлеченная космополитическая идея, которая почти равна индифферентизму. Человѣку для его любви—любви дѣятельной, а не платонической—нужны болѣе близкіе объекты: семья, народъ, отечество... Подъ космополитическимъ чувствомъ легко можетъ укрываться холодное сердце и одно только желаніе витать въ неопредѣленномъ пространствѣ. ..Всѣ самые высокіе идеалы, за которыми признано значеніе общечеловѣческое, не могутъ жить и дѣйствовать внѣ народности: они будутъ отвлеченными, безжизненными до тѣхъ поръ, пока не будутъ усвоены народомъ“<sup>1)</sup>. Будучи апостоломъ „языковъ“, Павелъ возвѣщалъ слово Божіе преимущественно язычникамъ (Гал. 1, 16), и однакожъ его сердце было проникнуто горячимъ чувствомъ любви къ своему народу. Сокрушаясь по причинѣ упорнаго невѣрія своихъ соотечественниковъ въ Господа Спасителя, онъ, между прочимъ, писалъ: „истину говорю во Христа, не лгу, свидѣтельствуется мнѣ совѣсть моя въ Духъ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему; я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ“ (Рим. 9, 1—4). Самъ Господь Іисусъ Христосъ былъ преисполненъ высочайшаго патріотическаго чувства. Правда, Онъ, какъ Богъ, всегда хотѣлъ и „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись, и достигли познанія истины“ (1 Тим. 2, 4), но, какъ сынъ Своего народа, первѣе всего заботился о „погибшихъ овцахъ дома Израилева“ (Мѣ. 10, 5—8; 15, 24). Для подтвержденія той же мысли мы не будемъ указывать на Его трогательную любовь къ Галилеѣ, Тиверіадскому озеру, „Своему городу“ (Мѣ. 9, 1)—Капернауму; мы ограничимся воспоминаніемъ лишь о томъ, какъ за нѣсколько дней до Своихъ крестныхъ страданій, во время торжественнаго входа въ Іерусалимъ, Онъ, взглянувъ на этотъ городъ, „заплакалъ о немъ“ въ виду ожидавшей его горькой участи и сказалъ: „о если

<sup>1)</sup> См. „Патріотизмъ и христіанство“. „Вѣра и Церковь“, 1905 г., книга 6, стр. 68—69, 71.

бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему“ (Лук. 19, 41—44). Могъ ли послѣ этого Христосъ, Самъ плакавшій объ Іерусалимѣ, осудить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, находившихся въ плѣну, которые, движимые чувствомъ любви къ своему отечеству, также со слезами на глазахъ говорили, обращаясь къ священному для нихъ городу: „при рѣкахъ Вавилона тамъ сидѣли и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ... Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего (Пс. 136, 1, 4—6) <sup>1)</sup>. Патриотизмъ присущъ каждому нравственно здоровому народу. Человѣку, имѣющему неповрежденные чувства, свойственна привязанность къ своему народу, который для него свой и котораго онъ составляетъ органическую часть. Такой человекъ естественно любить свой домъ, свой край родной, ему дороги мѣста, гдѣ жили его предки, гдѣ они трудились, гдѣ нашли вѣчный покой. Ему дороги всѣ, создавшіе силу и славу родины, ему дорога родная рѣчь, родная пѣснь. Ему цѣнно все духовное достояніе народа—плодъ многовѣковыхъ трудовъ его предковъ. Онъ чувствуетъ себя неоплатнымъ должникомъ предъ ними и всегда готовъ и свои силы и самую жизнь отдать дорогой родиной <sup>2)</sup>.

Итакъ, если христіанство не осуждаетъ естественное въ человекѣ чувство патриотизма, которымъ было преисполнено сердце Самого Спасителя и Его Апостоловъ, то какъ же не правъ Толстой, называя его чувствомъ противохристіанскимъ? Хотя христіанская любовь обнимаетъ всѣхъ людей безъ исключенія, такъ какъ въ каждомъ человекѣ видитъ своего ближняго и признаетъ его права не только на справедливость, но и на братское расположеніе къ себѣ другихъ; но эта всеобъемлемость ея непремѣнно не обязываетъ христіанина одинаково любить всѣхъ людей и не препятствуетъ ему питать особенную и преимущественную любовь къ своему народу,

<sup>1)</sup> Прекрасный анализъ относящихся сюда мѣстъ Св. Писанія можно найти въ сочиненіи В. Никольскаго: „Христіанство, патриотизмъ и война“. „Правосл. Собесѣдникъ“, 1904 г., май, стр. 766—86.

<sup>2)</sup> См. нашу брошюру: „Патриотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія“. Кіевъ, 1908 г.

съ которымъ онъ тѣсно связанъ жизнію тѣлесною, религіозными побужденіями и всѣмъ внутреннимъ строемъ души своей. Универсальностію или всеобъемлемостію любви христіанской патріотизмъ не исключается, а только очищается отъ эгоистическихъ элементовъ и слѣпого пристрастія ко всему своему, что именно, въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ и недоброжелательствомъ ко всему чужому, и является въ международныхъ сношеніяхъ главною причиною войны, а не самый патріотизмъ, какъ думаетъ Толстой. Впрочемъ, и истинная любовь къ отечеству можетъ побудить и дѣйствительно побуждаетъ иногда патріота стать на вооруженную защиту интересовъ своего народа противъ иноземныхъ притязаній. Но это бываетъ только тогда, когда онъ не видитъ другого лучшаго исхода изъ даннаго положенія. Та же самая любовь къ отечеству, при другихъ обстоятельствахъ, напротивъ, всячески постарается удержать патріота отъ войны, поведетъ его къ уступкамъ враждующему противъ его отечества народу. Поэтому, и въ данномъ случаѣ считать патріотизмъ главною причиною войны—значить вмѣстѣ съ Толстымъ высказывать невѣрное сужденіе. Не ведетъ патріотизмъ необходимо, какъ думаетъ онъ <sup>1)</sup>, и къ религіозной исключительности. Можно быть христіаниномъ, не переставая быть „іудеемъ или эллиномъ“; во Христѣ „вѣсть іудей и эллинъ“ не въ томъ, конечно, смыслѣ, что всякія національности упраздняются, а въ томъ, что онѣ въ дѣлѣ вѣры равноправны. Спаситель молился: „да вси едино будутъ“,—едино, разумѣется по вѣрѣ, а не по національности. Религіозныя предразсудки еврейскаго народа не помѣшали ап. Павлу горячо любить свой народъ.

Война невозможна безъ войска, т. е. безъ лицъ, несущихъ военную службу. Относительно военной службы христіанство совершенно несогласно съ Толстымъ, который не иначе называетъ всѣхъ военныхъ, какъ „оскотиненными“ людьми <sup>2)</sup>. Въ бесѣдѣ съ капернаумскимъ сотникомъ, для котораго военная служба составляла профессію, Иисусъ Христосъ не требовалъ, чтобы онъ оставилъ свою службу и не

<sup>1)</sup> Ср. Профессоръ М. Тарѣевъ. „Духъ и плоть“. „Богословскій Вѣстникъ“. 1905 г., кн. I, стр. 24.

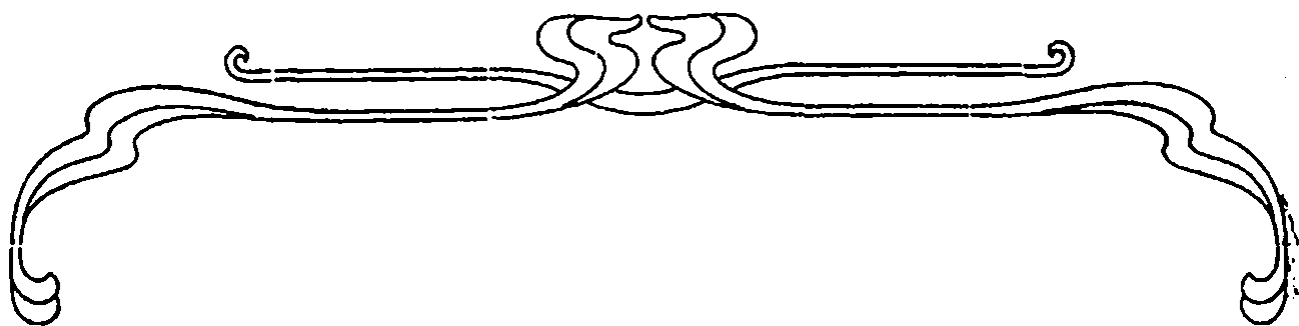
<sup>2)</sup> Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ (Критическій разборъ). Харьковъ, 1894 г., стр. 159.

назвалъ его „оскотиненнымъ“ человѣкомъ, а, напротивъ, указывая на него іудеямъ, какъ на примѣръ достойный по-дражанія, отозвался о немъ такъ: „истинно говорю вамъ, и во Израилѣ не нашель Я такой вѣры (Мѣ. 8, 10; Лук. 7, 9). Другой „сотникъ и бывшіе съ нимъ“ у креста распятаго Иисуса едва ли также были „оскотиненными“ людьми, такъ какъ въ чудесахъ, сопровождавшихъ смерть Иисуса Христа, всѣ они увидѣли доказательство истинности того, что Онъ Сынъ Божій (Мѣ. 27, 54), и увѣровали въ Него <sup>1)</sup>). И къ сотнику Корнилію никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено названіе „оскотиненнаго“ человѣка въ виду тѣхъ добродѣтелей, за которыя онъ былъ удостоенъ особыхъ знаковъ милости Божіей: онъ былъ „мужъ благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творившій много милостины народу и всегда молившійся Богу“ (Дѣян. 10, 1—2). И такъ, если воины сами по себѣ (по причинѣ того только, что несутъ военную службу) не могутъ быть названы „оскотиненными“ людьми, то понятно, почему христіанство не находитъ ничего соблазнительнаго и въ томъ, что свое содержаніе они получаютъ отъ государства, чѣмъ крайне возмущается Толстой. Въ числѣ лицъ, слышавшихъ проповѣдь Іоанна Крестителя и спрашивавшихъ его, что имъ дѣлать, были, между прочимъ, воины. Іоаннъ не порицаетъ ихъ за получаемое ими отъ правительства содержаніе, а требовалъ только, чтобы они „никого не обижали, не клеветали и довольствовались своимъ жалованьемъ“ (Лук. 3, 14). „Какой воинъ, спрашиваетъ апостолъ Павелъ, служить когда либо на своемъ содержаніи“ (1 Кор. 9, 7). „Никакой воинъ, говоритъ онъ же, не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику“ (2 Тим. 2, 4).

Такимъ образомъ въ лицѣ Толстого, рѣшительно отвергающаго государственные законы, подати и пошліны, войну и патріотизмъ, военную службу и пр., соціализмъ (по крайней мѣрѣ—нашъ русскій) достигъ крайняго развитія въ смыслѣ отрицанія основныхъ устоевъ существующаго строя государственной жизни.

*Проф.-прот. Н. Стеллецкій.*  
(Продолженіе будетъ).

<sup>1)</sup> По крайней мѣрѣ преданіе (именуя этого сотника Лонгиномъ) говоритъ, что онъ сдѣлался христіаниномъ и послѣ даже мученикомъ (Чет. Мин. октябрь 16).



## УЧЕНІЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛІИ.

(Продолженіе \*).

Собственно непогрѣшимость св. текста богословская наука усвояетъ *автографамъ* боговдохновенныхъ писателей. Несмотря на большую тщательность, на стараніе переписчиковъ, въ отдѣльные экземпляры и даже полное собраніе св. книгъ могли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности чрезъ посредство списковъ, копій и переводовъ. Особенно это было возможно при передачѣ или перепискѣ названій мѣстъ, лицъ, обозначеній чиселъ и т. п. Св. Златоустъ вполне *сознаетъ здѣсь важность различія между автографами и копіями, оригиналами и переводами* Св. Писаній. Это доказывается двумя примѣрами изъ комментаріевъ св. отца Церкви на евангеліе отъ Іоанна и на книгу пророка Даніила. Въ существовавшемъ въ то время текстѣ четвертаго евангелія мѣстомъ Іоаннова крещенія указано было Виеанія (Іоан. 1, 28). Св. Златоустъ справедливо замѣчаетъ, что Виеанія была не по ту сторону Іордана и не въ пустынь, а близъ Іерусалима. Поэтому, ссылаясь на списки болѣе исправные, Златоустъ утверждаетъ, что мѣстомъ крещенія была Виеавара <sup>1)</sup>, какъ доказывалъ и Оригенъ. Въ комментаріи на книгу пророка Даніила подобное замѣчаніе дѣлается о хронологической датѣ сновидѣній царя Навуходоносора. Въ спискахъ книги, употреблявшихся въ вѣкъ Златоуста, говорилось о второмъ

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 4 за 1912 годъ.

<sup>1)</sup> In Ioann. XVII, 1 (M. LIX, 107).

годѣ царствованія Навуходоносора (II, 1). Самъ Златоустъ доказываетъ, что сны видѣлись вавилонскому царю не во второй, а въ двѣнадцатый годъ. Если Іерусалимъ былъ взятъ въ девятомъ году правленія Навуходоносора и послѣ этого прошло три года, то годъ сновидѣнія, очевидно, былъ двѣнадцатымъ. Въ виду того, что у евреевъ однимъ и тѣмъ же знакомъ обозначаются числа: два и двѣнадцать, возможна была ошибка переписчика. Но, можетъ быть, пророкъ разумѣлъ второй годъ послѣ того, какъ отроки были представлены ко двору царя <sup>1)</sup>. При истолкованіи св. писаній, особенно псалмовъ, Златоустъ, слѣдуя традиціямъ антиохійской школы, изслѣдуетъ и сравниваетъ различные переводы. Въ этомъ обнаруживается его горячее стремленіе приблизиться къ первоначальному состоянію боговдохновеннаго подлинника <sup>2)</sup>. Однако, Златоустъ сравнительно рѣдко отмѣчаетъ разногласія между оригиналомъ и наличнымъ текстуальнымъ преданіемъ. Слѣдовательно, его истолкованія опираются на предположеніи полной или по крайней мѣрѣ, весьма существенной гармоніи между ними.

Разсматривая Библию въ ея отношеніи къ читателямъ, Златоустъ учитъ, что по своей формѣ она *обязана своимъ происхожденіемъ снисхожденію* Божію къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ говоритъ „о снисхожденіи словъ, по причинѣ немощи человѣческой“. Это снисхожденіе есть нѣчто большее, чѣмъ простая аккоммодация. Богъ говоритъ съ людьми чрезъ людей. Слѣдовательно, говоритъ ихъ же словами, ихъ же языкомъ. Грубость стили нѣкоторыхъ изъ боговдохновенныхъ писаній объясняется грубостью (*παυότης*) читателей ихъ—іудеевъ. Именно божественная благодать, или человѣколюбіе служатъ источникомъ божественнаго снисхожденія. Великое начало, выраженное Златоустомъ въ ученіи о „снисхожденіи“, имѣетъ весьма широкое приложеніе. Какъ въ историческомъ воплощеніи вѣчное Слово содѣлалось плотію, такъ въ боговдохновенной Библии Божія слава облеклась плотскою одеждою человѣческой мысли, человѣческаго языка. Библия одновременно есть книга и сущность, лѣто-

<sup>1)</sup> In Dan. II, 1 (M. LVI, 199).

<sup>2)</sup> Срав. in psalm. VIII (LV, 106. 116); IX, 3 (LV, 125); X, 1 (M. LV, 140); XI, 2 (LV, 145); XLIII, 6 (LV, 177); CXXXI, 3 (LV, 382); CXXXV, 1 (LV, 400); CXXXVII, 1 (M. LV, 408. 409) и др.



пись и содержаніе историческаго Откровенія. Въ Библии Господь научаетъ человѣческой родъ такъ же, какъ отецъ наставляетъ сына своего въ дѣтствѣ, отрочествѣ, юности. Уроки боговдохновенной Библии соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ и переломамъ жизни, отвѣчаютъ все возрастающимъ потребностямъ человѣческихъ способностей.

По ученію Златоуста, Библия есть именно книга, написанная Духомъ Божиимъ чрезъ людей и для людей. Какъ таковая, она впечатлѣваетъ на себѣ постепенное развитіе божественнаго Откровенія, соотвѣтственно различнымъ періодамъ человѣческой исторіи. Божественное снисхожденіе къ людямъ выразилось какъ въ *формѣ*, такъ и въ *существовѣ* изложеннаго въ боговдохновенныхъ писаніяхъ Откровенія.

Св. писатели излагаютъ возвышенныя истины Откровенія *по-человѣчески* (*ἀνθρωπίνως*), въ *человѣкообразныхъ формахъ*, выраженіяхъ, приспособительно къ людямъ. Св. отецъ Церкви выражаетъ эти мысли весьма часто по различнымъ поводамъ и въ различныхъ формахъ. Божественное Писаніе обо всемъ говоритъ по снисхожденію къ намъ <sup>1)</sup>. „Божественное Писаніе повѣствуетъ обо всемъ приспособительно къ нашей немощи“ <sup>2)</sup>. Все излагается Писаніемъ по человѣческому обычаю, такъ какъ оно принимаетъ престолярную рѣчь людей <sup>3)</sup>.

Иногда это снисхожденіе къ людямъ представляется у Златоуста какъ преднамѣренное вполне *сознательное дѣло* самихъ св. писателей. „Говорящій Духомъ все рассказывалъ, сообразно, приспособительно къ слушателямъ“ <sup>4)</sup>,—такъ характеризуетъ св. отецъ Церкви повѣствованіе Моисея о происхожденіи міра и человѣка. Точно также о пророкѣ Исаи сказано, что онъ приспособлялся къ человѣческому обычаю въ виду того, что и рѣчь его обращена къ людямъ <sup>5)</sup>. Составители псалмовъ употребляли весьма чувственыя выраженія (ср. пс. VII, 13; СШ, 32; XCIV, 4; CXLVII и др.). Это они дѣлали съ тою цѣлью, чтобы люди самые неразумные видѣли, что не на словахъ должно останавливаться, а вы-

<sup>1)</sup> In Genes. cap. I; hom. X, 7 (M. LIII, 88).

<sup>2)</sup> Ibidem: XXII, cap. V (M. LIII, 191).

<sup>3)</sup> In Isa. XIII, 19—20; изданіе мекитаристовъ. Венеція 1887; col. 165.

<sup>4)</sup> In Gen. IV, 3 (LIII, 29).

<sup>5)</sup> In Isa. VI, (M. LVI, 69).

водитъ изъ нихъ богоприличныя мысли 1). Иногда составители псалмовъ начинаютъ свою рѣчь съ изображеній чувственныхъ, а слушателей руководятъ къ предметамъ духовнымъ 2). Но бываютъ и обратные случаи, когда они, подобно искуснымъ художникамъ, идутъ обратнымъ путемъ, а именно: отъ высокихъ выраженій къ чувственнымъ (ср. пс. XLIV и другіе) 3).

Такъ какъ приспособленіе св. писаній къ людямъ органически связано съ самымъ божественнымъ ихъ вдохновеніемъ, то и снисхожденіе (*συνκατάβασις*) усвоется *Златоустомъ Духу Святому или вообще Богу*. Такъ вся библейская исторія міротворенія, по ученію св. отца Церкви, носитъ печать такого снисхожденія. Въ вѣкъ Моисея родъ человѣческій былъ еще слабъ и не могъ понять совершеннѣйшаго ученія. Поэтому Духъ Святой, двигавшій устами пророка Моисея, говоритъ намъ обо всемъ приспособительно къ слабости слушающихъ 4). Богъ допускаетъ о Себѣ слова недостойныя, чтобы, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ люди могли открыть глаза и понять великія и высокія истины вѣры 5), Богъ употребляетъ слова снисхожденія, выраженія грубыя, чтобы приблизить предметъ къ разумѣнію людей болѣе грубыхъ, чтобы подѣйствовать на нихъ 6).

Происхожденіе божественнаго снисхожденія (*συνκατάβασις*) объясняется Златоустомъ также изъ самаго существа божественнаго Откровенія. Какъ всесовершенный и безконечный Духъ, Богъ непостижимъ для людей вполнѣ: не только въ Своемъ Существовѣ, но и въ Своихъ свойствахъ. Это должно сказать не только о людяхъ обыкновенныхъ, но также о пророкахъ и апостолахъ 7). Если бы Откровеніе не удостоило насъ снисхожденія, не говорило съ нами по человѣческому обычаю, то намъ не понять бы изъ него ни одного слова 8). Самъ Христосъ много и часто говорилъ о Себѣ по-человѣ-

1) In psalm. VII, 11 (M. LV, 97).

2) In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

3) In psalm. XLIV, 7 (M. LV, 193).

4) In Gen. III, 3 (M. LIII, 34—35); cap. 1.

5) In Ioann. XL, 2 (M. LIX, 100).

6) In psalm. VI, 1 (M. LV, 71).

7) Contr. Anom. I, 4 (M. XLVIII, 704—706).

8) In Gen X, 7 (M. LIII, 88).

чески, но благоприлично и достойно Своего высокаго происхожденія, одновременно снисходя къ немощи слушателей и соблюдая вѣрность догматамъ. Если бы Христосъ не приспособлялся къ людямъ, то преподаваніе людямъ высокихъ догматовъ Его ученія было бы излишне, такъ какъ люди ихъ не поняли бы <sup>1)</sup>).

Божественное снисхожденіе вполнѣ *согласуется съ ходомъ домостроительства* спасенія человѣческаго рода. Богъ воспитываетъ человѣческій родъ по образу и подобию Своему. Но въ воспитаніи этомъ нѣтъ и не могло быть внезапныхъ переходовъ, разобщенныхъ скачковъ. Съ этой точки зрѣнія Библия представляетъ изъ себя полную лѣтопись религіозно-нравственнаго возрастанія человѣчества. Свою мысль Златоустъ поясняетъ прекрасными сравненіями. Учители, принимающіе дѣтей непосредственно отъ родителей, преподаютъ имъ первые начатки ученія. Принимающіе же дѣтей отъ этихъ учителей должны сообщать имъ уже болѣе совершенныя познанія. Также поступаютъ и боговдохновенные писатели. Моисей, напр., когда обращалъ рѣчь свою къ грубымъ іудеямъ, то говорилъ преимущественно о предметахъ чувственныхъ, чтобы чрезъ нихъ возвести своихъ читателей къ Создателю вселенной. Между тѣмъ писатели Новаго Завѣта, какъ жившіе уже во времена благодати, наприм., ап. Павелъ въ посланіи къ колоссянамъ (I, 16 и др.), Іоаннъ, сынъ громовъ въ евангеліи (ср. I, 3 и др.) идутъ уже другимъ путемъ <sup>2)</sup>).

Соразмѣряясь съ постепеннымъ развитіемъ людей, св. Библия *отображаетъ, слѣдовательно, на себѣ различныя ступени его*. Эту мысль Златоустъ доказываетъ чрезъ указаніе различія двухъ отдѣловъ св. письменности: Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Руководство Ветхаго Завѣта—подобно кормленію молокомъ, любомудріе Новаго Завѣта—это какъ бы твердая пища. Не вскормивши молокомъ, никто не подаетъ твердой пищи <sup>3)</sup>. По причинѣ нравственнаго усовершенствованія наученныхъ, нѣкоторыя изъ религіозно-нравственныхъ правилъ, изложенныхъ въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта, стали менѣе совершенными не по существу, а относительно. Луки

<sup>1)</sup> Contr. Anom. VII, 4 (M. XLVIII, 761).

<sup>2)</sup> In Gen. II, 3 (M. LIII, 29).

<sup>3)</sup> Hom. in 2 epist. ad Corinth. IV, 13 (M. LXI, 284).

и стрѣлы, сдѣланные для упражненія малолѣтнему царскому сыну, становятся бесполезными, когда сынъ этотъ выростеть и научится отличатся въ сраженіяхъ. Такъ точно и Господь—Богъ одно Откровеніе низшее замѣнилъ высшимъ и совершеннѣйшимъ, когда люди возрасли въ нравственномъ отношеніи 1).

Какъ слѣдствіе изъ вышеизложенныхъ свойствъ боговдохновеннаго Писанія является ученіе Іоанна Златоуста о пользѣ *Св. Писанія* для читателей его. Глаголы Господа для того и преданы письмени дѣйствіемъ благодати Духа, чтобы люди получали предохранительныя врачевства противъ страстей своихъ 2). Человѣкъ, бесѣдующій съ Богомъ, слушающій бесѣду Божію, необходимо получаетъ пользу для своего духа. Мы поправляемъ на себѣ одежду, мы умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библию. Уже эта внѣшность является провозвѣстникомъ великой пользы отъ чтенія слова Божія 3). Особенно полезно чтеніе евангелія. Какъ только откроемъ эту книгу, тотчасъ видимъ предъ глазами имя Христово, видимъ Дѣву, сподобившуюся Духа, видимъ ангела, бесѣдующаго съ Нею (ср. Матѳ. 1, 18 и др.). Читая евангеліе, отвергнешь все земное. Когда услышишь, что обрученная плотнику Дѣва, происшедшая изъ смиреннаго дома, содѣлалась Матерью Владыки, то за ничтожество почтешь богатство, будучи богатъ. Зная, далѣе, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома, не будешь стыдиться бѣдности своей, если ты, дѣйствительно, бѣденъ. Видя Владыку лежащимъ въ ясляхъ, не будешь прилагать стараніе къ тому, чтобы украсить золотомъ дитя свое, чтобы устроить серебряное ложе для жены своей. Наконецъ, когда сдѣлаешься любителемъ бѣдности и презрителемъ богатства, то перестанешь лихоимствовать и похищать чужое 4). Также полезно чтеніе апостольскихъ посланій, особенно павловыхъ. Златоустъ сравниваетъ посланія апостола языковъ съ прекраснымъ благоуханнымъ лугомъ. На лугу глазъ видитъ множество разнообразныхъ цвѣтковъ, обиліе розъ, фіалокъ, лилій; такъ и въ писаніяхъ ап. Павла всюду разсѣяно

1) *Contr. Anom.* X, 5 (M. XLVIII, 790).

2) *De Lazaro*; VII, 2 (M. XLVIII, 1048).

3) *In. Ioann.* LIII, 3 (M. LIX, 295).

4) *In. Ioann.* LIII, 3 (M. LIX, 296).

разнообразный плодъ духа, разлито обильное и великое благоуханіе <sup>1)</sup>).

Вообще, польза отъ божественныхъ писаній—значительна. Справедливо ап. Павелъ говоритъ, что все, написанное прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ Писаній сохраняли надежду (Рим. XV, 4) <sup>2)</sup>. Справедливо и великій пророкъ Давидъ, зная пользу отъ Писаній, уподобляетъ человѣка, постоянно внимающаго Писаніямъ, наслаждающагося бесѣдою съ ними, — стоящему при потокахъ водъ и всегда цвѣтущему растенію, называетъ блаженнымъ мужа, воля котораго въ законѣ Господнемъ, который день и ночь поучается въ семь законѣ (ср. Пс. I, 1—3) <sup>3)</sup>. Ничто, дѣйствительно, не можетъ такъ способствовать праведности поведенія и чистотѣ жизни, какъ усердное слушаніе божественныхъ Писаній. Что—пища для тѣла, то—изученіе божественныхъ вѣщаній для души: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ (Матѣ. IV, 4). По этой причинѣ обыкновенно испытываютъ голодъ тѣ, которые въ этой трапезѣ не участвуютъ. Но безумно дѣлать все; и принимать всѣ мѣры для избѣжанія тѣлеснаго голода, а духовный голодъ на себя навлекать. Насколько духовныя блага выше вещественныхъ, настолько велика бываетъ потеря для человѣка, оставляющаго чтеніе божественныхъ Писаній, хотя бы, взамѣнъ этого, было найдено цѣлое сокровище золота. Вещественныя блага не будутъ сопровождать насъ въ будущую жизнь, не переселятся съ нами на небо, не предстанутъ предъ страшнымъ престоломъ, но часто, напротивъ, оставляютъ насъ еще прежде смерти. Духовное же сокровище есть приобрѣтеніе неотъемлемое. Оно повсюду слѣдуетъ за нами и на пути, и при нашемъ отшествіи, доставляя намъ великое дерзновеніе предъ Божіимъ престоломъ <sup>4)</sup>. Поэтому всѣмъ, привязаннымъ къ этой жизни, Златоустъ настойчиво совѣтуетъ приобрѣтать боговдохновенныя книги св. Писанія, какъ лучшее врачевство для души. Если кто не пожелаетъ приобрѣсти чего-либо другого, то пусть, по крайней мѣрѣ,

<sup>1)</sup> De stat. ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17).

<sup>2)</sup> In Ioann. XXXVII, 1 (M. LIX, 207).

<sup>3)</sup> De utilit. lection Scriptur. 2 (M. LI, 89).

<sup>4)</sup> Contr. Anom. XI, 3 (M. XLVIII 800. 801).

пріобрѣтеть Новый Завѣтъ, Дѣянія св. апостоловъ, Евангеліе—постоянныхъ наставниковъ нашихъ. Если постигнетъ кого скорбь, пусть приникаетъ къ нему, какъ сосуду, наполненному цѣлебнымъ веществомъ. Случится ли утрата, смерть, потеря ближнихъ—оттуда нужно почерпать утѣшеніе въ своемъ несчастіи. Впрочемъ, не приникать только къ нему должно, но принимать всецѣло и хранить въ своемъ умѣ. Отъ незнанія Писанія происходитъ всякое зло 1). Обстоятельное чтеніе слова Божія, соединенное съ глубокимъ истолкованіемъ его смысла, Златоустъ сравниваетъ по приносимой ими пользѣ съ дождемъ, который медленно нисходитъ на лице земли, подобно елею, проникаетъ въ ея глубину проходами, какъ нѣкоторыми жилами, и дѣлаетъ ее способною къ произведенію плодовъ. Писанія въ этомъ отношеніи подобны духовнымъ облакамъ, а слова и мысли ихъ дождю 2). По этой причинѣ великъ—вредъ отъ небреженія чтеніемъ слова Божія. Отъ незнанія Писанія произошли безчисленныя бѣдствія. Отсюда произрасла великая зараза ересей, отсюда—нерадивая жизнь, бесполезные труды. Какъ лишенные свѣта не могутъ идти прямо, такъ не взирающіе на лучъ божественнаго Писанія вынуждаются много и часто грѣшить, потому что, дѣйствительно, ходятъ въ самой глубокой тьмѣ 3).

Высокое возрождающее дѣйствіе слова Божія на духовную жизнь людей побуждало Златоуста горячо призывать всѣхъ къ усердному чтенію и внимательному изслѣдованію его. Ничто, по ученію св. отца Церкви, не свидѣтельствуетъ такъ о человѣческой душѣ, какъ любовь къ слову Божию. Напротивъ, ничто не обличаетъ столько души неразумной, какъ пренебреженіе къ нему. Тѣ, которые небрегутъ о слышаніи слова Божія, теряютъ чрезъ это свое человѣческое достоинство 4). Постоянное чтеніе боговдохновеннаго Писанія должно происходить не только въ Церкви, но и дома. Оно должно быть занятіемъ не только отшельниковъ, но и мірянъ. Въ этомъ отношеніи никто пусть не дѣлаетъ холодныхъ, достойныхъ всякаго осужденія отговорокъ: я привязанъ къ

1) In epist. ad Colossenes; IX, I (M. LXII, 361—362).

2) De utilit. lection, Scriptur. 2 (M. LI, 90).

3) In epist. ad Romanos; praefac. 391—392 (M. LX, 391. 392).

4) De mutat. nominum I (M. LI, 114).

судилищу, я занимаюсь общественными дѣлами, я упражняюсь въ ремеслѣ, имѣю жену, воспитываю дѣтей, управляю домомъ, я—человѣкъ мірской; не мое дѣло—читать Писанія, а тѣхъ, которые отказались отъ міра и поселились на вершинахъ горъ. Напротивъ, именно обращающіеся среди множества дѣлъ имѣютъ больше всего нужду въ помощи божественныхъ Писаній. Отшельники, устроивъ келіи въ пустынь, беспрепятственно любомудрствуютъ въ своей мирной тишинѣ, какъ бы сидя въ пристани. Мы же, міряне, волнуемся какъ бы среди моря, впадаемъ во множество грѣховъ, а потому и нуждаемся въ непрерывномъ утѣшеніи отъ Писаній<sup>1)</sup>. Глубокій вредъ происходитъ именно отъ мысли, будто чтеніе божественнаго Писанія подобаетъ однимъ только монахамъ. Наоборотъ, для того, кто живетъ въ мірѣ и каждый день получаетъ новыя раны, особенно и нужно врачество. Считать излишнимъ чтеніе Писанія—гораздо хуже, чѣмъ не читать его. Такая мысль—сатанинское внушеніе<sup>2)</sup>. Для болѣе нагляднаго изображенія пользы отъ чтенія Библии Златоустъ прибѣгаетъ къ сравненію. Царскія орудія доставляютъ великую защиту жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они хранятся. Точно также оттуда, гдѣ находятся духовныя книги, прогоняется всякая злая сила и живущимъ подается великое назиданіе въ добродѣтели<sup>3)</sup>. Въ виду этого Златоустъ убѣждаетъ внимательно читать и изучать каждое изреченіе, каждое слово св. Писанія. Желающіе получить какой-либо плодъ отъ того, что прочитывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Многое, что съ перваго взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокий сокровенный смыслъ<sup>4)</sup>. По прекрасному сравненію Златоуста, человѣкъ опытный не оставитъ безъ вниманія въ золотыхъ рудникахъ ни малѣйшей жилы; потому что и она можетъ доставить великое богатство. Точно также и въ божественныхъ Писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту. Надобно въ нихъ все изслѣдовать, потому что все въ нихъ сказано Духомъ Святымъ и нѣтъ ни-

1) De Laz. III, 1 (XLVIII, 992).

2) In Matth II, 5 (M. LVII, 30).

3) De Laz. III, 2 (M. XLVIII, 994).

4) In Ioann. LVII, 1 (M. LIX, 311).

чего излишняго 1). Когда при очисткѣ руды, бросаютъ ее въ плавильную печь, то вынимаютъ не только одни цѣльные куски золота, продолжаетъ далѣе свое сравненіе Златоустъ, но собираютъ съ большой тщательностью и маленькія крупинки. Также и при очисткѣ золота, извлеченнаго изъ рудниковъ св. Писанія, нужно собирать тщательно и маленькія крупинки, или краткія изреченія, имѣющія, однако, великое значеніе 2).

Убѣждая всѣхъ читать Библию, св. отецъ Церкви, какъ это—вполнѣ естественно, преподаетъ касательно этого чтенія рядъ *руководственныхъ наставленій*. Слово Божіе необходимо читать съ благоговѣніемъ и вѣрою. Чтеніе Писаній безъ вѣры не можетъ принести пользы читающимъ 3). Слова Писанія не только должно прочитывать, но и понимать. Иначе никакой пользы отъ чтенія не будетъ. Какъ необходимо спускаться внизъ для раскопки и отысканія сокрытаго въ землѣ сокровища, такъ необходимо внимательно изслѣдовать глубины Писаній, потому что одно чтеніе не показываетъ сокровищъ заключенныхъ въ нихъ благъ 4). Кромѣ того, Писаніе не приноситъ намъ пользы, если мы не видимъ цѣли его 5). Необходимы тщательное чтеніе, внимательное слушаніе Писаній: чтеніе Писаній есть откровеніе неба 6). Подобно искателямъ золота, раскапывающимъ рудники до тѣхъ поръ, пока не выберутъ всего золота, читатели должны оказывать усердіе и стараніе въ изслѣдованіи божественныхъ изреченій 7). Если со тщаніемъ будемъ изслѣдовать Писанія, то окажемся въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если постоянно станемъ упражняться въ Писаніяхъ, то узнаемъ правые догматы и добродѣтельную жизнь 8). Не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностью необходимо приступать къ словамъ Писанія. Кто станетъ слушать, что читается въ немъ безъ разсужде-

1) Ibidem. XXXVI, 1. (M. LIX 203).

2) De statuis ad popul. Antioch. I, 1 (M. XLIX, 17. 18).

3) Contr iudaeos I, 5 (M. XLVIII, 851).

4) Hom. de. mutat. nom IV, 3 (in illud: 1 Cor. I, 1). (M. LI, 148).

5) In psalm. III, 1 (M. LV, 35).

6) In Isa. II, 2 (M. LVI, 109).

7) De verbis. apostoli 2 Cor. IV, 13 (M. LI, 291).

8) In Ioann. I, III, 3 (M LIX, 295).



нія и все принимать буквально такъ, какъ сказано, тотъ можетъ предполагать много недѣлаго о Богѣ. Пожалуй въ такомъ случаѣ онъ допуститъ, что Богъ есть и человѣкъ, что онъ—гнѣвливъ, яростенъ и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то всякой такой недѣльности избѣжитъ 1). Если далѣе мы будемъ смѣшивать порядокъ его изреченій, то такое чтеніе никакой пользы намъ не принесетъ 2). Не знающіе порядка мыслей, не вникающіе въ особенности и законы Писанія, пробѣгающіе его невнимательно и безразлично не найдутъ сокровища, скрытаго въ немъ 3). Тѣ, которые ссылаются на неясность или непониманіе св. Писанія, обыкновенно только дѣлаютъ изъ этого предлогъ, отговорку, прикрытіе своей лѣности предъ изслѣдованіемъ его 4). Между тѣмъ боговдохновенныя книги потому и составлены людьми простыми и неучеными, чтобы быть всѣмъ удобопонятными 5). Если же читатель той или другой боговдохновенной книги не пойметъ того, о чемъ въ ней говорится, то онъ долженъ обратиться къ мудрѣйшему или же идти къ церковному учителю. Если, несмотря на это, читатель не изъяснитъ искомаго, то Самъ Богъ, видя стараніе и усердіе его, несомнѣнно откроетъ ему смыслъ даннаго мѣста 6).

#### IV.

Св. Златоустъ учитъ о боговдохновенности Библии *въ ея обоихъ отдѣлахъ*, т. е. о боговдохновенности книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

Касательно ветхозавѣтныхъ книгъ въ вѣкъ Златоуста существовали *два крайности*. Вопреки волѣ Божіей, *іудеи и іудействующіе* такъ почитали писанія Ветхаго Завѣта, что признавали необходимымъ соблюдать всѣ ихъ постановленія, хотя время для этого уже прошло 7). Но одновременно существовало направленіе противоположное. Рядъ еретиковъ

1) In Ioann. XV, 1 (M. LIX, 97.) Ср. ibid. LVIII, I (M. LIX, 315).

2) In Ioh. XXX, 3 (LIX, 174).

3) In Ioh. XL, 1 (M. LIX, 229).

4) De Laz. III, 3 (M. XLVIII, 995).

5) Ibidem: III, 2 (M. XLVIII, 994).

6) Ibidem: III, 3 (XLVIII, 995).

7) De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII 667).

исключалъ ветхозавѣтную письменность и, главнымъ образомъ, писанія Моисея изъ состава книгъ боговдохновенныхъ<sup>1)</sup> Главное мѣсто среди послѣднихъ направленій занималъ *гностицизмъ*. Постоянныя упоминанія о гностикахъ въ рѣчахъ и проповѣдяхъ, произнесенныхъ Златоустомъ въ Антиохіи и Константинополѣ, достаточно доказываютъ, что жизнѣнность секты этой еще не была истощена. Однако, ея мантія въ это время уже попала въ руки другой секты, начавшей проявлять значительную энергію. Уже сдѣлавшись архіепископомъ Царя-града, Златоустъ неоднократно начинаетъ упоминать о *манихеяхъ*, какъ сектантахъ еще новыхъ и юныхъ. По отношенію къ св. книгамъ Ветхаго Завѣта эти сравнительно еще юные лжеучители повторили заблужденія болѣе древнихъ предшественниковъ.

Среди вышеуказанныхъ двухъ крайнихъ направленій св. Церковь занимала положеніе *совершенно определенное и твердое*. Вся древнехристіанская литература представляетъ намъ св. Церковь съ Ветхимъ Завѣтомъ въ рукахъ, изъясняющую и доказывающую, что Іисусъ есть Христосъ. Библия Ветхаго Завѣта является авторитетнымъ боговдохновеннымъ первоисточникомъ для наставленія, проповѣди, оглашенія, споровъ съ ересями и язычествомъ. „Избѣгая крайностей послѣдователей лжеученія Валентина, Маркіона и іудеевъ, замѣчаетъ по этому поводу Златоустъ, Церковь идетъ среднимъ путемъ. Она не соглашается подчиниться игу закона и не допускаетъ хулить его, но хвалить и по прекращеніи за то, что онъ былъ въ свое время полезенъ. Поэтому, кто намѣревается бороться съ тѣми и другими, долженъ сохранять это равновѣсіе. Если, желая научить іудеевъ, что они неблагоприятно держатся древняго законодательства, онъ начнетъ порицать его безъ пощады, то подастъ этимъ желающимъ изъ еретиковъ немалый поводъ его хулить. Когда же стараясь заградить уста этимъ еретикамъ, намѣренно станетъ превозносить и восхвалять законъ, какъ необходимый въ настоящее время, то откроетъ уста іудеямъ“<sup>2)</sup>.

*Гностики и особенно Маркіонъ* усвоили происхожденіе Ветхаго Завѣта правосудному, лишенному благодати Богу<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibidem.

<sup>2)</sup> De sacerdotio IV, 4 (M. XLVIII. 667).

<sup>3)</sup> In 2 epist. ad Corinth VIII, 2 (M. LXI, 455).

По учению гностиковъ, „не одинъ и тотъ же Богъ ветхаго и новаго завѣта“<sup>1)</sup>. Манихеи производили ветхозавѣтную письменность отъ злого Начала<sup>2)</sup>, обвиняли ветхозавѣтный законъ въ погрѣшностяхъ<sup>3)</sup>. Вопреки своимъ противникамъ, Златоустъ рѣшительно утверждаетъ единство происхожденія и божественнаго авторитета обоихъ завѣтовъ. Свою точку зрѣнія св. отецъ Церкви выражаетъ въ разной формѣ. Оба завѣта другъ отъ друга нераздѣльны<sup>4)</sup>; оба завѣта имѣютъ одного Законодателя<sup>5)</sup>. Таковымъ Законодателемъ былъ Самъ Единородный Сынъ Божій<sup>6)</sup>. Самъ Богъ говорилъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ завѣтѣ<sup>7)</sup>. Слѣдовательно, слова ветхаго и новаго завѣтовъ принадлежатъ однимъ устами одному Владыкѣ<sup>8)</sup>. Выражаясь болѣе точно, Златоустъ учитъ, что одинъ и тотъ же Духъ дѣйствовалъ въ обоихъ завѣтахъ<sup>9)</sup>, что ветхій и новый завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ<sup>10)</sup>. Какъ одинъ и тотъ же хозяинъ можетъ выносить новое и старое, такъ точно возможно, чтобы одному и тому же Богу принадлежали новый и ветхій завѣты. Въ томъ, что Богъ не только создаетъ новое, но и въ ветхомъ обнаруживаетъ изобиліе, Онъ показываетъ Свое богатство и изобиліе<sup>11)</sup>. Между обоими завѣтами нѣтъ противорѣчія и противоположности, а только различіе—въ названіяхъ. Ветхое бываетъ ветхимъ, при новомъ, но въ этомъ противорѣчія нѣтъ<sup>12)</sup>.

Единство происхожденія двухъ завѣтовъ доказывается *существеннымъ сродствомъ* ихъ. Ветхій Завѣтъ имѣетъ сродство съ Новымъ<sup>13)</sup>. Сродство ихъ Златоустъ доказываетъ на-

1) In illud I Cor, XI 3 (M. I LI, 245).

2) In 2 epist ad Corinth VIII, 2 (LXI, 455).

3) In ep ad Roman. XII, 4 (M. LX, 500).

4) Hom. de Legislatore I, (M. LVI, 398).

5) De poenitent 5 (M. XLIX 320).

6) In Isa II, 4 (LVI, 31).

7) Hom de Legislatore: I, (M. LVI, 398).

8) Hom. De Legislatore I, (M. LVI 398).

9) In 2 epist. ad Cor. IX, 2 (LXI, 416).

10) In psalm IXV, 2 (LV 321).

11) In illud: 2 Cor. IV, 13 (LI 282).

12) Ibidem. col 283.

13) In illud: I Cor X, I (M: LI. 247).

глядно сходствомъ добрыхъ дѣлъ двухъ вдовицъ: сарептской въ Ветхомъ Завѣтѣ, удостоившейся принять пророка и—въ Новомъ Завѣтѣ положившей двѣ лепты<sup>1)</sup>. Два завѣта—это какъ бы двѣ сестры, рожденныя отъ одного отца. По этой причинѣ оба завѣта говорятъ согласно; у нихъ почти одинъ и тотъ же видъ и полное сходство. Какъ между сестрами, рожденными отъ одного отца, существуютъ черты сходства, такъ имѣютъ большое между собою сходство и два завѣта, какъ рожденные отъ одного Отца. Если въ ветхомъ завѣтѣ первое мѣсто занимаетъ законъ, а за нимъ слѣдуютъ пророки, то въ Новомъ, благодатномъ завѣтѣ предшествуетъ евангеліе, а за нимъ слѣдуютъ апостолы. Тамъ двѣнадцать пророковъ: Осія и другіе, и кромѣ того еще четыре: Исаія, Іеремія, Іезекиль и Данииль, здѣсь—двѣнадцать апостоловъ и четыре евангелиста<sup>2)</sup>. Всѣ части обоихъ завѣтовъ соединены между собою неразрывнымъ единствомъ цѣли; цѣль эта—исправленіе людей<sup>3)</sup>.

Такъ какъ Ветхій Заветъ соединилъ съ новымъ Сынь Божій<sup>4)</sup>, то знаніе и ученіе о Христѣ и служили евязью между боговдохновенными писателями этихъ завѣтовъ. Пророки Ветхаго Завета не писали бы о Христѣ, если бы не знали Его<sup>5)</sup>. Одинъ и тотъ же духъ вѣры двигалъ устами Давида и дѣйствовалъ на душу Павла (ср. пс. СХV, 1 и 2 Кор. IV, 13). Отсюда—очевидно, что между пророками и апостолами есть великое сродство, что между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ—великое согласіе<sup>6)</sup>. Благодаря такой идейной гармоніи, писатели Новаго Завета могли въ совершенствѣ понимать рѣчь писателей Ветхаго Завета, объяснять образъ ихъ мыслей, какъ напр. ап. Павелъ—прор. Исаи (ср. Ис. LXV, 1 и Рим. X, 20<sup>7)</sup>).

При единствѣ Ветхаго Завета съ Новымъ<sup>8)</sup>, первый уступаетъ второму въ славу. Двѣ великія метафоры ап.

<sup>1)</sup> Hom. de Iia. I (M. LI, 338, 339).

<sup>2)</sup> De creat mundi I, 3 (M. LVI, 433).

<sup>3)</sup> Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 313).

<sup>4)</sup> In Matth. II, 2 (M. LVII, 26).

<sup>5)</sup> In Ioann. XLI, 2 (LIX, 237).

<sup>6)</sup> In illud: 2 Cor. IV, 13; num. 2 (LI, 291).

<sup>7)</sup> In Isa. praef. (M. LVI, 11).

<sup>8)</sup> Spal. in Matth. XXXV, I, (M. LVII, 406).

Павла обыкновенно предносятся мысли Златоуста, когда онъ опредѣляетъ значеніе ветхозавѣтнаго Откровенія въ общей исторіи спасенія человѣчества. Первая—состоитъ въ параллели между Ветхимъ Завѣтомъ и покрываломъ на лицѣ законодателя (ср. 2 Кор. III, 12—16). Не на буквахъ закона собственно лежало покрывало, а на чтеніи этихъ буквъ, на сердцахъ читателей. Пророкъ покрывалъ лицо свое не ради самого себя, а по причинѣ грубаго, плотского разумѣнія іудеевъ<sup>1)</sup>. Не для того положено было покрывало, чтобы сокрыть славу Моисея, но для того, чтобы іудеи на эту славу не смотрѣли: къ этому, іудеи не были достаточно способны<sup>2)</sup>. Слѣдовательно, законъ имѣлъ свойственную ему славу. Но іудеи не могли, по причинѣ плотского своего разумѣнія, созерцать ее вполнѣ. Слава закона приводила ветхозавѣтное человѣчество ко Христу<sup>3)</sup>. Другая метафора имѣетъ для себя основаніемъ понятіе о Ветхомъ Завѣтѣ, какъ пѣстунѣ, воспитателѣ человѣчества. Двоякую пользу приносилъ Ветхий Завѣтъ человѣчеству: онъ руководилъ людей къ сильной добродѣтели и въ то же время возбуждалъ въ нихъ сознаніе грѣховности. Какъ бы въ какихъ стѣнахъ, въ страхѣ и жизни по закону содержалъ людей законъ Ветхаго Завѣта. А чрезъ это онъ соблюдалъ ихъ для вѣры, располагалъ искать Сына Божія и Спасителя. Пѣстунъ не противодѣйствуетъ, а напротивъ, содѣйствуетъ учителю (ср. Гал. III, 24). Пѣстунъ удерживаетъ юнаго питомца отъ всякаго порока, со всякимъ тщаніемъ приготавливаетъ его къ принятію учительскихъ уроковъ. Но пѣстунъ оставляетъ питомца, когда онъ пріобрѣтетъ навыкъ въ жизни (Гал. III, 25—26). Такъ какъ древнее человѣчество было заключено подъ стражею Ветхаго Завѣта, какъ пѣсутна своего, то ветхозавѣтный законъ былъ, очевидно, сотрудникомъ, а не противникомъ благодати. Посему, по пришествіи благодати, законъ не могъ болѣе удерживать людей подъ игомъ своимъ. Эту мысль св. отецъ Церкви поясняетъ сравненіемъ. Свѣтильникъ даетъ свѣтъ ночью, но съ наступленіемъ дня дѣлается излишнимъ, даже препятствуетъ видѣть солнце. Такова же была бы и роль ветхозавѣтнаго откровенія при яркомъ сіяніи солнца правды.

<sup>1)</sup> In 2 epist. ad Corinth. III, 7. 8; hom. VII, 3 (M. LXI, 446).

<sup>2)</sup> Ibidem (M. LXI, 447).

<sup>3)</sup> Ibidem: VII, 2 (M. LXI, 445).

Также и пѣстунъ поставилъ бы себя въ смѣшное положеніе въ томъ случаѣ, если бы удерживалъ при себѣ своего питомца, когда время требуетъ оставленія его <sup>1)</sup>).

Говоря объ относительномъ несовершенствѣ Ветхаго Завѣта, Златоустъ, подобно апостолу языковъ, учитъ, что Завѣтъ этотъ написанъ буквами и чернилами, между тѣмъ какъ Новый—начертанъ Духомъ <sup>2)</sup>. Разъясняя свой образъ, Златоустъ продолжаетъ: скрижали Ветхаго Завѣта начертаны буквами на камняхъ; Новозавѣтныя же написаны Духомъ на сердцахъ апостоловъ <sup>3)</sup>. Совершенно естественно, что древнія скрижали и начертанія *приносили смерть* тѣмъ, которые преступали письмена <sup>4)</sup>. Между тѣмъ Новый Завѣтъ не только сообщалъ жизнь, но даровалъ и Духа, дающаго жизнь, что—важнѣе самой жизни <sup>5)</sup>. Безъ ветхозавѣтнаго закона грѣхъ былъ слабъ; грѣхъ былъ совершаемъ, но не могъ такъ подвергать осужденію, потому что зло, хотя и существовало до закона, но не обнаруживалось съ такою ясностію. Законъ, слѣдовательно, содѣйствовалъ какъ большому познанію грѣха, такъ и увеличенію наказанія. Если, имѣя цѣлью ограничить грѣхъ, законъ сдѣлалъ его болѣе тяжкимъ, то вина не во врачѣ, а на томъ, кто худо пользовался врачевствомъ <sup>6)</sup>. Дѣйствіе закона, поэтому, Златоустъ противопоставляетъ дѣйствию благодати (срав. 2 Кор. III, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать освобождаетъ отъ него. Какъ законъ, обличая, обнаруживаетъ грѣхъ, такъ благодать, прощая, не позволяетъ оставаться подъ грѣхомъ <sup>7)</sup>. Если законъ и былъ духовенъ (ср. Рим. VII, 14), то не могъ подавать Духа, потому что Моисей принесъ не Духа, а только письмена <sup>8)</sup>. Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ и могли давать жизнь, напр. пророки, то это была жизнь низшая, но и этой жизни пророки безъ Духа Божія не могли сообщить <sup>9)</sup>.

<sup>1)</sup> In Gal. cap. III (M. LXI, 655. 656),

<sup>2)</sup> In 2 epist. ab Corinth VI, 3 (M. LXI, 438).

<sup>3)</sup> Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 441).

<sup>4)</sup> Ibidem: VII, 1 (M. LXI, 442).

<sup>5)</sup> Ibidem. VII, 1 (col. 443);

<sup>6)</sup> In 1 epist. ad Corinth. XLII, 2 (M. LXI, 365).

<sup>7)</sup> In epist. ad Rom. XI, 3 (LX, 488).

<sup>8)</sup> In 2 epist. ad Corinth. VI, 2 (LXI. 438).

<sup>9)</sup> In. epist. 2 ad Corinth. VI, 3 (M. LXI, 439).

Самый способъ сообщенія откровеній обоихъ завѣтовъ, по мысли Іоанна Златоуста, показываетъ различіе между ними по степени. Законъ древній данъ былъ въ пустынь, на горѣ Синаѣ, въ огнѣ и дымѣ, при звукѣ трубы, среди грома и молніи, по вступленіи Моисея въ самый мракъ. Новый Завѣтъ даруется не въ пустынь, не на горѣ, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступленіи дня въ домѣ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ, когда все происходило въ глубокой тишинѣ. Для людей грубыхъ, необузданныхъ, очевидно, нужны были явленія чувственныя, поразительныя, какъ пустыня, гора, дымъ, звукъ трубъ. Между тѣмъ для болѣе возвышенныхъ, болѣе покорныхъ, ставшихъ выше чувственныхъ понятій людей ни въ чемъ подобномъ не было необходимости <sup>1)</sup>.

Опредѣляя взаимоотношеніе между собою двухъ откровеній, Златоустъ, подобно другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, часто указываетъ и опредѣляетъ *прообразовательное, типическое значеніе* Ветхаго Завѣта въ отношеніи Новаго. Образы Ветхаго Завѣта, какъ прообразованія, предварительно предначертали домостроительство, имѣвшее совершиться въ Новомъ, съ пришествіемъ Христа <sup>2)</sup>. Ветхій Завѣтъ содержалъ въ себѣ только прообразы будущихъ благъ: прощеніе грѣховъ, крещеніе, таинственная трапеза евхаристіи и др. были преднаписаны и прообразованы въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта <sup>3)</sup>. Такъ какъ іудеи были несмысленны и дѣтски малоумны, то Богъ бесѣдовалъ съ ними прикровенно. Напротивъ, въ Новомъ Завѣтѣ, когда люди были удостоены великой свободы и стали способны къ участию въ совѣтѣ, Богъ сталъ бесѣдовать съ ними ясно и открыто, какъ съ друзьями (1 Кор. X, 14—16) <sup>4)</sup>. Покрывало неясности на св. письменности Ветхаго Завѣта обличало немощь читателей и слушателей, по причинѣ которой не возможно было преподавать ученія совершеннаго и исполненнаго любомудрія, ученія о Христѣ и Новомъ Завѣтѣ <sup>5)</sup>. Въ качествѣ примѣра, св.

<sup>1)</sup> In Matth. I, 1 (LVII, 15).

<sup>2)</sup> In Ioann. XIV, 3 (M., LIX 95).

<sup>3)</sup> In 1 epist. ad Corinth, IX, 24; hom. XXIII, 3 (M. LXI, 192); ср. hom. XXIV, 2 (LXI, 200).

<sup>4)</sup> In 1 epist. ad Corinth.; XXIV, 1 (M. LXI, 199).

<sup>5)</sup> De proph. obscur. II, 1 (M. LVI, 176. 177).

Златоустъ указываетъ на повѣствованіе Моисея о происхожденіи міра, въ сравненіи съ началомъ евангелія отъ Іоанна. Моисей приспособляется къ слабости, къ несовершенству ума своихъ современниковъ, а потому и повѣствованіе свое начинаетъ съ міра видимаго: „въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“ (Быт. I, 1). Въ Новомъ Завѣтѣ родъ человѣческой сдѣлалъ успѣхи въ совершенствованіи. Поэтому, сынъ громовъ ведетъ слушателей своихъ къ высшему ученію уже другимъ путемъ, когда говоритъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Іоанн. I, 1<sup>1</sup>). Объясняя существо взаимнаго отношенія ветхозавѣтнаго типа къ новозавѣтной дѣйствительности, Златоустъ говоритъ: „прообразъ—не противоположенъ истинѣ, но сроденъ ей“<sup>2</sup>). Для нагляднаго объясненія своей мысли Златоустъ указываетъ на работу живописцевъ въ ея постепенномъ развитіи. Желая сдѣлать царское изображеніе, живописецъ проводитъ по темному фону бѣлыя полосы и какъ бы тѣнями начертываетъ царя, царскій престолъ, коней, копье-носцевъ, враговъ связанныхъ или поверженныхъ. Смотря на всѣ эти первоначальныя тѣни, зритель не все узнаетъ, не все понимаетъ, но только неясно различаетъ, что изображается человѣкъ или конь. Пока не будутъ наложены настоящія краски, не изобразятъ лицъ, не сдѣлаютъ ихъ яснѣйшими, зритель отчетливо не можетъ увидѣть, какой царь или какой врагъ изображены на картинѣ. Какъ прежде наложенія настоящихъ красокъ нельзя требовать отъ картины полного совершенства и совершенно достаточно получить нѣкоторое неясное представленіе о предметѣ, такъ и отъ ветхозавѣтныхъ книгъ нельзя требовать всей точности въ представленіи истины посредствомъ образа, а достаточно только отбѣжковъ этой истины. Отсюда открывается, какъ сходство образа съ истиною, такъ и превосходство истины предъ образомъ. Образъ не долженъ быть вполнѣ чуждъ истины: иначе онъ не будетъ образомъ. Но, съ другой стороны, онъ не долженъ быть равенъ истинѣ: тогда онъ былъ бы самою истиною. Образъ долженъ оставаться въ своихъ предѣлахъ: не имѣть всего и не быть лишеннымъ всего, что имѣетъ истина. Если бы образъ имѣлъ все, то былъ бы

<sup>1</sup>) In Genes. Nom. III, 2 (M. LIII, 34).

<sup>2</sup>) In illud: 2 Cor. IV, 13 (M. LI 285); num. 5.



самою истинною; а если былъ бы лишенъ всего, то не могъ быть образомъ. Образъ долженъ имѣть одно, а другое—оставить истинѣ<sup>1)</sup>. Прообразъ называется такъ до тѣхъ поръ, пока не явилась истина. Когда же пришла истина, онъ уже теряетъ свое названіе. Когда живописецъ набросалъ эскизъ царя, то его не называютъ еще изображеніемъ царя, пока не наложены еще краски. Когда же краски наложатся, прообразъ закрывается истиною, дѣлается невиднымъ, и мы говоримъ тогда: вотъ—царь<sup>2)</sup>.

Такъ какъ Ветхій Заветъ былъ несовершенъ, то онъ и былъ замѣненъ Новымъ. Отмѣна эта, впрочемъ, совершена была не потому, что древній законъ былъ несовершенъ по самому своему существу, а потому, что его сдѣлало несовершеннымъ теченіе времени. Для того времени, когда законъ былъ данъ, онъ былъ достаточно совершенъ и пригоденъ. Но, вслѣдствіе того, что руководимый закономъ родъ человѣческой сдѣлался нравственно совершеннѣе, законъ сталъ менѣе совершеннымъ. Когда мы были менѣе совершенны и занимались упражненіями, Богъ далъ намъ и соответственное оружіе, которое мы легко могли носить. Затѣмъ мы возросли въ нравственномъ отношеніи, и отъ этого самое оружіе стало несовершеннымъ<sup>3)</sup>. Кромѣ того отмѣна древней религіи должна была произойти вслѣдствіе развращенія и отверженія іудейства<sup>4)</sup>. Самъ по себѣ древній законъ Христу не противорѣчитъ. Этого не могло быть, потому что законъ данъ Христомъ и къ Нему насъ руководить<sup>5)</sup>. Между Моисеемъ и Христомъ противорѣчія нѣтъ (ср. Матѣ. V, 32; XIX, 4—19 и Втор. XXIV, 1—4)<sup>6)</sup>. Если бы древній законъ произошелъ отъ злой силы, то Христосъ разрушилъ бы власть ея. Между тѣмъ Господь не нарушалъ закона, не противился ему, но исполнялъ, одобрялъ (ср. Мѣ. V, 17; Рим. X, 4; III, 31)<sup>7)</sup>, превозносилъ, называя сокровищемъ (Мѣ. XIII, 52)<sup>8)</sup>. Съ другой стороны, если бы законъ былъ

<sup>1)</sup> In illud: i Cor. XI, 1; num. 4 (M. LI, 247. 248).

<sup>2)</sup> In epist. ad Phillipp. X, 2 (M. LXII, 257).

<sup>3)</sup> Adver. anom. X, 5 (M. XLVIII, 790).

<sup>4)</sup> Adv. iud. VII, 3. 4 (M. XLVIII, 920—921).

<sup>5)</sup> Ibidem: II, 2 (XLVIII, 859); ср. I, 5 (M. XLVIII, 852).

<sup>6)</sup> De libello repudii II (M. LI, 219—221).

<sup>7)</sup> In Matth. XVI, 2 (M. LVII, 241).

<sup>8)</sup> Ibidem: XLVII, 3 (M. LVIII, 484).

худъ, то не слѣдовало бы снимать съ него покрывала. Закону надлежало бы оставаться прикровеннымъ и послѣ благодати. Но благодать дѣлаетъ приступающихъ къ ней болѣе проищательными въ дѣлѣ разумѣнія закона. Христосъ открываетъ очи людямъ, приступающимъ къ Нему, чтобы они могли видѣть руководство закона, а, сдѣлавшись яснымъ, законъ съ легкостью можетъ руководить разумѣющихъ дѣла Христовы. Это составляетъ лучшее доказательство сродства закона съ благодатию. Ни Христосъ, слѣдовательно, не враждуетъ противъ закона, ни законъ—противъ Іисуса. Напротивъ, законъ приготавлилъ людей къ великому любомудрію, а Христосъ принималъ ихъ оттуда и возводилъ на верхъ совершенства <sup>1)</sup>. Законъ заслуживаетъ похвалы именно за то, что сдѣлалъ людей способными подняться надъ мелочностию написаннаго въ немъ и возвыситься до высочайшихъ догматовъ Христовыхъ <sup>2)</sup>.

Новый Завѣтъ, слѣдовательно, есть *высшая ступень божественнаго Откровенія*, по отношенію къ которой Ветхій Завѣтъ имѣетъ значеніе подготовительное. Въ этомъ именно смыслѣ Златоустъ излагаетъ свое ученіе о превосходствѣ новозавѣтнаго Откровенія. Новый Завѣтъ названъ таковымъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ всякая вещь называется новою тогда, когда она содержитъ въ себѣ что-либо болѣе, въ сравненіи со старою. Такъ старый, готовый разрушиться домъ называется новымъ, послѣ того какъ разбирается его основаніе, вынимается одно, вставляется другое; уничтожается одно, остается другое; небо называется новымъ, когда ниспосылаетъ дождь; земля,—когда не остается безплодною, но измѣняется въ плодоносную (ср. Ис. LXV, 17) и т. п. <sup>3)</sup>. Не разноглася и не противорѣча Ветхому Завѣту, Новый превосходитъ его. Ветхій—это письма, камень, служеніе смерти и имѣетъ конецъ. Новый есть духъ, правда и пребываетъ вѣчно <sup>4)</sup>. Христовы заповѣди, какъ заповѣди любви, во всемъ совершеннѣе повеленій закона <sup>5)</sup>. Если бы высокія и великія заповѣди Новаго Завѣта Законодатель предложилъ

<sup>1)</sup> De proph. obscur. I, 7 (M. LVI, 175).

<sup>2)</sup> Adv. iud. II, 2 (XLVIII, 860).

<sup>3)</sup> In epist. ad Hebr. XIV, 3 (M. LXIII, 114).

<sup>4)</sup> In 2 epist. ad Corinth. VII, 4 (M. LXI, 447).

<sup>5)</sup> De poenitent. 2 (M. XLVIII, 947).

людямъ съ самаго начала, то они не приняли бы ихъ. Поэтому мудрость Законодателя въ Ветхомъ Завѣтѣ соображается съ обстоятельствами времени, съ расположеніемъ духа людей. Законъ о мщеніи и законъ о незлобіи (ср. Исх. XXI, 24 и Мат. V, 39) даны однимъ и тѣмъ же Законодателемъ, но оба предписаны вполнѣ своевременно и съ величайшею пользою, благодаря чему могла быть исправлена вся вселенная <sup>1)</sup>. Ветхозавѣтная правда не потому не вводила въ царство, что была худа, но потому, что настало время высшихъ заповѣдей. Несовершенство этой правды вовсе не доказываетъ ея безусловную непригодность. Иначе и о правдѣ Новаго Завѣта можно было бы сказать то же самое. Вѣдь и ея знаніе, въ сравненіи съ знаніемъ будущимъ, есть знаніе несовершенное и, какъ таковое, подлежитъ уничтоженію (ср. 1 Кор. XIII, 10). Хотя настоящая правда и уступитъ мѣсто новой, когда мы достигнемъ царствія Божія, все же мы называемъ ее великой. Не земля, текущая молокомъ и медомъ, не маститая старость, не многочадіе, не хлѣбъ и вино, не стада овецъ и воловъ обѣщаетъ намъ правда Новаго Завѣта, а небо, блага небесныя: усыновленіе и братство съ Единороднымъ, соучастіе въ наслѣдіи, въ славѣ въ царствованіи и пр. Въ этомъ различіи—превосходство—очевидно <sup>2)</sup>. Въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ закономъ, законъ Христовъ исполненъ кротостью, попечительностью, и великое челоуѣколюбіе оказывается въ самой мнимои строгости его <sup>3)</sup>.

Кромѣ высоты ученія, Златоустъ указываетъ рядъ *другихъ преимуществъ* Новаго Завѣта надъ Ветхимъ. Древній законъ былъ данъ собственно одному народу. Въ то время, какъ другіе народы имѣли внутри законъ естественный: законъ совѣсти, для іудеевъ Богъ сдѣлалъ нѣчто особенное, а именно: изложилъ имъ требованія закона письменно <sup>4)</sup>. Слѣдовательно, законъ Моисея научалъ народъ въ одномъ уѣлѣ вселенной. Между тѣмъ слово евангельской проповѣди возвѣщено по всей землѣ, распространилось по всѣмъ стра-

<sup>1)</sup> In Matth. XVIII, 1 (M. LVII, 265).

<sup>2)</sup> Ibidem: XVI, 5 (M. LVII, 244. 245).

<sup>3)</sup> In Ioann. XIV, 3 (M. LIX, 95).

<sup>4)</sup> In psal. CXLVII, 3 (M. LV, 482).

намъ, какія только освѣщаетъ солнце <sup>1)</sup>. Ветхій Завѣтъ—темнѣе Новаго, по причинѣ грубости слушателей <sup>2)</sup>. Въ Ветхомъ Завѣтѣ—много труднаго, и книги ветхозавѣтныя неудобопонятны. Новый Завѣтъ, напротивъ, яснѣе и удобопонятнѣе, хотя въ немъ говорится о предметахъ болѣе важныхъ: о царствѣ небесномъ, о воскресеніи тѣлъ и неизъяснимыхъ благахъ, которыя даже выше ума человѣческаго <sup>3)</sup>. Новый Завѣтъ превосходитъ Ветхій и по силѣ значенія своего для человѣка. Новозавѣтный человѣкъ получаетъ великую славу и честь. Имѣя своею главою Христа, онъ дѣлается тѣломъ Его, становится братомъ, сонаслѣдникомъ, образомъ тѣла Его. Такая слава—блистательнѣе всякой порфиры и діадемы. Она превосходитъ славу Моисея, который полагалъ покрывало на лицо свое, ради сыновъ израилевыхъ (2 Кор. III, 13; XIII, 18) <sup>4)</sup>. Вѣра Новаго Завѣта утвердила волю закона, привела къ концу то, для чего законъ все дѣлалъ и, такимъ образомъ, усовершила законъ <sup>5)</sup>. Самое разбитіе скрижалей пророкомъ Моисеемъ указывало на конецъ закона. Этимъ предначертанъ былъ типъ того, что законъ нѣкогда долженъ совершенно прекратиться <sup>6)</sup>.

*Д. Леонардова.*

(Продолженіе будетъ).



<sup>1)</sup> In ps. XLVIII, 1 (M. LV, 222).

<sup>2)</sup> De obscurit. Veter. Testam. I (LVI, 176).

<sup>3)</sup> De obscurit. proph. 3 (M. LVI, 167).

<sup>4)</sup> In psal. VIII, n. 7 (M. LV, 117).

<sup>5)</sup> In epist. ad Roman. VII, 4 (M. LX, 447);

<sup>6)</sup> In Ierem. cap. XXXI, 32 (M. LXIII, 983).



## ГЕРМОГЕНЪ,

патріархъ Московскій и всея Руси и его служеніе отечеству въ Смутное время.

(Окончаніе) \*).

Г л а в а V-я.

По низложеніи царя Василя Шуйскаго власть перешла къ боярской думѣ и настало муждучарствіе. Русское царство очутилось въ ужасномъ положеніи. Тушинскій воръ все энергичнѣе и энергичнѣе наступалъ на Москву. Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; шайки казаковъ и разбойниковъ грабили безнаказанно мирныхъ жителей; скоро гетманъ Жолкѣвскій появился въ семи верстахъ отъ Москвы съ сильнымъ польскимъ отрядомъ.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ бояре приступили къ избранію царя. Малодушные бояре, подъ вліяніемъ страха передъ самозванцемъ съ одной стороны и Жолкѣвскимъ съ другой, склонялись отдать престоль сыну Сигизмунда—Владиславу. Руси грозила величайшая опасность подчиниться исконнымъ врагамъ—полякамъ и, слѣдовательно, утратить свою самостоятельность и стать ареной для свободной дѣятельности іезуитовъ. И эту участь Россіи готовили кто-же? Лучшие русскіе люди, которымъ вручена была Верховная Власть!

Противъ избранія на царство поляка-Владислава энергично возсталъ патріархъ Гермогенъ, хотя и видѣлъ, что онъ, одинокій, безсиленъ бороться противъ бояръ. Патріархъ прямо заявилъ, что онъ противъ выбора на царство ино-

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1912 годъ.

земца—поляка и указывалъ, что необходимо на престолъ избрать православнаго царя изъ русскихъ.

Гермогенъ при этомъ первый высказалъ мысль, которая была уже осуществлена послѣ его смерти на благо и счастье Россіи,—мысль объ избраніи на царство Михаила Теодоровича Романова. Но боярская дума не согласилась съ мыслью Гермогена, и на русскій престолъ былъ избранъ Владиславъ.

Гермогенъ послѣ тяжелой внутренней борьбы далъ согласие на призваніе Владислава на престолъ, но настоялъ, чтобы были приняты слѣдующія условія: раньше вступленія на престолъ Владиславъ долженъ былъ принять православіе, дать клятвенное обѣщаніе не сноситься съ папою, не строить на Руси костеловъ, не допускать къ намъ ксендзовъ, наказывать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ православія въ католичество, жениться на русской, не раздавать должностей полякамъ, не предпринимать ничего въ верховномъ управленіи безъ думы, а въ законодательномъ и налогахъ—безъ одобренія земскаго собора.

Конечно, если-бы Владиславъ искренно принялъ эти условія и свято исполнялъ ихъ, были-бы парализованы всякія попытки поляковъ и іезуитовъ ввести католичество въ Россіи и подчинить ее польской власти. 17 сентября 1610 года былъ заключенъ договоръ съ Жолкѣвскимъ объ избраніи Владислава на царство и подтвержденъ присягой съ русской и польской стороны.

Жолкѣвскій однако уклонился отъ подтвержденія условій относительно принятія Владиславомъ православія. Патриархъ недовѣрчиво отнесся къ полякамъ и требовалъ, чтобы войска Жолкѣвскаго не были допущены въ Москву. Но бояре, вопреки такой предусмотрительности патриарха, за обѣщаніе отогнать отъ Москвы самозванца сдали Жолкѣвскому кремль и Китай—городъ со всѣми ключами отъ крепостныхъ воротъ и со всѣми пушками. Ловкій Жолкѣвскій успѣлъ добиться полнаго довѣрія со стороны близорукихъ бояръ. Онъ уговорилъ ихъ отправить великое посольство къ Сигизмунду съ просьбой дать на царство Владислава и въ посольство были назначены именно тѣ родовитыя лица, которыя могли быть наиболѣе опасны для Владислава, именно Филаретъ Никитичъ Романовъ, отецъ Михаила Теодоровича,

князь Василій Голицынъ, также намѣчавшійся въ цари. Сами же бояре предали въ руки поляковъ и бывшаго своего царя, Василя Шуйскаго и брата его Димитрія, что дало возможность полякамъ величаться никогда прежде не бывалымъ плѣвненіемъ русскаго царя. Москва—сердце Россіи, священный Кремль очутились въ рукахъ поляковъ! знатнѣйшіе бояре униженно стали вымаливать у кичливыхъ ляховъ себѣ царя! бывший царь Россіи униженно билъ челомъ польскому королю и долженъ былъ цѣловать ему руку!..

Вотъ до чего довели Россію бояре своими интригами за власть и своими происками ограничить власть царскую! Большаго позора Русь никогда не переживала за все время своего существованія!

Одинъ патріархъ не одобрялъ дѣйствій бояръ, съ недоверіемъ относился къ Жолкѣвскому, не смотря на его лесть и почтительность, и занялъ выжидательное положеніе до той поры, когда поляки яснѣе раскроютъ свои планы.

Недолго, однако пришлось патріарху ожидать подтвержденія справедливости своихъ опасеній.

Сигизмундъ не отпускалъ сына на царство, затаилъ съ посольствомъ переговоры до безконечности, а въ тоже время черезъ своихъ клеветовъ убѣждалъ бояръ присягнуть ему самому, какъ царю.

Въ Москву явились Михаилъ Салтыковъ и Федоръ Андроновъ—клеветы Сигизмунда и стали уговаривать бояръ и москвичей присягнуть королю. Хитрый Жолкѣвскій, видя, что король не отпускаетъ своего сына въ Москву, что ему прійдется въ интересахъ короля дѣйствовать въ прямое нарушеніе своихъ клятвъ, уѣхалъ изъ Москвы и передалъ ее въ руки своего помощника Гонсѣвскаго, которому легче уже было приступить къ осуществленію губельныхъ для Россіи видовъ Сигизмунда.

Гонсѣвскій сталъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ лишилъ боярскую думу всякаго значенія и передалъ власть русскимъ измѣнникамъ, польскимъ клеветамъ Салтыкову и Андронову. Поляки стали всячески притѣснять москвичей, отбирать у нихъ оружіе. Андроновъ началъ посылать Сигизмунду короны, державы и скиптры русскихъ царей. Отъ Сигизмунда, какъ бы уже отъ русскаго царя, стали разсылаться указы, дававшіе награды и всякія почести тѣмъ изъ

русскихъ, которые измѣннически проявляли свою преданность Польшѣ. Россія стояла на краю гибели.

Среди полной растерянности, малодушія и измѣнъ патриархъ остался, дѣйствительно, „одинъ и уединенъ“, по выраженію лѣтописца. Доблестный старецъ своимъ яснымъ, прозорливымъ умомъ видѣлъ страшную опасность, угрожавшую отечеству, и геройски становится онъ на великую стражу. Этотъ богатырь духа, какъ мудрый вождь Россіи слѣдить за каждымъ поступкомъ враговъ готовый поднять противъ нихъ всю силу Церкви и еще не угасшій духъ русскаго православнаго народа! Опять раздаются рѣчи этого великаго патриота, предостерегающія русскихъ людей отъ хитростей поляковъ. „Видя людей Божьихъ въ Великой Россіи, мятущихся и зѣло погибающихъ“, по выраженію древняго сказанія, патриархъ убѣждаетъ русскихъ людей: „Чада паствы моея, послушайте словесъ моихъ! Что все мятетесь и ввѣряете души свои поганымъ полякамъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, общеніе съ злохищными волками? Вѣсте сами, яко издавна православная вѣра наша христіанская греческаго закона отъ иноплеменныхъ странъ ненавидима. Кѣими же нравы примиримся съ иноплеменниками сими“?..

Но не дремали и измѣнники. Въ Ноябрь 1610 года къ патриарху явился бояринъ Михаилъ Салтыковъ и началъ хитрыя рѣчи о Сигизмундѣ, „все на то приводя, чтобы цѣловать крестъ самому королю“.

Патриархъ съ негодованіемъ прекратилъ эти хитрыя рѣчи Салтыкова. Но враги на унимались. На другой день Салтыковъ явился къ патриарху съ боярами правительствующей думы и сталъ рѣшительно требовать отъ патриарха разрѣшить народу цѣловать крестъ королю, во всемъ доложитесь на его волю и о томъ отписать королю подъ осажденный Смоленскъ.

— „Стану писать къ королю грамоты“, отвѣчалъ патриархъ, — „и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что доложитесь на волю королевскую, крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, то я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и про-



жлинаю того, кто писать ихъ будетъ, а русскимъ людямъ напишу, что, если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловаль, итти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру“.

Мощное слово Гермогена о его рѣшимости до конца бороться за вѣру православную привело въ бѣшенство измѣнника Салтыкова; онъ бросился съ ножомъ на святителя.

Гермогенъ поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семь вѣкъ и въ будущемъ!“

„Ты больше всѣхъ честію, господинъ“, обратился затѣмъ Гермогенъ къ первосовѣтнику боярской думы—князю Мстиславскому; „тебѣ слѣдуетъ впереди другихъ подвизаться за вѣру православную, а если ты прельстишься, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою и родъ твой возьметъ отъ земли живыхъ, и не останется никого изъ рода твоего въ живыхъ“.

Властное, потрясающее слово патріарха привело въ сильное волненіе присутствующихъ, и даже Салтыковъ посмѣвшись дипломатично испросить прощеніе у святителя, говоря, что онъ безуменъ былъ и безъ памяти говорилъ.

## Глава VI-я.

Бояре ушли отъ патріарха ни съ чѣмъ, затаивъ злобу и продолжали свое „воровское“ дѣло.

Патріархъ видѣлъ, что пробилъ часъ открыто и рѣшительно выступить на борьбу съ поляками и измѣнниками. Окруженный смертельными врагами, Гермогенъ, конечно сознавалъ, что выступая съ ними на борьбу, онъ идетъ на вѣрную смерть; но не о себѣ онъ думалъ въ тѣ страшные дни, не о жизни своей, а о вѣрѣ православной, о дорогой родинѣ, которая стояла на краю гибели...

Не смотря на то, что поляки зорко слѣдили за каждымъ шагомъ патріарха, святитель разослалъ своихъ дворскихъ людей собирать московскихъ гостей и другихъ торговыхъ людей по городскимъ сотнямъ въ Успенскій соборъ. Съ церковнаго амвона Гермогенъ объявилъ народу всю

грозную опасность положенія для церкви и государства и запретилъ цѣловать крестъ королю Сигизмунду, убѣждая народъ постоять за вѣру православную.

Начиналась великая борьба съ врагами Церкви и отечества. Борьба эта принимаетъ особый характеръ, прежде всего, борьбы народной за вѣру, — характеръ войны священной. Во главѣ этой борьбы становится первосвятитель Церкви, стяжавшій необычайную любовь народную и властный авторитетъ своею самоотверженною дѣятельностью на пользу родины. *Въ этомъ величайшая, неоцѣнимая заслуга этого святителя-патриота, не раздѣлявшаго въ своемъ сердцѣ любви къ Церкви отъ любви къ родинѣ.*

Благодарный и благородный народъ оцѣнилъ этотъ моментъ въ дѣятельности патриарха и назвалъ его „достоучуднымъ дѣломъ“. Ярославцы въ своихъ грамотахъ писали по городамъ: „Если-бы патриархъ Гермогенъ не учинилъ такого достоучуднаго дѣла, то никто изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей не смѣлъ-бы молвить ни одного слова“.

Въ то время, какъ патриархъ открыто выступилъ на борьбу съ поляками въ Москвѣ, послы русскіе подъ Смоленскомъ, напутствуемые патриаршими наставленіями, упорно, не смотря на чинимыя имъ утѣсненія, отклоняли всѣ незаконныя требованія поляковъ. Когда изъ Москвы отъ Салтыкова съ его единомышленниками пришла грамота съ приказомъ сдать Смоленскъ королю и присягнуть ему на подданство, Филаретъ Никитичъ сказалъ: „такимъ грамотамъ повиноваться по совѣсти нельзя: писаны онѣ безъ воли патриарха, а насъ отпускалъ сюда патриархъ, а онъ у насъ человекъ начальній“.

Въ половинѣ декабря 1610 г. самозванецъ былъ убитъ однимъ татаринѣмъ. Русскіе люди свободнѣе вздохнули, такъ какъ всѣ силы свои могли направить на борьбу съ поляками. Патриархъ еще энергичнѣе начинаетъ дѣйствовать. Властною рукою онъ поднимаетъ народъ на борьбу съ поляками. Онъ неустанно пишетъ привывныя грамоты къ народу, подымая ихъ на вооруженную борьбу съ врагомъ. За отсутствіемъ государя, при измѣнѣ временнаго правительства русскому народу, начальній человекъ земли русской счелъ себя въ правѣ призвать народъ къ оружію. Рѣчь его сильна, со властью. Онъ повелѣваетъ русскимъ людямъ,

областямъ, „всѣмъ не мѣшкая по зимнему пути, собравшись со всѣми городами, идти вооруженными ополченіями къ Москвѣ на польскихъ и литовскихъ людей“.

Въ 1611 году гонцы съ призывными грамотами скакали по всѣмъ областямъ. Подъ ихъ вліяніемъ поднялись волны народнаго воодушевленія, великихъ жертвъ для спасенія вѣры и отечества. Города стали сноситься грамотами, призывая русскій народъ объединиться, чтобы „всею землею стать сообща за православную вѣру, пока еще свободны и не разведены въ плѣнъ“...

Поляки провѣдали про грамоты патріарха. Чтобы отнять у первосвятителя возможность дальнѣйшей разсылки грамотъ, у него „и дѣяки, и подъячіе, и всякіе дворовые люди были пойманы и дворъ его весь былъ разграбленъ“.

Съ этого времени патріарха стали держать „какъ птицу въ клеткѣ“. Распространившіяся изъ Москвы съ чрезвычайною быстротою вѣсти о насиліи надъ чтимымъ патріархомъ, окруживъ его ореоломъ мученичества, еще болѣе увеличили значеніе и воздѣйствіе на русскую душу его грамотъ.

Сами москвичи продолжали уже дѣло патріарха, стали разсылать грамоты по всѣмъ городамъ. Въ нихъ они говорили: „Вслѣдъ за предателями христіанства, Михаиломъ Салтыковымъ и Θεодоромъ Андроновымъ въ товарищи, идутъ многіе.“

Святѣйшій же патріархъ прямъ, какъ Самъ Пастырь, душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ слѣдуютъ всѣ православные христіане... Будьте съ нами обще за-одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ. Помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно. Если коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь корень нашего царства, здѣсь—знамя отечества—образъ Божіей Матери, заступницы христіанской, Которую евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы. Или вамъ, православнымъ христіанамъ, то ни во что поставитъ“?..

Неотрижимое и грубое дѣйствіе оказывали грамоты патріарха на чистыя, не омраченныя смутой души; онѣ побуждали ихъ на геройскіе подвиги. Даже на такого чловѣка, какъ Прокопій Ляпуновъ, онѣ произвели потрясающее впечатлѣніе и совершенно переродили этого чловѣка. Въ

какихъ только лагеряхъ не перебивалъ этотъ человекъ въ это мятущееся время? Былъ онъ въ станѣ Болотникова, а потомъ явился съ повинной къ Шуйскому, которому скоро измѣнилъ и перешелъ на сторону его враговъ. Присягнулъ затѣмъ Владиславу, но сильныя слова патріарха противъ Сигизмунда и его сына, наконецъ, сдѣлали изъ него вѣрнаго сына отечества до смерти. Онъ одинъ изъ первыхъ организуетъ народное ополченіе и обращается съ горячимъ призывомъ во всѣ города: „Встанемъ крѣпко, двинемся всею землею къ царствующему граду Москвѣ и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ обдумаемъ, кому быть на Москвѣ государемъ. У насъ одна дума: или вѣру нашу православную защитить, или всѣмъ до одного помереть“.

Патріотическое воодушевленіе росло, крѣпло. Изъ двадцати пяти городовъ составилось стотысячное ополченіе и двинулось къ Москвѣ.

Сидѣвшіе въ Москвѣ поляки, воры и перелеты почували бѣду отъ народнаго гнѣва.

Салтыковъ въ мартѣ 1611 г. явился къ Гермогену съ угрозами. „Это ты по городамъ посылалъ грамоты; ты приказывалъ всѣмъ собираться да идти на Москву! Отпиши имъ, чтобъ не ходили“.

— „Если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу своимъ, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ея поруганіе. Вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ латынское пѣніе; не могу терпѣть“.

Взбѣшенный Гонсѣвскій сталъ угрожать патріарху: „ты, Гермогенъ, главный заводчикъ сего возмущенія. Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ“...

Но запугать патріарха, готоваго съ радостью умереть за Вѣру православную, за дорогую родину, нельзя было. Поляки заключили патріарха подъ усиленную стражу, а сами стали готовиться къ оборонѣ и стали укрѣплять Кремль и Китай—городъ. Къ великому посту 1611 г. стали приближаться къ Москвѣ первые отряды народнаго ополченія. Озлобленные поляки стали вымещать свою злобу на москвичихъ всевозможнаго рода утѣсненіями. Все предвѣщало приближеніе страшной грозы.

На страстной недѣлѣ у поляковъ произошло столкновение съ москвичами, закончившееся избіеніемъ поляками безоружныхъ москвичей и страшными безчинствами поляковъ. Поляки зажгли церкви, дома и стали избивать горожанъ и грабить ихъ; не пощадили даже раки Василия Блаженнаго, разсѣкли ее на части и на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, поставили коней и творили безпутства. Трупы убитыхъ побросали въ рѣку, надъ женщинами творили насилія. Многіе москвичи бѣжали отъ этихъ ужасовъ и „по распутіямъ мнози отъ мороза и глада и различныхъ болѣзней скончавашуся“.

Во вторникъ на Святой пришли главныя силы ополченія: Ляпуновъ съ рязанцами, Трубецкой съ калужанами, Заруцкій съ казаками. Ополченцы осадили поляковъ. Възбѣшенныя измѣнники русскіе и поляки снова приступили къ Гермогену съ угрозами: „Прикажи Ляпунову и товарищамъ, чтобы они ушли назадъ; иначе умрешь злою смертью“.

„Боюсь единого Бога, живущаго на небесахъ“, отвѣчалъ непреклонный святитель: „Вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный и давно желаю пострадать за правду“.

Тогда измѣнники объявили Гермогена низвергнутымъ съ патріаршаго престола и передали его каяедру низложенному приверженцу перваго самозванца Игнатію, а патріарха Гермогена бросили въ подземелье Чудова монастыря, куда ему спускали въ окно хлѣбъ и воду. „Въ храминѣ пустьъ, яко во гробѣ, затвориша“, говоритъ современный лѣтописецъ.

## Глава VII-я.

Къ несчастью первое ополченіе не достигло своей цѣли. Люди, стоявшіе во главѣ его, не всѣ обладали той нравственной чистотой, той преданностью великой идеѣ спасенія родины, при которыхъ только и возможно совершеніе великаго и святого дѣла. Прокопій Ляпуновъ всецѣло проникся стремленіями патріарха Гермогена и былъ на высотѣ своего положенія; но бывшіе тушинцы, Трубецкой и Заруцкій, завидовали ему, ссорились съ нимъ. Заруцкій гнусно оклеветалъ Ляпунова предъ казаками, и тѣ его изрубили саблями. По смерти Ляпунова ополченіе разстроилось, и мно-

гіе ушли отъ Москвы. Заруцкій принялся опять за прежнее свое ремесло: сталъ сѣять смуту и заводить интриги. Онъ передался на сторону Марины Мнишекъ и объявилъ ея сына отъ второго самозванца претендентомъ на русскій престолъ.

Съ окраинъ приходили самыя недобрыя вѣсти: оплотъ Москвы—Смоленскъ былъ взятъ поляками. Великое посольство съ Филаретомъ Никитичемъ и Василиемъ Голицынымъ, и царь Василій Шуйскій были отправлены въ плѣнъ въ глубь Польши. Шведы взяли Новгородъ и стали навязывать Россіи въ царя сына своего короля. Псковъ призналъ царемъ Лжедмитрія III-го. Казань и города по нижнему теченію Волги присягнули сыну Марины Мнишекъ. Съ юга поднялись татары, съ востока черемисы и другіе инородцы... Казалось, гибель Руси была неизбѣжна...

Голоса патриарха не было слышно: онъ томился въ сырой темницѣ смертельной скорбью о родинѣ, не зная, что дѣлается на Руси.

Но, вотъ, 5-го августа 1611 года вмѣстѣ съ поляками, прорвавшимися съ провіантомъ въ Кремль, вошелъ туда и нѣкто свіяжанинъ Родіонъ Мосѣевъ, не знатный, не родовитый, а простой человѣкъ, сохранившій вѣру православную и нераздѣльно съ нею любовь къ страждущей родинѣ. Тайно проникъ этотъ самоотверженный человѣкъ къ Гермогену и повѣдалъ ему о печальномъ положеніи народнаго ополченія, о слухахъ, доходившихъ изъ окраинъ, о тяжкомъ положеніи родины...

Не смутился и въ эти страшныя минуты патриархъ Гермогенъ. Не поколебалась его вѣра въ подвластное ему доблестное духовенство, въ здоровыя, могучія силы православнаго русскаго народа. Изъ душевной темницы, стоя одной ногой въ могилѣ, этотъ герой-страдалецъ пишетъ и отсылаетъ въ Нижній Новгородъ свою послѣднюю, предсмертную грамоту:

„Благословеніе архимандритамъ и игуменамъ и протопопамъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всему міру; отъ патриарха Гермогена Московскаго и всея Руси—миръ вамъ, прощеніе и разрѣшеніе.

Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы

они стояли крѣпко въ вѣрѣ и боярамъ бы и атаманьѣ говорили безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына (не брали)... Я не благословляю. И на Вологду ко властвѣмъ пишетежь; также бы писали въ полки; да и къ Рязанскому (владыкѣ) пишете тожь, чтобы въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобы уняли грабежь, кормчу и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, какъ реклись, души свои положить за Пречистыя домъ, и за чудотворцевъ, и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишете, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ (сынъ) не надобенъ: проклятъ отъ сятаго собора и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижній Новгородъ, да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, а прислати же прежнихъ, коихъ есте присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными,—святѣнина Родіона Мосѣева да Романа Пахомова,—а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь не надобенъ, а хотя буде постраждете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семь вѣцѣ и въ будущемъ; а въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорить моимъ словомъ.

А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за васъ Бога молити“.

Это была послѣдняя грамота, послѣдній призывъ страдальца святителя къ православному русскому народу, въ котораго такъ крѣпко вѣрилъ, котораго такъ горячо любилъ!..

Благоговѣнно должны мы преклониться предъ величіемъ духа святѣйшаго патріарха: одинокій, безпомощный, въ глубокомъ подземельѣ, подъ угрозой мученической смерти этотъ начальный челоувѣкъ земли русской думаетъ объ одномъ—о спасеніи родины... онъ чувствуетъ себя полновластнымъ вождемъ народа, считаетъ себя въ правѣ передавать свои государственныя полномочія лицамъ духовнымъ, воеводамъ, городамъ, частнымъ лицамъ и велитъ имъ безстрашно отъ его имени говорить правду и умереть за Вѣру, за Родину...

Поляки усилили надзоръ за Гермогеномъ. Никто не могъ къ нему проникнуть. Но его святое дѣло продолжали его любимые ученики—архимандритъ Троице-Сергіевской

лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Они посадили въ кельяхъ писцовъ, которые писали и день и ночь грамоты. Монахи же садились на конь и скакали по всей Руси, развозя эти грамоты по городамъ.

Въ этихъ грамотахъ доблестные иноки, по примѣру своего учителя, патриарха Гермогена умоляли всѣхъ русскихъ людей спѣшить къ Москвѣ для освобожденья отъ враговъ.

Одна изъ грамотъ дошла до Нижняго-Новгорода, гдѣ уже подготовлена была почва грамотой Гермогена. Бурнымъ пламенемъ патриотизма отвѣтили нижегородцы на призывъ Діонисія и Авраамія Палицына и увлекли за собой другіе города.

Составилось новое ополченіе. Во главѣ его стали люди съ незапятнанной совѣстью: простой, незнатный человекъ Косьма Мининъ Сухорукій и князь Димитрій Пожарскій, не запятнавшій себя измѣной въ дни смуты.

Спасительная заря загоралась въ Нижнемъ; но мрачно было подъ Москвой и въ самомъ Кремлѣ. Русскія рати, волнуемая приверженцами разныхъ самозванцевъ ничего не дѣлали, а сидѣвшіе въ Кремлѣ бояре-измѣнники рассылали грамоты по городамъ, призывая народъ оставаться вѣрнымъ Владиславу.

Безстыдные! Ихъ огрубѣлыхъ въ измѣнахъ сердецъ не умилила, не тронула волна народнаго святого воодушевленія. Этимъ перелетамъ чужда была любовь къ родинѣ, къ Церкви: они дрожали лишь за свои „животы“, да за прибытки. Желая во что-бы то ни стало поколебать твердость патриарха Гермогена, они стали вмѣсто хлѣба опускать ему по снопу овса; „меташа страдальцу Христову нечеловѣческую пищу: въ недѣлю снопъ овса и воды“, какъ говоритъ старинное преданіе.

Въ началѣ февраля измѣнники, слыша, какъ растутъ народныя ополченья Поволжья, вмѣстѣ съ поляками приступили къ великому страстотерпцу и требовали, чтобы онъ остановилъ народное движеніе.

„Да будетъ надъ ними милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе; а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!“

Это были послѣднія слова великаго старца.



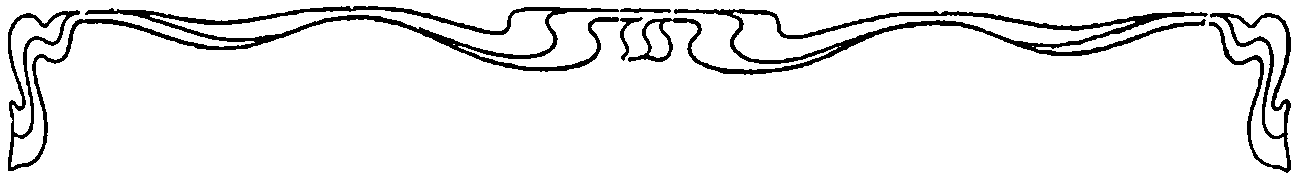
Ему перестали давать пищу и питье, и 17-го февраля 1612 года великій страдалецъ за вѣру и святую Русь скончался мученически голодною смертию. Онъ отошелъ въ другой міръ и унесъ туда къ престолу Бога пламенную любовь къ Церкви и дорогой, такъ пламенно имъ любимой, родиной. И любовь эта и молитвы святителя свершили чудо, Дѣло Гермогена восторжествовало. Нижегородское ополченіе изгнало поляковъ изъ Москвы.

Въ началѣ 1613 года въ Москвѣ собрался Великій Земскій Соборъ и на немъ осуществилась тоже мысль патріарха Гермогена. На радость и счастье Россіи былъ избранъ всею землею на царство Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Примѣръ великаго стоятеля за Русь, мученика святѣйшаго патріарха Гермогена зоветь и всѣхъ насъ русскихъ людей такъ-же, какъ и онъ, стоять до смерти за Вѣру православную, за едину нераздѣльную Святую Русь, за Царя Самодержавнаго, Котораго да хранитъ Господь на счастье и славу Россіи на многая и многая лѣта. Доблестному же стоятелю за Святую Русь Святѣйшему патріарху Гермогену отъ русскаго народа вѣчная благодарность, вѣчная память.

*Прот. Петръ Скубичевскій.*





# ПОЗНАНИЕ И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(Оправданіе здраваго смысла).

(Продолженіе \*).

## § 10. Провѣренныя свидѣтельства, какъ критерій истины.

Къ свидѣтельству другихъ лицъ прибѣгаетъ человекъ и для провѣрки своихъ иллюзій и обмановъ чувства (галлюцинацій). Такъ на примѣръ, если я съ нетерпѣніемъ ожидаю прихода какого-нибудь лица, то я могу принять за звукъ звонка совсѣмъ другой звукъ,—напр. стукъ объ стаканъ ложечки, раздавшійся въ столовой. Я выбѣгаю въ переднюю и никого не вижу; спрашиваю прислугу, потомъ кого-нибудь изъ домашнихъ, не слышали ли они звонка. Когда же отъ всѣхъ получу отвѣтъ „нѣтъ“, тогда я убѣждаюсь, что меня обманулъ „мой слухъ“. На самомъ дѣлѣ меня обманула апперцепція: я неправильно истолковалъ и локализовалъ дѣйствительный звукъ, который я услышалъ. Заявленіе прислуги меня еще не убѣждало въ моей ошибкѣ: я знаю, что прислуга могла солгать, чтобы оправдать свое упущеніе,— что не вышла отпереть дверь. Но когда заявленіе прислуги подтвердили другіе, то я имъ вѣрю и убѣждаюсь въ своей ошибкѣ. Такимъ же образомъ провѣряется и достовѣрность всякаго свидѣтельства. У историка и этнографа эта провѣрка должна быть очень основательной. Таковымъ ученымъ нужно убѣдиться, 1) могъ ли авторъ сообщить то, что онъ сообщаетъ, т. е. былъ ли онъ самъ очевидцемъ передаваемого или же передаетъ, что узналъ отъ другихъ. 2) Же-

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1912 годъ.

лалъ ли онъ передать одну правду безъ искаженій, т. е. не было ли у него предвзятой мысли или пристрастія въ изложеніи видѣннаго и слышаннаго. 3) Если не оказывается у автора требуемыхъ качествъ, то тогда является надобность провѣрить его показанія другими свидѣтельствами, исходящими отъ другого лица, не заинтересованнаго или же заинтересованнаго въ противоположномъ смыслѣ. Такъ напр., греческій историкъ, описывающій походъ Ксеркса противъ Эллады, заинтересованъ въ томъ смыслѣ, чтобы какъ можно больше выдвинуть доблесть грековъ при защитѣ своего отечества. Поэтому греческій историкъ будетъ склоненъ умалить достоинства противника,—искусство, храбрость; напротивъ, онъ будетъ преувеличивать число его войскъ и кораблей, чтобы побѣда грековъ вышла болѣе блестящей. Въ свою очередь, недостатки грековъ онъ по возможности будетъ смягчать. Поэтому показанія греческаго историка слѣдуетъ провѣрять показаніями персидскихъ источниковъ, которымъ тоже нельзя безусловно вѣрить. Однако изъ сличенія тѣхъ и другихъ источниковъ можно добыть относительную истину, которая будетъ посредникъ между сообщеніями обѣихъ сторонъ. Чѣмъ больше источниковъ историкъ привлекаетъ къ своему изслѣдованію, тѣмъ больше довѣрія онъ получаетъ у читателя. 4) Относительно общечеловѣческихъ свойствъ и общечеловѣческихъ фактическихъ знаній требуется еще большее число свидѣтельствъ изъ различныхъ странъ, народовъ и временъ: тогда общій выводъ пріобрѣтаетъ убѣдительную силу. Тогда *consensus omnium gentium* становится критеріемъ истины <sup>1)</sup>. Такъ напр., всѣ народы вѣрятъ въ боговъ или въ единого Бога; всѣ люди стремятся къ счастью и къ совершенствованію; всѣ народы признаютъ обязательность нравственныхъ нормъ и отвѣтственность человѣка за свои поступки, требуя за нихъ возмездія; всѣ народы вѣрятъ въ существованіе души, какъ особаго дѣятельнаго разумнаго начала, различнаго отъ инертной матеріи. Подобныя истины, насколько онѣ признаны всѣми народами, доказываютъ, что эти вѣрованія и воззрѣнія коренятся въ самой человѣческой природѣ, и наконецъ—въ Творцѣ Вселенной и человѣка: слѣдовательно эти

<sup>1)</sup> См. *Cicero*, *Tuscul. disput.* I. 30.

явленія и факты не случайны; они необходимы для чело-  
вѣка, для него они—истины общеобязательныя: ихъ призна-  
вали всѣ выдающіеся философы.

То обстоятельство, что появлялись лжемудрецы, оспа-  
ривавшіе то одну, то другую изъ приведенныхъ истинъ,  
отнюдь не ослабляетъ ихъ силы и общеобязательности. Такъ  
же точно наличность нѣсколькихъ слѣпцовъ не доказываетъ  
отсутствія видимаго, а равно и зрѣнія у остальныхъ.

Такъ же точно не можетъ служить опроверженіемъ  
общечеловѣческаго смысла то обстоятельство, что и онъ  
иногда ошибается: въ этихъ случаяхъ ошибки или не имѣютъ  
практическаго значенія, или же онѣ относятся къ частно-  
стямъ, относительно которыхъ не всѣ согласны. Такъ напр.,  
общечеловѣчeskій смыслъ, а равно и всѣ астрономы отъ  
Птолемея до Коперника, вѣря своимъ непосредственнымъ  
зрительнымъ впечатлѣніямъ, считали землю неподвижной.  
Но эта ошибка 1) не имѣетъ никакого практическаго зна-  
ченія. 2) Даже въ теоріи всякое движеніе относительно, и  
замѣчается оно только по сравненію съ неподвижнымъ.  
Если же движется все, какъ напр. вся земля, то все нахо-  
дящееся на ней намъ кажется неподвижнымъ. Только по  
сравненію съ небесными свѣтилами мы замѣчаемъ измѣне-  
нія въ положеніи земли къ этимъ свѣтиламъ; но изъ этихъ  
измѣненій отнюдь еще не видно, движется ли земля, или  
все небо. Птолемеева система логически отнюдь не опровер-  
гнута: она не заключаетъ въ себѣ логическихъ противорѣ-  
чій; она только весьма сложна и поэтому неудобна; а от-  
крытія Кеплера и Ньютона еще болѣе упростили объясненіе  
движенія небесныхъ тѣлъ. 3) И до Птолемея, и до Копер-  
ника позднѣйшіе пифагорейцы вѣрили въ движеніе земли.

## § 11. Логическое основаніе, какъ критерій истины.

По мѣрѣ накопленія знаній въ опытѣ отдѣльнаго чело-  
вѣка увеличивается и связность между однородными фак-  
тами. То же дѣлается и въ наукѣ. Таковая стремится не  
только къ увеличиванію объема знаній въ своей области, но  
она старается по мѣрѣ возможности открывать и зависи-  
мость добытыхъ фактовъ другъ отъ друга или отъ одного  
общаго имъ начала. Стремленіе установить связь между

разрозненными фактами мы имѣемъ уже въ первоначальныхъ процессахъ сужденія. Это стремленіе врождено чело-вѣку, и вначалѣ у каждаго устанавливаются различныя связи между отдѣльными фактами даже невольны, по тѣмъ же категоріямъ, что и ассоціаціи идей. То, что въ психоло-гіи называется „ассоціаціями идей“, есть результатъ пред-шествовавшихъ воспріятій и сужденій, есть уже установив-шійся элементъ познанія,—такъ же, какъ и понятіе; только послѣднее имѣетъ еще большую стойкость, чѣмъ первая. Первоначальными связующими категоріями бываютъ: тожде-ство (сходство) и причинность; затѣмъ сосуществованіе про-странственное и наконецъ—отношенія времени. Причинность ребенокъ понимаетъ инстинктивно уже на второмъ мѣсяцѣ: если онъ выпускаетъ изо рта грудь, когда онъ сытъ или когда въ ней нѣтъ молока, или же—невкусную соску, то и подобное дѣйствіе необъяснимо одними рефлексами мозга <sup>1)</sup>. Если же онъ на пятомъ мѣсяцѣ протягиваетъ ручку къ же-ланному предмету, который подноситъ ко рту <sup>2)</sup>, то въ этихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, несомнѣнно, имѣется уже со-знательное пониманіе причинной зависимости. Таковая его интересуется постоянно; когда онъ уже говоритъ, то онъ постоянно спрашиваетъ „кто сдѣлалъ?“ „почему?“ При этихъ вопросахъ имѣется въ виду реальная причина—или внѣш-няя, или душевная. Довольно поздно вопросъ „почему?“ имѣетъ въ виду цѣль, а еще позже—логическое основа-ніе какого-нибудь сужденія. Послѣднее бываетъ уже въ періодъ обученія. Напр.: „почему десять пишется двумя цифрами, а девять одной?“ „Почему при умноженіи на де-сять прибавляется одинъ ноль?“ „Почему въ високосномъ году 366 дней?“ <sup>3)</sup>.

Итакъ, слово „почему“ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: а) для указанія причины, б)—логическаго основа-нія. Эти два значенія нужно различать: логическое основа-ніе вовсе не служитъ причиной даннаго сужденія. Мы ча-сто узнаемъ новыя истины, вовсе не зная ихъ основаній; да и тотъ, кто впервые открылъ какое-нибудь новое отношеніе,

<sup>1)</sup> Ср. Preyer, op. cit. pag. 91.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 148.

<sup>3)</sup> Мой сынъ эти вопросы задавалъ только на шестомъ году; а у него развитіе шло необыкновенно быстрымъ ходомъ.

далеко не всегда знаетъ его логическое основаніе. Такъ на-  
примѣръ, Кеплеръ эмпирическимъ путемъ открылъ законы  
движенія планетъ, не зная ихъ логическаго основанія;  
только послѣ него Ньютонъ нашелъ это основаніе въ законѣ  
тяготѣнія. Многія теоремы геометріи столярамъ, бондарямъ  
и каменотесамъ были извѣстны значительно раньше, чѣмъ  
ихъ доказывали ученые геометры, т. е. чѣмъ сдѣлалось  
извѣстнымъ ихъ логическое основаніе. Знанія, не исключая  
и математическихъ, прежде добываются эмпирическимъ пу-  
темъ; а потомъ только удается, и то не всегда, находить  
ихъ логическое основаніе. И теперь еще такимъ же путемъ  
добываются новыя теоремы и новыя отдѣлы математики <sup>1)</sup>.

Въ физикѣ, какъ мы знаемъ, и въ настоящее время  
еще не всѣ отдѣлы разработаны настолько, чтобы эмпири-  
чески добытыя знанія можно было дедуцировать изъ общихъ  
несомнѣнныхъ положеній. Таковъ напр., отдѣлъ о магне-  
тизмѣ. Въ химіи только недавно, благодаря теоріи Мен-  
делѣева, сдѣлалось возможнымъ а priori предсказывать  
открытіе новыхъ химическихъ элементовъ и соединеній.

Изъ этихъ фактовъ мы должны убѣдиться, что логиче-  
ская обоснованность знанія является довольно поздно,—и у  
отдѣльной личности, и у всего человѣчества. Слѣдовательно  
этотъ критерій истины не есть первоначальный, а произ-  
водный: фактическія истины добываются гораздо раньше,  
чѣмъ устанавливается ихъ зависимость отъ болѣе общихъ  
законовъ природы или отъ болѣе общихъ теоретическихъ  
соображеній. Притомъ доказываемое посредствомъ дедукціи  
положеніе черпаетъ свою убѣдительность изъ своихъ же по-  
сылкъ и изъ логической правильности умозаключеній. Если  
же самыя посылки не отличаются достовѣрностью, то даже  
логически правильный выводъ, сдѣланный изъ нихъ, не мо-  
жетъ быть убѣдительнымъ.

Доказательства геометріи въ концѣ концовъ опираются  
на опредѣленія и аксіомы; но самыя опредѣленія, за нѣсколь-  
кими исключеніями, не—пустыя фикціи; они для насъ имѣютъ  
значеніе дѣйствительности, потому что опредѣляемая поня-  
тія (прямая линія, углы, фигуры и т. п.) обозначаютъ или

<sup>1)</sup> Меня въ этомъ увѣрялъ одинъ мой знакомый, выдающійся  
математикъ: свои новыя открытія онъ не сразу сумѣлъ дедуцировать  
изъ общихъ положеній.

нѣчто дѣйствительно существующее, или по крайней мѣрѣ, нѣчто осуществимое. А въ этомъ насъ убѣждаютъ наши непосредственныя воспріятія. Мы видимъ параллельныя и наклонныя линіи, мы видимъ острые, прямые и тупые углы, мы видимъ треугольники и четырехугольники, мы видимъ и отличаемъ правильныя фигуры отъ неправильныхъ, мы видимъ и отличаемъ кругъ отъ правильнаго многоугольника и эллипса: поэтому геометрическія опредѣленія для зрячаго человѣка имѣютъ силу непосредственной очевидности <sup>1)</sup>. Что же касается геометрическихъ аксіомъ, то ихъ очевидность тоже коренится и въ нашихъ зрительныхъ воспріятіяхъ. Такимъ образомъ и всѣ доказательства геометріи въ концѣ концовъ основаны на непосредственной очевидности. Таковую нельзя считать критеріемъ истины въ собственномъ смыслѣ этого слова: это—чисто субъективная увѣренность каждаго человѣка, которая зависитъ отъ его душевной организациі; она составляетъ необходимое условіе всякаго знанія, и поэтому не подлежитъ ни сомнѣніямъ, ни доказательствамъ. Это и есть тотъ „*lumen naturale*“ Декарта, который заложенъ Творцомъ Вселенной въ душу человѣка <sup>2)</sup>.

## § 12. Логическая послѣдовательность и очевидность.

Вмѣсто перечисленныхъ критеріевъ истины, въ новѣйшей философіи выдвинуты новыя, которыя, какъ ми увидимъ, или не имѣютъ мѣста въ гносеологіи, или же не оказываются критеріями истины. Такъ, Кантъ признаетъ только

<sup>1)</sup> Исключеніе составляютъ только опредѣленія математической точки и линіи, которыя представляютъ собою фикціи, введенныя для удобства въ разсужденіяхъ. Еще древніе скептики отмѣтили вполне основательно нереальность этихъ опредѣленій, т. е. ихъ несоотвѣтствіе дѣйствительности. (См. Sextus Empiricus, *Adversus mathematicos*...) Для слѣпорожденнаго и другія опредѣленія геометріи не отличаются полной очевидностью, такъ какъ слѣпой можетъ получить только приблизительное и неясное понятіе о замкнутой фигурѣ или объ углѣ: таковыя понятія у слѣпорожденнаго могутъ составляться лишь на основаніи преемственныхъ впечатлѣній—осязательныхъ и мускульно-моторныхъ, которыя сильно отличаются отъ одновременнаго и цѣльнаго пространственнаго воспріятія фигуры у зрячаго. При томъ у слѣпца его впечатлѣнія отъ геометрической фигуры весьма ограничены по пространственнымъ размѣрамъ: они не выходятъ за предѣлы его руки.

<sup>2)</sup> *Descartes*, *Princ. philos.* I, 30.

одинъ критерій истины, формально-логическій, т. е.—согласіе познанія съ общими и формальными законами разсудка и разума <sup>1)</sup>. Въ своей логикѣ онъ формулируетъ этотъ критерій болѣе кратко, а именно какъ „согласіе познанія съ самимъ собою“ <sup>2)</sup>. То же съ незначительными вариациями повторяли: *Якобъ*, *Кругъ*, *Фихте* (старшій) <sup>3)</sup>, а изъ новѣйшихъ: *Лотце* <sup>4)</sup>, *Б. Эрдманъ* <sup>5)</sup>, *Шубертъ-Зольдернъ*, <sup>6)</sup> *Сигвартъ* <sup>7)</sup>, *Виндельбандъ* <sup>8)</sup>; послѣдніе четыре присоединяютъ къ Кантовой формулѣ выраженія „необходимость мышленія“ (*Denknotwendigkeit*) или же „общеобязательность“ (*Allgemeingültigkeit*). *Кассиреръ*, по примѣру *Брэдлея*, формулируетъ этотъ критерій, какъ „внутреннюю связность и отсутствіе противорѣчій“ (*innerer Zusammenhang und Widerspruchslosigkeit* <sup>9)</sup>). Всѣ эти формулы указываютъ на одно изъ условій полученія истины или провѣрки истиннаго познанія. Это условіе состоитъ въ соблюденіи основныхъ законовъ мышленія и вообще правилъ формальной логики. Но каждому извѣстно, что формальная правильность мышленія и умозаключеній, (т. е. соблюденіе всѣхъ правилъ логики) отнюдь еще не доказываетъ истинности заключенія, т. е. вывода. Таковой можетъ быть и ложнымъ, если разсуждающій исходилъ отъ ложныхъ посылокъ или аргументовъ. И наоборотъ, отъ истинности заключенія нельзя сдѣлать вывода относительно истинности посылокъ: истинный выводъ иногда можетъ быть полученъ и изъ ложныхъ посылокъ <sup>10)</sup>. Формальная логика не входитъ въ провѣрку истинности сужденій и посылокъ; это она предоставляетъ наблюденіямъ, экспериментамъ и методамъ матеріальной индукціи. Поэтому фор-

<sup>1)</sup> *Kant*, Kritik d. rein. Vernunft. v. Kehrbach, 2 Aufl. S. 82. Тутъ же онъ старается доказать, что „невозможно указать на достаточный и общій критерій истины“... „по отношенію къ содержанію познаній“, и что „даже самъ вопросъ о такомъ представляетъ собою противорѣчіе“.

<sup>2)</sup> *Kant*, Logik 1800, S. 72.

<sup>3)</sup> *I. G. Fichte*, Sämtl. Werke, 1846, VI. Bd. S. 19.

<sup>4)</sup> *Lotze*, Mikrok. 2 Aufl. II. S. 299.

<sup>5)</sup> *B. Erdmann*, Logik 1892, I. S. 275.

<sup>6)</sup> *Schubert-Soldern*, Grundl. zu e. Erkenntnistheorie 1884, S. 182 и 160.

<sup>7)</sup> *Sigwart*, Logik 3 Aufl. 1 § 1, S. 5 и 8, и § 2 S. 11.

<sup>8)</sup> *Windelband*, Praeludien 1907, 3 Aufl. S. 153.

<sup>9)</sup> *Cassirer*, Das Erkenntnisproblem, 1906, I. S. 4.

<sup>10)</sup> См. *И. С. Проданъ*, Учебникъ Логики, 2-е изд. § 27, стр. 69.



мальная логика имѣеть дѣло лишь съ правильностью умозаключеній, которая оказывается только однимъ изъ *условій* достиженія истины. Поэтому эта логическая правильность или послѣдовательность не можетъ считаться критеріемъ истины, и то тѣмъ болѣе, что она обнаруживается лишь на выводныхъ или формальныхъ истинахъ. Для фактическихъ истинъ имѣють значеніе лишь основные законы мышленія, которые въ несложныхъ случаяхъ соблюдаются и совершенно невольно и безсознательно.

Еще менѣе основаній считаться объективнымъ критеріемъ истины имѣеть „очевидность“ (*Evidenz*). 1) Таковая есть не что иное, какъ то чувство, которымъ сопровождаются какъ отдѣльныя истины, такъ въ особенности ихъ доказательства, когда послѣднія просты и опираются на несомнѣнные аргументы. 2) Это субъективное чувство не поддается сравненію съ подобными чувствами у другихъ людей; поэтому оно не можетъ быть объективнымъ мѣриломъ истины; 3) оно есть плодъ истины, а не ея условіе или примѣта (критерій); оно бываетъ обманчивымъ подъ вліяніемъ желаній, ожиданій, предразсудковъ, привычекъ. Оно весьма надежно относительно воспріятій и вполне надежно относительно своихъ собственныхъ ощущеній, чувствъ и состояній души, затѣмъ,—относительно аксіомъ и первоначальныхъ „самоочевидныхъ истинъ“ Рида. Въ остальныхъ случаяхъ оно ненадежно; относительно такъ называемой метафизической достовѣрности это чувство можетъ быть показателемъ одной лишь вѣроятности <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Тѣмъ не менѣе его признавали за критерій истины—въ древности *Теофрастъ* (*Sextus Empiricus, Adv. Mathematicos, VII, 218*); затѣмъ *стоики* (*ibid. 273*); въ новое время—*Декартъ* (*Princ. philosophiae I. 30*). *Мальбраншъ* (*Rech. de la verité P. 1853, 1. 2*); *Дж. Ст. Милль* (*Examination... 1865, pag. 348*); *Вундтъ* (*Logik 1. 74*); *Риккертъ* (*Bickert, Gegenst. d. Erkenntniss, 2 Aufl. 1904, S. 112*). Изъ русскихъ философовъ *М. Троицкій* считалъ критеріемъ истины „очевидность“, но эта, по его утверженію,—есть произведеніе открытой двойной повѣрки умозаключеній—индуктивныхъ и дедуктивныхъ“ (См. *М. Троицкій, Учебникъ логики, 2-е изд. М. 1886 кн. 1, стр. 46*). Въ такомъ же смыслѣ шестью годами раньше высказывался *Rabier* (*Logique, P. 1880, pag. 378*) и пятью годами раньше перваго изданія учеб. логики проф. *М. Троицкаго*, вышедшаго въ 1885 г.

## § 13. Польза знанія, какъ критерій истины.

За послѣднія три десятилѣтія выдвинуть философи новыи критерій истины, который состоитъ въ пользѣ, какъ біологической,—для поддержанія индивидуальной жизни, такъ и гуманитарной,—для содѣйствія человѣческимъ интересамъ, цѣлямъ, стремленіямъ. Въ первомъ смыслѣ высказывался *Ницше*. По его мнѣнію, истинно то, что служитъ цѣлямъ жизни; истина—это біологическая полезность познанія<sup>1)</sup>. „То, отъ чего я гибну, говоритъ Ницше, то для меня не истинно, т. е. оно составляетъ ложное отношеніе (Relation) моего существа къ другимъ вещамъ: дѣло въ томъ, что существуютъ только индивидуальныя истины,—абсолютное отношеніе есть нелѣпость“<sup>2)</sup>. Только цѣнность познанія гарантируетъ его истинность<sup>3)</sup>.

Въ болѣе умѣренномъ видѣ признаетъ полезность,—впрочемъ наряду съ другими критеріями истины, философское ученіе американцевъ, извѣстное подъ названіемъ *прагматизма*<sup>4)</sup>. Не вдаваясь пока въ критику этихъ полускептическихъ воззрѣній, я останавлиюсь лишь на новомъ критеріи пользы, который особенно выдвинуть Шиллеромъ и Пирсомъ; въ преувеличеніи его значенія только и состоитъ кажущаяся оригинальность ихъ ученія. Болѣе извѣстный его популяризаторъ, знаменитый американскій психологъ *В. Джемсъ* говоритъ слѣдующее: „Всякая идея, помогающая намъ оперировать теоретически или практически съ извѣстной реальностью (sic!) или съ тѣмъ, что къ ней относится, идея, не вводящая насъ въ заблужденіе (sic!) при нашемъ движеніи впередъ, но фактически содѣйствующая намъ въ приспособленіи нашей жизни ко всей обстановкѣ дѣйствительности—подобная идея въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ее можно разсматривать, какъ истинную по отношенію къ этой дѣйствительности“<sup>5)</sup>.

1) *Nietzsche*, Werke, 1895, VII Bd. 1, 3 и 1, 4.

2) Его же соч. XI, 6, 208.

3) Тамъ же X, 2 1 и XV, 2, 2.

4) *Шиллеръ* это ученіе назвалъ „гуманизмомъ“. См. *F. C. S. Schiller*, Humanism, 1903 pag. 18--56.

5) *В. Джемсъ*, Прагматизмъ, перев. П. Юшкевича СПб. 1910 г., стран. 131.

Подобный же взглядъ высказываетъ и Гефдингъ<sup>1)</sup>. Этой одной выдержки изъ сочиненій Джемса достаточно, чтобы понять этотъ новый критерій и чтобы его отвергнуть, какъ несостоятельный. 1) Самъ Джемсъ признаетъ, кромѣ пользы, необходимыми и другіе критеріи истины для провѣрки „истинной идеи“, а именно: а) „не введеніе въ заблужденіе“. Это—то же, что у другихъ называется „отсутствіемъ противорѣчій“; б) необходимость, чтобы идея соответствовала дѣйствительности. Слѣдовательно одна польза еще недостаточна для провѣрки истинности какой-нибудь „идеи“. 2) Если выгода и польза на первой стадіи познанія служатъ мотивами для добыванія истинныхъ знаній; то это не значитъ, что только такія полезныя или выгодныя знанія истинны: есть истины, которыя ничуть не выгодны. Такъ, дикарю, да и культурнымъ народамъ было бы очень выгодно не переносить лишеній и страданій, связанныхъ съ зимою; однако, всѣ люди увѣрены въ той истинѣ, что зима наступитъ послѣ лѣта и осени. И никому не приходитъ въ голову направить свои усилія на изысканіе способовъ отмѣнить зиму, хотя это было бы весьма полезно для всего человѣчества. Знаніе этой непріятной и невыгодной истины полезно только въ томъ смыслѣ, что мы, ожидая неизбѣжной зимы съ ея лишеніями, дѣлаемъ запасы пици и топлива; но въ этой истинѣ мы увѣрены раньше, чѣмъ дѣлаемъ запасы. Слѣдовательно эта истина признана нами за таковую не вслѣдствіе ея оправданія дѣйствительностью, т. е. уже наступившей зимою, съ ея холодомъ и отсутствіемъ свѣжихъ ягодъ и фруктовъ,—а по другимъ причинамъ. И ребенокъ богатыхъ родителей, живущихъ въ столицѣ, увѣренъ, что наступитъ зима, хотя его пища и образъ жизни зимою почти ничѣмъ не отличаются отъ осени, хотя онъ никакихъ лишеній и непріятностей не испытывалъ отъ зимы. 3) Провѣрка не только выгодой и пользой, оправдавшейся на дѣлѣ, т. е. самой дѣйствительностью, неосуществима въ въ большинствѣ нашихъ знаній и наукъ. Относительно

<sup>1)</sup> *Hlöffding*, Philos. Probleme, 1903, S. 45. „W a h r h e i t (der Principien) besteht in ihrer Gültigkeit, und ihre Gültigkeit in ihrem Arbeitswerte. Dass ein Princip wahr ist, bedeutet, dass man mit demselben arbeiten kann...“

историческихъ наукъ и самъ Джемсъ признаетъ это <sup>1)</sup>. Но сверхъ того, критерій прагматизма, т. е. выгода познанія не примѣнима къ подавляющему большинству истинныхъ знаній, даже такихъ, которыя можно провѣрить дѣйствительностью. Многія науки всецѣло лишены практической выгоды. Таковы напр.: палеонтологія, этнографія, сравнительное языковѣдѣніе, астрономія и даже многіе отдѣлы чистой математики. Во всякомъ случаѣ, большинство истинныхъ знаній было пріобрѣтено гораздо раньше, чѣмъ ихъ удалось использовать на практикѣ. Дѣло въ томъ, что культурный человѣкъ находитъ огромное удовлетвореніе въ истинныхъ познаніяхъ, и независимо отъ ихъ пользы: человѣку прирожденъ инстинктъ любознательности; а любопытство дѣтей есть частный случай этого инстинкта.

Итакъ полезность знанія есть только одинъ изъ мотивовъ, толкающихъ человѣка на изслѣдованіе истины, но отнюдь не критерій истины.

#### § 14. Цѣнность различныхъ критеріевъ истины.

Мы разобрали нѣсколько критеріевъ истины, которые выставлялись разными философами. 1) Изъ нихъ мы отвергли безусловно критерій прагматизма. 2) Непосредственную достовѣрность „самоочевидныхъ истинъ“ (каковы напр. аксіомы и основные принципы знанія, изложенные нами въ I-й главѣ) мы не признали за критерій въ собственномъ смыслѣ: эта „очевидность“ есть субъективное чувство увѣренности, сопровождающее познаніе этихъ первичныхъ истинъ. Это чувство не поддается объективному сравненію и оцѣнкѣ у разныхъ людей <sup>2)</sup> Впрочемъ, при частомъ повтореніи въ нашемъ опытѣ подобныхъ истинъ самое чувство пропадаетъ, и остается только теоретическое сознаніе истинности. Подобныя самоочевидныя истины, а также и наши воспріятія представляютъ собою первичныя непосредственныя интуиціи, которыя не нуждаются ни въ какомъ критеріи или доказательствѣ. 3) Опосредствованная очевид-

<sup>1)</sup> Въ цитир. соч. стран. 131, 5 строка снизу.

<sup>2)</sup> Это было отмѣчено еще Дельбёфомъ. См. *Delboeuf, Essai de Logique scientifique. Liège 1865, I, § 3, pag. 56* „L'evidence est un caractère tout subjectif qui peut tromper dans un sens comme dans l'autre.“

ность логическаго основанія и доказательства можетъ быть надежнымъ критеріемъ истины, если истинны посылки и аргументы, и если правильны умозаключенія: слѣдовательно этотъ критерій не самостоятельный, а производный. 4) Что же касается отсутствія противорѣчій (*Widerspruchslosigkeit*), выставленнаго нѣкоторыми нѣмецкими философами, то это лишь одно изъ множества условій логической послѣдовательности, но оно отнюдь не можетъ считаться надежнымъ критеріемъ истины. Дѣло въ томъ, что отсутствіе противорѣчій со всѣми знаніями чрезвычайно трудно доказать. А если бы это и удалось, то познаніе, не противорѣчащее другимъ, сдѣлалось бы лишь допустимымъ, мыслимымъ, возможнымъ; но это еще не значило бы, что оно и истинно. Такъ на примѣръ, допустимо иногда множество разныхъ гипотезъ относительно объясненія одного и того же класса явленій; однако только одна изъ нихъ можетъ быть истинной. 5) Критерій достовѣрности свидѣтельства со стороны другого лица, очевидно, опосредствованный: мы признаемъ что-нибудь за истину только потому, что лицо, сообщившее намъ это, пользуется нашимъ довѣріемъ. Однако самое довѣріе къ автору нуждается въ оправданіи. И въ этомъ отношеніи ошибки случаются весьма часто. Тѣмъ не менѣе невозможно въ этомъ отношеніи доводить скептицизмъ до такой степени, чтобы никому не вѣрять. Въ такомъ случаѣ пришлось бы отказаться по меньшей мѣрѣ отъ девяти десятыхъ долей всего пріобрѣтаемаго нами знанія. Для оправданія своего довѣрія къ свидѣтельству автора достаточно имѣть убѣжденіе, что у автора не было никакихъ основаній насъ обмануть. Затѣмъ уже принимаются во вниманіе остальные соображенія исторической критики, которыя были бы изложены выше въ § 10 настоящей главы. Съ увеличеніемъ числа одинаковыхъ свидѣтельствъ со стороны разныхъ лицъ, *ceteris paribus*, увеличивается наша увѣренность въ достовѣрности передаваемаго факта. 6) Нѣкоторые философы видѣли въ единообразномъ свидѣтельствѣ всѣхъ народовъ „*consensus gentium*“ и людей (*Common sense*—общечеловѣчскій смыслъ) критеріемъ истины<sup>1)</sup>. Этотъ критерій обладаетъ

<sup>1)</sup> Таковы: *Энесидемъ* (*Sextus Empiricus, Adv. Mathem. II. 8*), *Цицеронъ* (*Cicero, Tusculanae disputat. I. 30; De natura deorum, I. 44*); въ новое время *Гербертъ Чербери, Т. Ридъ* (*Inquiry...*)

большой убѣдигельностью, однако не относительно всего. Такъ напр., извѣстно, что всѣ народы вѣрили и вѣрятъ въ дурныя примѣты, въ колдовство, въ гаданіе о будущемъ и т. п. Этотъ consensus gentium, очевидно, нуждается еще и въ другихъ критеріяхъ. Онъ убѣдителенъ только относительно общечеловѣческихъ качествъ, свойствъ, дѣйствій и непосредственныхъ знаній, о которыхъ каждому говоритъ его непосредственная очевидность. Относительно другихъ, болѣе сложныхъ знаній, въ особенности относительно не очевиднаго, относительно скрытыхъ причинъ, силъ, субстанціи, духовъ можетъ ошибаться и „общечеловѣческій смыслъ“, или consensus gentium. 7) Остается единственнымъ, безусловно надежнымъ и первоначальнымъ критеріемъ истины—согласіе познанія съ дѣйствительностью. Этотъ критерій въ различныхъ формулировкахъ признаетъ подавляющее большинство философовъ<sup>1)</sup>.

Не признаютъ этого критерія скептики, кантіанцы и приверженцы субъективнаго идеализма во всѣхъ его разновидностяхъ и наименованіяхъ. Объясняется это тѣмъ, что самая дѣйствительность или реальное бытіе ими или не признается за нѣчто самостоятельное, не зависящее отъ познающаго духа, или же, что самыя вещи-то („вещи въ себѣ“ Канта) въ этой дѣйствительности считаются непознаваемыми. Тогда, разумѣется, не можетъ быть рѣчи и о соотвѣтствіи или о согласіи нашего познанія съ вещами и отношеніями этой дѣйствительности. Чтобы избѣгнуть этого противорѣчія, нѣкоторые философы, находящіеся подъ вліяніемъ кантизма, но не желающіе окончательно порвать связь со здравымъ смысломъ и изслѣдованіями эмпириче-

<sup>1)</sup> Главнѣйшіе изъ нихъ: *Аристотель* (Metaphys. IV. 6, 1011 и V. 29, 1024), *Эпикуръ*, *Бл. Августинъ* (Soliloquium II. 5), *Томас Аквинатъ*. (De veritate I. 2), *Спиноза* (Ethica, I propos. XXX), *Гассенди* (Philos. Epic. synt. I. 1), *Локкъ* (Essae IV. ch. 5 § 2), *Лейбницъ* (Nouv. Ess. IV, chap. 5, § 12), *Шеллингъ* (Sämtl. Werke, 1856, I, 6, S. 497), *Шлейермахеръ*, *Тренделенбургъ*, *Шопенгауэръ* (Welt als Wille u. Vorstellung, II cap. 9). Между англичанами: *Гамильтонъ* (Lect. IV, XXVII) *А. Бэнъ* (Logic I. 22), *Селли* (Sully, Handb. d. Psych. 1898 S. 279). Между современными нѣмецкими филосогами: *И. Бергманъ* (Grundprobl. d. Logik, 2 Aufl. 1895. S. 96), *Корнелиусъ* (Einl. in die Philos. 1903, S. 282), *Ерузалемъ* (W. Jerusalem, Einl. in die Philos... 3 Aufl. S. 95), *Гуссерль* (Husserl, Log. Untersuch. 1900—01, II. S. 594,) и другіе.

скихъ наукъ, прибѣгаютъ къ разнымъ описательнымъ оборотамъ и оговоркамъ, лишь бы примирить этотъ критерій съ учениемъ Канта о непознаваемости „вещей въ себѣ“. Такъ, Гуссерль опредѣляетъ истину, какъ „полное согласіе между высказаннымъ мнѣніемъ и даннымъ переживаніемъ, какъ таковымъ“<sup>1)</sup>. Въ другомъ мѣстѣ онъ ту же мысль формулируетъ такъ: „переживаніе согласія между мнѣніемъ и даннымъ (фактомъ), переживаемымъ, о которомъ высказывается мнѣніе,—между переживаемымъ смысломъ изреченія и переживаемымъ положеніемъ вещи (Sachverhalt) есть очевидность, а идея этого согласія есть истина“<sup>2)</sup>. Въ этихъ цитатахъ заключается истина только въ томъ случаѣ, если подъ „даннымъ переживаніемъ“ и „переживаемымъ положеніемъ вещи“ разумѣть познаваемую дѣйствительность, или точнѣе,—фактъ этой дѣйствительности,—все равно, относится ли таковой къ внѣшнему или ко внутреннему опыту, т. е. къ фактамъ душевной жизни.

8) *Сократомъ* и его школой было выставлено, какъ особый критерій истины—общее понятіе (и соотвѣтствіе его опредѣленію). Этотъ критерій наряду съ предыдущимъ признается и *Гуссерлемъ*. Несостоятельность этого критерія мы докажемъ въ слѣдующей главѣ, о понятіяхъ (§ 5).

### § 15. Что такое истина.

Разсматривая сравнительную цѣнность критеріевъ истины, мы убѣдились, что только соотвѣтствіе дѣйствительности есть непосредственный и самостоятельный ея критерій. Всѣ же остальные въ концѣ концовъ опираются на этотъ критерій или же на „непосредственную очевидность“, которою сопровождаются первичныя истины и матеріальные элементы познанія, т. е. ощущенія<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> *Husserl*, Log. Unters. II. S. 594. „Die Wahrheit ist... die volle Übereinstimmung zwischen Gemeintem und Gegebenen als solchem“.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стран. 190 „Das Erlebniss der Zusammenstimmung zwischen der Meinung und dem Gegenwärtigen, Erlebten, das sie meint, zwischen dem erlebten Sinn der Aussage und dem erlebten Sachverhalt ist die Evidenz, und die Idee dieser Zusammenstimmung die Wahrheit“.

<sup>3)</sup> Впрочемъ, и истинность аксіомъ подтверждается дѣйствительностью, напр., аксіомы, что „часть меньше цѣлаго“ и что „двѣ величины, порознь равныя третьей, равны и между собою“. Ихъ

Такимъ образомъ оказывается, что соотвѣтствіе дѣйствительности имѣется на лицо во всѣхъ истинахъ, относящихся къ познаваемой дѣйствительности. А познание чего-то недѣйствительнаго, несуществующаго представляетъ собою противорѣчіе, *contradictio in adjecto*. Познание, правда, можетъ относиться и къ мечтамъ, и къ вымысламъ чловѣческаго духа, но тогда эти вымыслы существуютъ, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи самого мечтателя и творца вымысловъ. Что познание можетъ относиться и къ духу, въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться.

Критерія соотвѣтствія дѣйствительности, какъ мы видѣли, по недоразумѣнію не признаютъ лишь немногіе философы, а именно тѣ, которые или не признаютъ такой дѣйствительности, не зависящей отъ познающаго духа, т. е. идеалисты всѣхъ наименованій, или же кантіанцы, которые не признаютъ познанія „вещей въ себѣ“; а дѣйствительность обычныхъ людей объявляютъ призрачной, почти цѣликомъ созданной самимъ познающимъ духомъ <sup>1)</sup>.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что познание только и стремится съ соотвѣтствію съ дѣйствительностью: иначе это будетъ не познание, а фантазированіе. Впрочемъ, и въ фантазированіи есть своя правда, и элементы самыхъ истинность подтверждается не только логической послѣдовательностью,—раскрытіемъ соотвѣтственныхъ понятій и законовъ мышленія, но и самой дѣйствительностью, т. е. непосредственными воспріятіями. Относит. сведенія послѣдней аксіомы къ закону тожества можно справиться въ моемъ учебникѣ логики, 2-е изд. § 20, стр. 50.

<sup>1)</sup> Какъ извѣстно, *Кантъ* въ своей Критикѣ чистаго разума не признаетъ въ дѣйствительности ничего, кромѣ какихъ-то загадочныхъ „вещей въ себѣ“ или „ноуменовъ“, которые навсегда остаются непознаваемыми. Пространство, время, причинность, субстанціальность, множественность, единство и т. д. все это не существуетъ въ дѣйствительности: все это—апріорныя формы духа, которыя духомъ вкладываются въ сырой матеріаль ощущеній, возбуждаемыхъ „вещами въ себѣ“. Но такъ какъ и по Канту эти вещи лишь „аффицируютъ“ наши органы чувствъ: то и „матерія познанія“ носитъ чисто субъективную окраску. Такимъ образомъ, и по Канту, все наше познание оказывается призрачнымъ: мы навсегда осуждены вращаться въ заколдованномъ кругу „явленій“, которыя не похожи на вещи реальнаго міра; а связь между явленіями оказывается исключительнымъ плодомъ духа, которому даже соотвѣтствія нѣтъ въ реальномъ мірѣ. Если это такъ, то откуда появилось у людей стремленіе къ истинѣ, ничѣмъ не удержимое? Почему же люди часто и заблуждаются?



фантастическихъ сказокъ все же соотвѣтствуютъ дѣйствительности: иначе, такія произведенія никому не были бы интересными. Вѣдь, многія чудеса нашихъ и даже арабскихъ сказокъ уже осуществлены нашей техникой. Итакъ мы приходимъ къ заключенію, что истина въ концѣ концовъ состоитъ въ соотвѣтствіи нашего знанія съ дѣйствительностью. А если это такъ, то имѣется столько истинъ, сколько истинныхъ сужденій, т. е. соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

Теперь остается открытымъ вопросъ, что такое „дѣйствительность“? Чтобы избѣгнуть противорѣчій, въ которыя запутываются кантіанцы, подъ дѣйствительностью нужно разумѣть то, что разумѣютъ люди положительной науки и всѣ люди со здравымъ смысломъ, т. е. все то, что одинаково всѣми нормальными людьми непосредственно воспринимается, т. е. предметы, перемѣны, отношенія—какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта. Въ одинаковости воспріятій и вообще познаній у разныхъ людей мы убѣждаемся на основаніи обмѣна мыслей; но самое единообразіе познанія у cadaго челоука предполагается изначально, а priori.

Слово „истина“ употребляется еще въ собирательномъ смыслѣ, какъ совокупность всѣхъ истинныхъ познаній. Иногда же говорятъ: „истина одна, а заблужденій много“. Въ послѣднемъ случаѣ подъ „одной истиной“ разумѣютъ, что только одно сужденіе съ тѣми же терминами можетъ быть истинно. Однако, эти выраженія „единая истина“ иными философами принимаются въ буквальномъ, смыслѣ. Такъ напр., изъ современныхъ философовъ *Уфхузъ* говоритъ: „нѣтъ единичныхъ истинъ, отдѣльно для себя существующихъ; всѣ истины связаны другъ съ другомъ тѣснѣйшимъ образомъ и образуютъ, такъ сказать, только одну истину“... „всѣ истины имѣютъ свое значеніе (*haben Geltung*—истинны), даже если онѣ еще не познаны никакимъ сознаніемъ, подчиненнымъ времени<sup>1)</sup>).

Такъ же понимаетъ истину и *Гуссерль*, говоря: „истина вѣчна или лучше, она—идея, и какъ таковая сверхвременна“<sup>2)</sup>. „Истинность присуща“ не преходящему явле-

<sup>1)</sup> *Uphues*. *Lur Krisis in der Logik*, 1903. S. 84

<sup>2)</sup> *Husserl*, *Log. Unters.* I. S. 128.

нiю познанiя, но тождественному его содержанию идеальной или общей сущности“<sup>1)</sup>. „Она — единица цѣнной истины (Geltungseinheit) въ безвременномъ царствѣ идей“<sup>2)</sup>. Отождествленiе истины съ идеей, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, не оправдывается основнымъ понятiемъ человѣческаго „познанiя“: такое возможно только въ познающемъ при наличности познаваемаго<sup>3)</sup>.

*Ис. Сав. Проданъ.*

(Продолженiе будетъ).

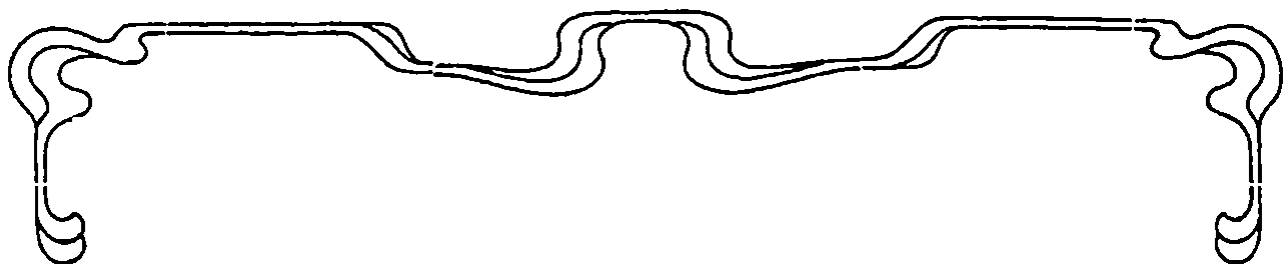


---

1) Тамъ же стран. 150.

2) Тамъ же стран. 130.

3) Съ точки зрѣнiя метафизики цитированныхъ авторовъ не можетъ быть сомнѣнiя, что всѣ истины, познаваемыя человекомъ, раньше были извѣстны вѣчному разуму Творца вселенной. Но и въ Его разумѣ онѣ не составляли одной истины „въ царствѣ идей“. Впрочемъ, этотъ вопросъ не входитъ въ задачу нашего изслѣдованiя.



## Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки \*).

Когда вспоминаются минувшіе годы дѣтства, то невольно приходитъ на память та свѣтлая, чистая вѣра, которая и согрѣвала душу и вдохновляла умъ. Изъ устъ матери, няни, изъ устъ близкихъ людей, а потомъ въ стѣнахъ начальной школы мы слышали о Богѣ, о его чудныхъ дѣлахъ. Мы довѣрчиво воспринимали все слышанное, хранили эти слова въ сердцѣ, а въ сознаниі какъ живыя вставали событія священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта...

Вотъ изъ хаоса и бездны вызываетъ Богъ къ бытію небо и землю, повелѣваетъ солнцу, лунѣ и звѣздамъ свѣтить на тверди.

Вотъ на землѣ отдѣляется вода и суша, образуются моря, океаны, рѣки и озера. Земля, какъ невѣста украшается зеленью и цвѣтами. По слову Того-же Бога воды закипѣли рыбами, воздухъ птицами, земля—животными. Наконецъ Богъ творитъ человѣка—одаряетъ его умомъ и волей.

Тогда дѣтское воображеніе живо рисовало себѣ райскую жизнь, и первый грѣхъ противъ Бога, и первыя бѣдствія на землѣ—ужасный трудъ, болѣзни, первое братоубійство и страшный потопъ, когда воды покрыли всю поверхность земли и погибло все живущее, что было внѣ Ноева ковчега.

Да, въ тѣ чистые годы мы безхитростно принимали, что раздѣлялись воды морскія для прохожденія избраннаго

---

\*) Настоящая статья въ сокращенномъ видѣ была предложена въ качествѣ публичной лекціи въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія (въ Москвѣ).

народа, что съ неба падала имъ манна, текла изъ каменныхъ скалъ вода, а огонь и львы не смѣли прикоснуться къ тремъ отрокамъ въ печи Вавилонской, потому что Богъ, за святую жизнь, хранить своихъ избранныхъ среди всѣхъ страданій и бѣдствій міра.

И можно до сихъ поръ наблюдать какъ жива въ дѣтяхъ вѣра въ чудеса.

Посмотрите, какъ они молятся идя въ школу. Какъ ходятъ они передъ экзаменами по святымъ мѣстамъ, цѣлуютъ усердно иконы, прикладываютъ свои головы къ нимъ, вѣря, что благодатная сила передается отъ святого, передъ образомъ котораго они молятся.

Но что-же бываетъ дальше? Проходятъ годы, изъ дѣтей всѣ люди дѣлаются взрослыми, вступаютъ въ жизнь, но какъ мало этихъ людей сохранили вѣру! Рѣдкій изъ насъ можетъ сказать, что онъ вѣритъ какъ дитя, что онъ, какъ въ дѣтствѣ, горячо и убѣжденно можетъ просить чуда, ждать помощи отъ Бога и святыхъ, когда приходится ему держать не экзаменъ въ школѣ, а выдерживать жестокія бури жизни, отвѣчать на ея запросы и суровыя незнающія снисхожденія требованія.

Хорошо тому, тепло на сердцѣ, кто вѣритъ что есть Высшее существо, есть Всемогущій Богъ и любвеобильные святые, которые могутъ помочь и утѣшить насъ.

Вотъ почему и Спаситель указываетъ на дѣтей, какъ на образецъ вѣры, котораго мы должны достигать.

Но рѣдко кому свѣтитъ эта вѣра, какъ путеводная звѣзда до конца его жизни. Большинство теряетъ это сокровище и, не вѣря въ чудную помощь свыше, часто оказывается въ положеніи пловца, у котораго оторвался руль, упали весла и онъ не можетъ удержаться среди теченія и несется волнами, самъ не зная куда: доплыветъ ли благополучно до берега, или сядетъ на мель, или разобьется, ударяясь о камни.

Нельзя сказать, чтобы эта вѣра въ Бога, вѣра въ Его чудеса, разбивалась и терялась нарочно. Нѣтъ, какъ многіе желали-бы вернуться къ этимъ чистымъ и святымъ восторгамъ души, къ этой надеждѣ на чудную помощь небесъ, но не всѣмъ дано это.

Обыкновенно, въ годы юности, когда сомнѣнія впервые

посѣщаютъ душу, когда человѣкъ начинаетъ не ясно и сознательно воспринимать жизнь, тогда-то, подобно прародителю Адаму, бываетъ искушеніе уму и вѣрѣ человѣка. Хочется понять смыслъ и значеніе всего чѣмъ владѣла доселѣ душа, хочется все взвѣсить и оцѣнить, понять, постигнуть, осязать, какъ Ѳома осязалъ язвы Христа Бога, и лишь тогда убѣдился въ Его воскресеніи.

Однако, не каждый человѣкъ имѣетъ счастливую волю и смиренное сердце, чтобы умѣть себѣ во время, сказать: остановись, не возмущайся противъ того, что выше силъ твоего разумѣнія; не отвергай многого, только потому, что оно непостижимо.

Въ большинствѣ же случаевъ человѣкъ слишкомъ большой просторъ даетъ разуму, его считаетъ единственнымъ судьей своихъ мыслей и убѣжденій, и отвергаетъ все, что не вмѣщается въ рамки, (часто очень узкія), этого разума, и часто говоритъ „взойду на небо, выше звѣздъ вознесу престолъ, взойду на высоты заоблачныя“. (Исаиѣ 14, 12—14).

Тутъ-то и начинается поворотъ отъ дѣтской чистой вѣры къ сомнѣнію, а потомъ и къ отрицанію всего сверхъестественнаго, что по самому понятію своему должно превышать природу нашего разума.

Человѣкъ не видитъ чудесъ библейскихъ, передъ нимъ, для его удостовѣренія, не разступаются волны морскія, ангелы не являются ему, и вотъ онъ начинаетъ сомнѣваться: „полно, такъ-ли все-это? было-ли это когда нибудь“?

Услужливые богословы черезъ-чуръ свободнаго направленія, сейчасъ-же говорятъ ему о теоріи мифовъ, по которой вся древняя исторія народовъ окружается священной тайной, украшается легендами и—получается какой-то красивый вѣнокъ чудесныхъ сказаній, гдѣ нерѣдко, простое явленіе возведено въ разрядъ чудныхъ и сверхъестественныхъ, а сами дѣйствовавшіе тогда люди возводятся на степень героевъ и полубоговъ, окружаются ореоломъ священнаго и мистическаго.

И вотъ, постепенно, разумъ, все подвергающій критической оцѣнкѣ, постепенно сдается и, одно за другимъ, бросаетъ свои вѣрованія. Сначала онъ отбрасываетъ все то чудесное въ своей религіи, что ему кажется болѣе непостижи-

мымъ и несогласнымъ съ его пониманіемъ, потомъ отлагаетъ и послѣднюю вѣру въ сверхъестественное, такъ какъ всѣ эти событія, бывшія когда-то, давнымъ давно, теперь, въ силу своей неповторяемости, не подлежащія провѣркѣ на опытѣ (экспериментамъ)—должны быть отвергнуты. Мало-ли было предрасудковъ и во что только ни вѣрили люди, пока ихъ интеллектъ (т. е. разумъ) не созрѣлъ и не развѣнчалъ этихъ кумировъ или въ простыхъ смертныхъ, или въ число фантастическихъ вымысловъ, или въ ничего не значущіе бездушные предметы.

Вѣдь чтили же люди камни, звѣрей, деревья и свѣтила небесныя! и всѣмъ имъ приписывали могущественную силу творить чудеса.

Такимъ образомъ библейскія чудеса, съ точки зрѣнія очень многихъ людей, попадаютъ въ число поэтическихъ и религіозныхъ вымысловъ и смѣшиваются въ одно съ фетишизмомъ, съ чудесами языческихъ религій и даже съ простыми суевѣріями. Для этихъ людей части св. мощей и ихъ покровы, освященная вода и призываніе святыхъ считаются заодно съ заклинаніями знахарокъ и ношеніемъ на шеѣ сургуча—отъ зубной боли и ладонки съ наговоренной травой. Чудеса и чудесное, вѣра въ сверхъестественное и вѣра въ несуществующее т. е. суевѣріе, для нихъ сливается въ одно какое-то туманное и неясное представленіе о чемъ-то фантастическомъ, что не имѣетъ для себя реальной почвы, а коренится и кое-какъ еще живетъ въ душѣ темнаго непросвѣщеннаго народа.

Въ такомъ воззрѣніи, къ сожалѣнію весьма не рѣдкомъ въ настоящее время, слышится огульное отрицаніе чудесъ и полное смѣшеніе понятій „чуда“ и чудеснаго.

Но при первомъ же внимательномъ взглядѣ на то и другое ясно выступаетъ ихъ глубокое внутреннее различіе.

Въ суевѣріяхъ—вѣрятъ въ какія то темныя, тайныя силы, неуловимыя и незримыя, но живущія въ природѣ и дѣйствующія въ ней. Эти тайныя силы до нѣкоторой степени матеріализованы, онѣ не внѣ природы, но скрыты въ ней, онѣ не раздѣльны отъ нея. Осушатъ озеро и уйдетъ изъ него водяной; вырубятъ лѣсъ и уходитъ лѣшій въ другія дебри и т. д. И все это суевѣріе имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, матеріальное счастье, земную жизнь.

Если въ Иванову ночь найдешь цвѣтокъ папоротника, то съ нимъ можно отыскать кладъ—золото и драгоцѣнности; если кто нибудь перейдетъ дорогу, то неудаченъ будетъ путь, не быть счастьемъ и т. д.

Какъ все это неизмѣримо далеко отъ вѣры въ чудеса! Развѣ можно напр. сравнить цвѣтеніе папоротника и библейское чудо горящей купины? Въ первомъ случаѣ, человѣкъ находитъ девьги, золото, необходимое для сытой, довольной жизни, а во второмъ—Богъ привлекаетъ вниманіе пророка Моисея горящимъ кустомъ для того, чтобы призвать его къ освобожденію избраннаго еврейскаго народа.

Когда напр. суевѣрный человѣкъ встрѣчаетъ переходящаго ему путь, или неприятное предзнаменованіе, онъ боится, что ему будетъ неудача на пути и онъ не достигнетъ того, зачѣмъ идетъ. А когда мы читаемъ, что Ангелъ Господень преградилъ дорогу Моисею и хотѣлъ убить его, за то что онъ везъ съ собою двухъ необрѣзанныхъ сыновей, мы видимъ что здѣсь постигла кара Божія того, черезъ котораго данъ будетъ законъ обрѣзанія цѣлому народу и Моисей, какъ нарушитель этого закона, который онъ долженъ былъ самъ первый хранить и исполнять, неминуемо подвергся наказанію свыше..

Итакъ, вѣру въ чудеса нельзя смѣшивать съ суевѣріями. Вѣра въ чудеса имѣетъ предметомъ дѣйствія Бога въ мірѣ, вполне достойныя Бога, т. е. возвышенныя и направленныя къ благимъ и прекраснымъ цѣлямъ, а суевѣріе надѣется на то, чего само не знаетъ хорошенько, и почитаетъ это невѣдомое ради цѣлей и благъ матеріальной жизни.

Такимъ образомъ, мы невольно сдѣлали выводъ, что истинные чудеса имѣютъ своимъ виновникомъ Бога: наша вѣра всякое чудо возводитъ къ этому источнику и ярко выражена въ Библии: „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, говорится въ псалмахъ, творяй чудеса единъ“. (Пс. 71, 18). „Славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо вовѣкъ милость Его“, „Того, который Одинъ творить чудеса великія; ибо во вѣкъ милость Его; (Пс. 135, 1—4): „Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ“, Ты еси Богъ, творяй чудеса“. (Пс. 76, 14—15); Яко велий еси Ты и творяй чудеса Единъ“. (Пс. 85, 10). И когда Никодимъ пришелъ ночью къ Іисусу Христу, то говоритъ Ему: „Равви, мы знаемъ что Ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо та-

кихъ чудесъ какія творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ". (Іоан. 3, 2).

Въ этомъ библейскомъ исповѣданіи ясно, какъ Божій день, выражается принципъ вѣры въ чудо. Истинныя чудеса творитъ только Одинъ Богъ или Самъ или черезъ того, кого Онъ избралъ и съ кѣмъ пребываетъ.

Итакъ вѣра въ чудеса основывается на вѣрѣ въ Бога. Кто вѣритъ въ бытіе Божіе, въ Бога Творца и Промыслителя о мірѣ, тотъ долженъ признать и дѣйствія этого Бога въ созданной имъ вселенной.

Вотъ почему почти всѣ богословы согласны въ одномъ пунктѣ, именно: они признаютъ, что Богъ дѣйствуетъ въ созданномъ Имъ мірѣ, и борются противъ двухъ теченій философской мысли: деизма и пантеизма.

По первому взгляду, Богъ, сотворивъ міръ, предоставилъ его собственнымъ законамъ и вселенная дѣйствуетъ самостоятельно, такъ что ни о какихъ чудесахъ и рѣчи быть не можетъ, потому что, если бы Богъ сталъ непосредственно дѣйствовать въ мірѣ, то нарушилъ бы, самимъ же Имъ установленный, чинъ природы.

Пантеизмъ же провозглашаетъ, что міръ есть раскрытіе божественной жизни. По самой природѣ своей Богъ, все совмѣщающій въ Себѣ, необходимо раскрываетъ свою собственную жизнь во вселенной, такъ что всѣ вещи происходятъ изъ божественной сущности. Какъ море всѣ волны заключаетъ въ себѣ, и каждая волна происходитъ изъ того же моря, въ морѣ рождается и въ море возвращается, такъ и всѣ вещи міра заключаются въ природѣ Божества, изъ нея онѣ раждаются и въ нее же возвращаются снова.

Такъ какъ по этому ученію, Богъ разлитъ своею сущностью всюду, вездѣ и во всемъ, то оно и получило названіе „пантеизмъ“ т. е. всебожіе.

Пантеизмъ такъ же отвергаетъ возможность какихъ то особыхъ „чудныхъ“ дѣлъ Божіихъ въ мірѣ, потому что и такъ все происходитъ изъ сущности Божества.

Противъ перваго мнѣнія возражаютъ, что странно было бы исключить Бога изъ міра и отвергать Его дѣйствія въ немъ. Міръ сталъ бы чѣмъ-то вродѣ машины, которую разъ завели и она ходитъ и дѣйствуетъ сама собою, а Богъ былъ бы похожъ на механика, который, окончивъ свое дѣло, сталъ



бы въ сторонкѣ и безучастно смотрѣлъ на свое произведе-  
ніе. Нѣтъ, если простой механизмъ и то нуждается въ по-  
правкахъ, такъ какъ все матеріальное ветшаетъ и разруша-  
ется, тѣмъ болѣе міръ, вызванный изъ ничтожества, сейчасъ-  
же разрушился бы и обратился бы въ ничто, если бы Богъ  
всесильный и вседѣятельный не поддерживалъ бы этой  
жизни. „Пошлешь духа Твоего, воспѣвалъ Псалмопѣвецъ, и  
созиждутся, и обновишь Ты лицо земли: отнимешь духъ  
ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся“ (Пс. 103).  
Изъять Бога изъ міра—все равно, что отнять душу изъ че-  
ловѣческаго организма, воздухъ и свѣтъ съ нашей планеты.  
Нѣтъ, если Богъ создалъ міръ изъ небытія, то все только  
черезъ Бога живетъ, движется и существуетъ, и только Онъ  
подаетъ жизнь и дыханіе и все.

Противъ пантеизма т. е. всебожія есть не менѣе вѣсскія  
доказательства. Если всѣ вещи міра суть раскрытіе вѣчной,  
всесовершенной сущности Божіей, то каждая эта вещь дол-  
жна обладать веѣми совершенствами. Но какъ согласить то,  
что всѣ вещи міра носятъ на себѣ печать ограниченности  
и несовершенства? Существованіе въ насъ всякихъ недостат-  
ковъ, а особенно зла, борьба души между добрыми и злыми  
склонностями, отсюда страданія и пороки—все это показы-  
ваетъ, что все существующее на землѣ, далеко не можетъ  
считаться раскрытіемъ сущности и природы Божества.

Всюду замѣтны аномаліи, уклоненія отъ должнаго по-  
рядка, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ, особенно, въ мірѣ  
души, въ сферѣ нравственности. Міръ, такимъ образомъ, не  
есть раскрытіе божественной сущности, но всегда нуждается  
въ присутствіи Бога. Если такъ, то Богъ, какъ Существо  
всесовершенное, любящее, въ силу своихъ совершенствъ  
правду и ненавидящее беззаконіе, можетъ исправлять эти  
уклоненія, слѣдовательно, вмѣшиваться въ жизнь міра и  
дѣйствовать въ немъ.

Итакъ отвергающіе чудеса, какъ деизмъ, такъ и пан-  
теизмъ, несогласные съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, оди-  
наково отвергаются богословами. Но опредѣленіе чудесъ у  
современныхъ богослововъ не одинаково, а иногда невольно  
чувствуется даже и неясность самаго выраженія. Возьмемъ  
самыхъ выдающихся нашихъ богослововъ. Такъ напр. проф.  
Глаголевъ опредѣляетъ чудо какъ фактъ, который не мо-

жетъ быть представленъ, какъ необходимое слѣдствіе существовавшихъ естественныхъ условій—(Богосл. Вѣстн. 1893 г. іюнь). Мысль вполне правильная. Хотя впрочемъ проф. не настаиваетъ на полнотѣ этого опредѣленія и съ нимъ можно согласиться, но желательна большая полнота мысли. Именно, здѣсь указывается только фактъ, но не упоминается источникъ этого факта.

Проф. Свѣтловъ даетъ опредѣленіе чуда полнѣе; онъ говоритъ: „чудо есть явленіе сверхъестественное, совершаемое не силами природы, но при посредствѣ силъ природы, отчасти намъ извѣстныхъ, отчасти неизвѣстныхъ, верховною Божественною Силою“<sup>1)</sup>.

Это опредѣленіе чуда полнѣе, но въ немъ, повидимому (хотя мы на этой мысли не настаиваемъ), отведено слишкомъ много мѣста для дѣятельности естественныхъ силъ природы въ чудесахъ. Выходитъ такъ, будто помимо естественныхъ силъ природы, (вѣдомыхъ намъ, или невѣдомыхъ), Богъ ничего не творитъ въ мірѣ, между тѣмъ какъ церковь исповѣдуетъ: „Идѣже хочетъ Богъ, побѣждается естества чинъ“ и что „Господь творитъ елика хочетъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, какія силы природы можно предположить для такого чуда, какъ безмужное, безсѣменное зачатіе Дѣвой Маріей Сына Божія—какую здѣсь можно предположить силу, кромѣ непосредственнаго дѣйствія Божія? „Дух. Св. найдетъ на Тя“, говорилъ Архангелъ св. Дѣвѣ, при благовѣщеніи, и сила Вышняго осѣнитъ Тя, тѣмже и рождаемое свято и наречется Сынъ Божій“.

Болѣе опредѣленное понятіе о чудѣ находимъ въ Апологетикѣ у проф. Рождественскаго.

„Чудо, пишетъ онъ, есть внѣшнее поразительное явленіе, имѣющее истинную причину свою внѣ естественныхъ силъ и законовъ природы, въ сверхъестественномъ дѣйствіи Божественнаго всемогущества и по своей цѣли въ отношеніи къ людямъ, способствующее достиженію ихъ религіозно нравственныхъ интересовъ“<sup>2)</sup>.

Это довольно полное опредѣленіе чуда, но къ сожалѣнію очень длинное.

<sup>1)</sup> Христіан. Вѣроученіе въ апологетич. изложен. т. 1-ый стр. 626, 620, 631, Кіевъ, 1910 г.

<sup>2)</sup> Рождественскій, Христіанск. Апологетика т. II-й Спб. 1893 г. стр. 152—152.

Католическій богословъ Uocant, также, въ *Dictionnaire Apologuetique la foi Catholique*—также опредѣляетъ чудо какъ фактъ, который не можетъ произойти по извѣстнымъ намъ законамъ природы и не можетъ быть приписанъ ни одной изъ сотворенныхъ силъ, а можетъ признать своимъ виновникомъ только Бога.

Протестантскій богословъ Johann Wedland (проф. богословія въ Базел'ѣ) въ своей книгѣ: *Der Wunderglaube in Christentum*<sup>1)</sup>, такъ опредѣляетъ понятіе объ абсолютномъ чудѣ: „Абсолютное чудо есть событіе, которое необъяснимо изъ лежащей внутри міра связи явленій, но происходитъ изъ непосредственнаго творческаго дѣйствія Божія“.

Нельзя отрицать, что въ каждомъ изъ указанныхъ опредѣленій чуда, есть своя доля истины, что всѣ они, такъ или иначе, указываютъ на сверхъестественный характеръ этихъ фактовъ. Но... тогда какъ одни очень кратки, другія очень длинны; одни стараются показать, что Богъ творитъ чудеса чрезъ силы природы, другіе—что Богъ дѣйствуетъ непосредственно.

Мы, оставивши эти философскіе термины, считаемъ за лучшее взять болѣе простое опредѣленіе чуда и насколько возможно наиболѣе близкое къ ученію о чудѣ, выраженному на страницахъ св. Писанія.

„Чудо есть проявленіе силы Божіей въ мірѣ духовномъ или вещественномъ“.

Какъ проявленіе силы Божіей—оно носитъ на себѣ слѣды событій сверхъестественныхъ, такъ какъ Богъ безмѣрно превышаетъ природу: какъ дѣла Бога всесвятого, чудеса должны быть запечатлѣны высочайшей святостью и служить къ цѣлямъ достойнымъ Бога, т. е. цѣлямъ высоконравственнымъ, спасенію міра и человѣчества. Какъ дѣйствія Бога, превосходящаго человѣка своей премудростью и могуществомъ,—эти проявленія силы Его дивны въ очахъ нашихъ—чудны, почему и названы чудесами.

Что понятіе чуда—какъ дѣйствія силы Господней ближе всего стоитъ къ истинному пониманію Христіанства, за то говоритъ самъ Новый Завѣтъ. „Въ одинъ день, читаемъ въ

<sup>1)</sup> Göttingen. 1910. См. также, Ludwig von Gerdtell, *Die urchristlichen Wunder vor dem Forum der modernen Weltanschauung*. Eilenburg. 1908.

Евангеліи св. Луки, „когда Онъ, (т. е. Іисусъ Христосъ), училъ, и сидѣли тутъ фарисеи и законоучители, пришедшіе изъ всѣхъ мѣстъ Галилеи и Іудеи и изъ Іерусалима, и сила Господня являлась въ исцѣленіи больныхъ“. (5, 17). „Къ Іисусу Христу, искали прикасаться, яко сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся“. (Лук. 6, 19). Другъ Іова Еліусъ, говорилъ Іову: стани и учайся силѣ Господни (Іов. 37. 14) по русски—стой и разумѣвай чудныя дѣла Божія.

Христосъ укорялъ за невѣріе Галилейскіе города, въ которыхъ было явлено наиболѣе силъ Его (Мѣ. 11, 20). „Горе тебѣ Харазинъ, горе тебѣ Виесаида, ибо, еслибы во Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленные въ васъ, то давно бы они во вретницѣ и пеплѣ покаялись“. Даръ чудотвореній Ап. Павелъ называетъ „дѣйствіемъ силъ“ (ἐνεργήματα δυνάμεων) даже самыя творимыя чудеса назыв. просто „силами“ (Кор. 10, 12, 28) впрочемъ Св. Писаніе высказывается, что эта сила исходящая отъ Бога: „О Бозѣ сотворимъ призваніе и Той уничтожитъ враги наша“ (Пс. 107, 14). (Подробное и прекрасное раскрытіе этого термина „сила“ (δύναμις) въ значеніи чудесъ находится у Herman'a Cremer'a въ его *Biblich—theologische Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität*)<sup>1)</sup>.

Эта вѣчно дѣйствующая сила Господня творитъ великія дѣла, которыя являются для насъ чудными и вызываютъ удивленіе. „Дивны дѣла Твои, и душа моя вполне сознаетъ это“, восклицалъ Псалмопѣвецъ (Пс. 13, 8, 14).

Но для Бога чудеса есть Его обычныя дѣйствія. Они чудны и непонятны для насъ, но для Всемогущаго Творца, для Него—они просто дѣла. Господь сказалъ, „да будетъ свѣтъ“—„и бысть свѣтъ“. „Той рече и быша, той повелѣ и создашася“. Всѣ чудеса Христа Спасителя, евангеліе называетъ просто—Его дѣлами. „Дѣла, говоритъ Христосъ, которыя далъ мнѣ Отецъ совершить Отецъ, пребывающій во мнѣ, Онъ творитъ дѣла“.

Вотъ отчего Жанъ Поль и сказалъ: „чудеса на землѣ—суть естественныя дѣйствія на небѣ“. Извѣстный изслѣдователь о чудесахъ Іисуса Христа, епископъ Тренчъ<sup>2)</sup>, также говоритъ: „ни мало не удивительно, что Тотъ, кто именуется

<sup>1)</sup> Sechste auflage. Gotha 1889. Wunder—δύναμις, s.s. 327—328.

<sup>2)</sup> Тренчъ (епископъ Дублинскій). Чудеса Господа нашего Іисуса Христа. Пер. Зиновьева. Москва, 1883 г.

Дивнымъ, творить чудеса (Іе. 2, 6), чудесно было бы только одно то, еслибъ Онъ ихъ не творилъ“. „Солнце въ небесномъ пространствѣ чудесно, но вовсе не удивительно, что оно, будучи солнцемъ, распространяетъ свѣтъ и теплоту“ (Гренчъ, стр. 7). Такъ, добавимъ мы, бытіе Бога для насъ чудно и дивно, но что Онъ, какъ Всесильный и Всемогуцій, совершаетъ дѣла, приводящія слабый умъ человѣка въ восторгъ и удивленіе—такъ эти чудеса поистинѣ только дѣла Божіи и было бы дѣйствительно непонятно, еслибы Онъ не творилъ ихъ. Необходимо далѣе указать еще на одинъ признакъ чудесъ, которыми они характеризуются въ Св. Писаніи. Иногда они называются—знаменіями—потому, что они для людей являются дѣйствительно признакомъ дѣйствія Божія, печатью могущества и близости къ Богу того лица, которое ихъ совершаетъ. Такъ напр., пророкъ Исаія приходитъ къ царю Ахазу и говоритъ ему: „не страшись и да не унываетъ сердце твое отъ разгорѣвшагося гнѣва Реуина царя Сирійскаго и Факея, царя Израильскаго... они умышляютъ противъ тебя зло... Но Господь Богъ такъ говоритъ: „это не состоится и не сбудется... Если вы не вѣрите, то потому что вы не удостовѣрены... Проси себѣ *знаменія* у Господа Бога Твоего, или въ глубинѣ или на высотѣ“ (Исаіи 7, 1—11).

На свои чудеса, какъ на признакъ своего высокаго достоинства, указывалъ Іисусъ Христосъ: „самыя дѣла сіи, Мною творимыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ Меня послалъ“ (Іоан. 5, 36).

Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ; а если творю, то когда не вѣрите Мнѣ вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣритъ, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ (Іоан. 10, 37—38). И Ап. Павелъ указывалъ также на совершенныя черезъ него чудеса, какъ на знаменіе своего Апостольства.

Но въ чемъ и какъ проявляется эта сила Божія, эти дѣла Его, являющіяся намъ знаменіемъ и чудомъ?

Прежде всего эти чудеса Божіи видимы всѣми нами въ явленіяхъ природы. Развѣ этотъ міръ, полный жизни, полный гармоніи, цѣлесообразности и красоты, не есть чудо? Но обратимся для этого лучше къ примѣрамъ.

Поднимите вашу голову къ небу, что вы видите? Эта ширь и безпредѣльный просторъ небесъ, это солнце, сіяю-

щее на тверди, эта луна обливающая землю серебристымъ свѣтомъ, а эти бесчисленные хоры звѣздъ и созвѣздій—развѣ это не чудо? Вотъ почему и сказалъ поэтъ:

„Въ часъ полночный, близъ потока  
Ты взгляни на небеса:  
Совершаются далеко  
Въ горнемъ мѣрѣ чудеса.  
Ночи вѣчныя лампы  
Невидимы въ блескъ дня,  
Строго ходятъ тамъ громады  
Негасимаго огня.  
Но впивайся въ нихъ очами—  
И увидишь, что вдали,  
За ближайшими звѣздами,  
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.  
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами  
Утомлятъ твой робкій взглядъ:  
Всѣ звѣздами, всѣ огнями  
Бездны синія горятъ“.

(Хомяковъ, стих. „Звѣзды“).

Но спустимся съ высотъ созерцанія неба и обратимъ наши глаза на землю и на окружающую насъ природу. Какъ она дивна! Горы, вершинами поднимающіяся за облака, гдѣ всегда лежитъ снѣгъ, и глубокія пропасти, которыя справедливо называются безднами. Источникъ и капельки росы, сверкающія, какъ брилліанты, при лучахъ солнца, и безбрежныя моря и океаны. И въ каждой капелькѣ воды своя жизнь, свое движеніе, свой особый мірокъ. Деревья и цвѣты, металлы и минералы, птицы и всѣ животныя и наконецъ человѣкъ, вѣнецъ твореній, одаренный разумомъ, благодаря которому онъ царствуетъ надъ природой и подчиняетъ себѣ ея стихійныя силы—развѣ все это не чудныя дѣла Божіи?

Но этого мало, посмотримъ, что говорятъ о природѣ люди науки. Передъ нами книга проф. Мечникова, извѣстнаго европейскаго ученаго и далеко не расположеннаго къ богословію. Въ своихъ „Этюдахъ о природѣ человѣка“ онъ излагаетъ извѣстный всякому, прочитавшему учебникъ ботаники, фактъ, что у цвѣтовъ и растеній есть свои, соотвѣтствующіе половые органы, для воспроизведенія себѣ подоб-

ныхъ. При этомъ у цвѣтовъ ванили и нѣк. другихъ орхидейныхъ породъ эти органы слишкомъ разобщены и не могутъ соединяться сами собою. Нужно посредство вѣтра или еще кого-нибудь, чтобы оплодотворяющая пыльца была перенесена съ мужского органа на другой, воспринимающій. Какъ-же это совершается? По истинѣ удивительнымъ образомъ. „Разнообразныя насѣкомыя, говоритъ Мечниковъ, какъ пчелы, осы, двукрылые жуки и множество бабочекъ посещаютъ орхидеи изъ-за ихъ цвѣточного сока, скопленнаго въ опредѣленныхъ частяхъ цвѣтка. Для того, чтобы проникнуть своими ротовыми органами во вмѣстилища сладкаго сока, насѣкомымъ приходится сначала коснуться верхней части цвѣтка, заключающей мужскіе элементы. При этомъ зерна пыльцы прикасаются къ тѣлу насѣкомаго посредствомъ слизистаго выдѣленія. При такихъ условіяхъ пыльца крѣпко пристаётъ къ хоботу бабочекъ, головѣ или какой-либо другой части тѣла, переносчиковъ пыльцы“. Значитъ тамъ, гдѣ повидимому невозможно самому по себѣ обойти растенію, тамъ выступаютъ вспомогательные дѣятели. При чемъ иногда бываетъ необходимо, чтобы насѣкомое какъ можно долѣе оставалось на цвѣткѣ, чтобы побольше набрать оплодотворяющей пыли и въ большемъ количествѣ передать ее на соотвѣтствующіе производительные органы. При этомъ бываетъ, что приманчивый сокъ цвѣтовъ помѣщается въ трудно достижимомъ резервуарѣ, такъ что насѣкомому нелегко приходится быть очень долго на цвѣткѣ. Установивъ эти факты, пишетъ Мечниковъ, Дарвинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „когда слизистое вещество требуетъ извѣстнаго времени для того, чтобы стать цементомъ, цвѣточный сокъ помѣщается такъ, что бабочки должны искать его болѣе продолжительное время; когда же слизь эта имѣетъ сразу такую-же клейкость какъ и въ послѣдствіи, цвѣточный сокъ легко доступенъ. Если такое двойное совпаденіе случайно, для растенія это счастливая случайность; если же оно не случайно,—а мнѣ кажется что иначе и быть не можетъ,—то какая во всемъ этомъ чудная гармонія“ (Мечниковъ, стр. 16—15).

Таково мнѣніе людей науки, фізіологовъ чистѣйшей воды и вовсе не апологетовъ чудесъ.

Но изъ всего сказаннаго, развѣ не видно сколько чудесъ Божіихъ въ мірѣ, и что Его никогда (хотя безмолвно) хвалить не перестануть „ни каждая былинка въ полѣ, ни въ небѣ каждая звѣзда“.

И невольно вспоминаются слова блаженнаго Августина: „чудеса, посредствомъ которыхъ Богъ направляетъ и руководить все твореніе и всѣ твари, такъ мало цѣнятся по причинѣ ихъ регулярности, что почти никто уже не обращаетъ вниманія на чудное и удивительное дѣйствіе Божіе въ какомъ угодно зернѣ сѣмени“ (Геты, стр. 104).

Для сознанія вѣрующаго человѣка дѣйствительно вся вселенная полна чудесъ Божіихъ. „Господь, по слову прор. Іереміи, наполняетъ небо и землю“ (Іер. 23, 24); содержитъ все словомъ силы Своей (Евр. 1, 3); въ Его рукѣ глубины земли и вершины горъ (Пс. 94, 4); царство Его всѣмъ обладаетъ (Пс. 102, 19). „Господи Боже мой! Ты дивно великъ, восклицаетъ псалмопѣвецъ. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ... дѣлаешь облака своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра... Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не поколеблется она въ вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ ты ее; сотворилъ луну для указанія временъ, солнце знаетъ свой западъ. Ты простираешь тьму и бываетъ ночь... Какъ многочисленны дѣла Твои Господи! Все содѣлалъ Ты премудро, земля полна произведеній Твоихъ“ (Пс. 103, 1—24).

На это возражаютъ, да вѣдь это обыкновенныя явленія природы, всегда видимыя нами, что же тутъ чудеснаго, что особеннаго? Поэтическое настроеніе пророковъ правда облекало эти явленія въ религіозно-восторженный покровъ, но все же это обычныя, хотя величественныя и дивныя явленія природы.

Въ такомъ случаѣ, пусть религіозные мечтатели видятъ въ нихъ дѣйствія могущественной силы Божества, но это нисколько не убѣждаетъ, чтобы всѣ остальные люди видѣли въ нихъ то-же нѣчто сверхъестественное. Исходя изъ такого желанія вложить сверхъестественный элементъ въ простыя событія міра—нельзя ли чудеса объяснить и естественнымъ путемъ, такъ что только въ религіозномъ міро-созерцаніи священныя писателей они превратились въ необыкновенныя дѣла Божіи.



Надо сказать что, дѣйствительно, во многихъ чудесахъ можно указать дѣйствіе естественныхъ силъ и законовъ природы. Такъ напр., при переходѣ евреями Чернаго моря говорится, что Господь „гналъ море сильнымъ восточнымъ вѣтромъ всю ночь и сдѣлалъ море сушею“ (Исх. 14, 21—22); превращеніе воды въ кровь, обильное появленіе жабъ, мухъ и саранчи—все это обычныя явленія въ Египтѣ. Самую густую, осязаемую тьму—объясняютъ самумомъ. Стояніе солнца, при Исусѣ Навинѣ, объясняютъ особенно разрѣженнымъ состояніемъ воздуха, благодаря которому мы видимъ свѣтила много выше того мѣста, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ и т. п.

Трудно, да и напрасно было бы отрицать участіе естественныхъ силъ природы въ библейскихъ чудесахъ. Но чуть только мы всмотримся внимательнѣе въ эти событія, какъ сейчасъ увидимъ въ нихъ сверхъестественный элементъ. Почему то или другое обстоятельство непременно случается въ опредѣленное нужное время?

Почему вѣтеръ раздѣляетъ воды моря именно въ тотъ моментъ, когда нужно было спастись израильтянамъ и выйти изъ гибельнаго положенія?

Почему страшныя бѣдствія обрушиваются на Египеть въ то время, когда Моисей и Ааронъ просили царя Фараона отпустить народъ Божій, а тотъ не соглашался? Почему солнце было видимо долго на горизонтѣ—когда Исусу Навину необходимъ былъ свѣтъ для окончанія битвы? и т. п.

Этотъ то цѣлесообразный (телеологическій) характеръ указанныхъ событій показываетъ, что они совершались въ то время, когда это было нужно для благихъ цѣлей, по большей части—ради спасенія избраннаго народа, отъ котораго долженъ былъ произойти Спаситель всего міра.

Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своихъ лекціяхъ по библейской исторіи, бывш. проф. Моск. Духовной Академіи, нынѣ Ростовскій Епископъ Іосифъ: „не отрицая, пишетъ онъ, дѣйствительнаго существованія аналогіи библейскихъ чудесъ Моисея съ естественными явленіями, свойственными долиинѣ Нила, мы однако не можемъ оставить безъ вниманія того, чѣмъ самъ описатель ихъ умѣлъ различать то и другое до такой степени, чтобы не смѣшивать эти двѣ разныя вещи и умѣть упоминать объ одной изъ нихъ при

другой. И вообще весь результатъ, къ какому способно приводить ближайшее сопоставленіе этихъ знаменій съ натуральными явленіями, ограничивается собственно сознаниемъ, что природа послужила лишь орудіемъ для чудесныхъ грозныхъ посѣщеній суда Божія надъ Египтомъ, будучи усилена въ своихъ грандіозныхъ проявленіяхъ до неестественной для естественныхъ явленій интензивности. Это конечно не ограничиваетъ и не ослабляетъ значенія дѣйствій Божественной силы, какъ сверхъестественной причины въ естественныхъ событіяхъ и не лишаетъ эти событія чудеснаго характера.

Самъ Моисей, въ одномъ случаѣ, именно въ повѣствованіи о 8-й казни, отмѣтилъ, что Господь восточнымъ вѣтромъ нанесъ саранчу на Египетъ и противнымъ западнымъ вѣтромъ снова отнесъ ее. И тамъ, гдѣ естественная сила, вспомоствуемая силой божественной, въ своемъ дѣйствіи заходила за естественные предѣлы присущей ей энергіи, событіе такъ же сверхъестественно и чудесно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ когда дѣйствуетъ одна сверхъестественная сила безъ посредства причинъ естественныхъ“.

Итакъ, можно признать, что есть чудеса, которыя совершаются при посредствѣ обыкновенныхъ силъ и законовъ природы.

Чудесное здѣсь заключается въ совпаденіи тѣхъ или иныхъ явленій природы съ высшими цѣлями Промысла, при чемъ сами эти естественные факторы дѣйствуютъ какъ-то особенно сильно, наталкивая на мысль самихъ невѣрующихъ, что здѣсь дѣйствуетъ Высшая Божественная сила, дѣйствуетъ именно съ извѣстными цѣлями и намѣреніями...

Вотъ почему св. Григорій Богословъ и пишетъ, что знаменія нужны „не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ“.

Но есть чудеса другого рода. Есть событія, въ которыхъ сила Божія выступаетъ настолько ярко, настолько очевидно, что сразу становится ясно, что это явленіе не могло быть произведено никакими извѣстными намъ силами природы. Чѣмъ на примѣръ объяснить низведеніе огня съ неба словомъ пророка Іліи? Чѣмъ объяснить, что три отрока остались невредимы въ печи Вавилонской? Какія силы природы дѣйствовали въ то время, когда по слову Христа—прозрѣвали слѣпороджденные, очищались прокаженные и даже воскресали разлагавшіеся мертвецы? Какъ объяснить, что пять

хлѣбовъ умножились до того, что насытили пять тысячъ человѣкъ; что по одному приказанію Господа, успокоилось бушующее море и засохла зеленая, покрытая листьями смоковница? Все это можно принять только тогда, когда мы признаемъ, что есть Богъ, живой и вѣчно-дѣйствующій. Онъ поражаетъ и исцѣляетъ, убиваетъ и оживляетъ, и, по истинѣ, для Него, какъ для Всемогущаго, нѣтъ ничего невозможнаго. Все, что творитъ Онъ и дивно, и прекрасно, и славно, и чудно. „Все, чудесно, говоритъ по этому поводу Тренчъ; сотворить человѣка есть по меньшей мѣрѣ столь же дивное дѣло, какъ и воскресить умершаго. Сѣмя, плодящееся въ землѣ, столь же дивно, какъ и хлѣбъ умножающійся въ рукахъ Господа. Чудо не болѣе проявляетъ могущество Божіе, какъ и другіе, обыкновенные процессы; но оно *отличается по способу обнаруженія*. Тѣ суть глаголь Божій всѣхъ временъ, всему міру великія непрерываемыя Его откровенія. „Ибо невидимое Его, вѣчная сила и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы“. (Римл. I, 20), (а) чудеса—это суть силы Божіи иныя, а не дѣйствующія постоянно, силы рѣдко, или еще никогда прежде не являвшіяся“. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно можно сказать, что это суть чудеса въ собственномъ смыслѣ слова т. е. изъ всѣхъ чудныхъ дѣлъ Божіихъ, къ которымъ мы привыкли вслѣдствіе того, что видимъ ихъ ежедневно (какъ напр. жизнь природы), это проявленіе силы Божіей особенно выдающіяся, рѣдко бывающія и потому кажущіяся намъ особенно чудными.

Блаж. Августинъ разсуждалъ по этому поводу такъ: „Въ плотскомъ человѣкѣ разумѣніе подчинено чувственному созерцанію. Люди тому вѣрятъ, что они обыкновенно видятъ, а чего обыкновенно не видятъ, не вѣрятъ. Болѣе чудесно ежедневное рожденіе на свѣтъ столь многихъ людей, которыхъ прежде не было, чѣмъ воскресеніе изъ мертвыхъ немногихъ—которые были, а между тѣмъ, эти чудеса отъ частаго повторенія перестали казаться чудесами“. (Тренчъ, стр. 9—10).

Правда и эти необыкновенныя явленія силы Божіей, эти поразительныя чудеса, невѣріе хочетъ облечь въ одежду обыкновенныхъ явленій. Говорятъ, что намъ далеко еще не извѣстны всѣ силы природы, толкуютъ о гипнотизмѣ, силѣ внушенія, силѣ вѣры, которая производитъ потрясеніе въ

организмъ и дѣйствуетъ на нервную систему, а равно и на сопряженныя съ ней болѣзни. Вотъ какъ рассуждаетъ по этому поводу извѣстный проф. Гарнакъ: „Законы природы непреложны; но силы, двигающія ихъ и стоящія во взаимодействіи съ другими силами, извѣстны намъ далеко не всѣ. И если мы недостаточно знаемъ о матеріальныхъ силахъ и объ аренахъ ихъ дѣйствій, то еще гораздо меньше намъ извѣстно о психическихъ силахъ. Мы видимъ, что сильная воля и убѣжденная вѣра воздѣйствуютъ и на плотскую жизнь и вызываютъ явленія, которыя намъ кажутся чудесами. Кто точно провелъ границу между возможнымъ и дѣйствительнымъ.

Никто. Кто можетъ указать предѣлы воздѣйствія духа на духъ и духа на плоть? Никто. Кто можетъ утверждать что все, представляющееся въ этой области необыкновеннымъ, не болѣе какъ обманъ и заблужденіе? Конечно чудесъ не существуетъ, но чудеснаго и необъяснимаго—достаточно. Зная это, мы будемъ болѣе осторожны и не такъ поспѣшны въ сужденіяхъ, когда передъ нами будутъ рассказы о чудесахъ давно минувшихъ дней. Правда, мы не вѣримъ и никогда уже болѣе не повѣримъ тому, что земля остановилась въ своемъ движеніи, будто ослица заговорила, будто по одному слову затихла буря на морѣ; но что хромые пошли, что глухіе стали слышать—этого мы уже не будемъ считать иллюзіей“. (Сущ. Христ. 19—20).

Что сказать противъ этого ученія о чудесахъ? Можно отразить этотъ ударъ, стоя на той же позиціи психологической проблемы, что и эти отрицатели. Они говорятъ что производить въ человѣкѣ чудеса его вѣра, его внутренняя психическая жизнь, необыкновенно сильныя движенія которой вліяютъ на тѣлесный организмъ. Пусть будетъ такъ. Пусть моя внутренняя вѣра творитъ чудеса. Но вѣдь нужно, чтобы кто-нибудь или что-нибудь возбудило во мнѣ эту вѣру и укрѣпило ее! Мы вѣруемъ въ Бога, но вѣдь нужно, чтобы что-нибудь убѣдило насъ въ Его бытіи и истинномъ Его дѣйствіи въ мірѣ и въ насъ. Мы вѣруемъ во Христа, но вѣримъ потому, что видимъ въ Немъ Единороднаго Сына Божія, Спасителя міра.

Мы вѣримъ въ Апостоловъ, мучениковъ, вѣримъ въ св. Николая, преп. Сергія, повѣрили и въ Серафима Саровскаго

—но вѣримъ потому что видимъ въ нихъ святость жизни, близость къ Богу, благодатное осѣненіе Духомъ Святымъ.

Мы вѣримъ въ ихъ мощи—но конечно потому, что это тѣла и кости святыхъ людей, въ своей жизни показавшихъ образецъ святости и добродѣтели. Вѣримъ въ силу креста Христова—но вѣримъ въ крестъ какъ орудіе страданій Христовыхъ, вѣримъ въ крестъ потому, что на крестѣ былъ распятъ Господь и обагрилъ его своею пречистою кровію. Вѣримъ въ частицы гроба Господня, въ части гробницъ святыхъ и въ остатки ихъ одеждъ, но вѣримъ потому, что эти предметы освятились прикосновеніемъ къ тѣлу Самого Господа или святыхъ Его. Вѣра должна имѣть достойный объектъ, который бы способенъ былъ не только возбудить ее, но и укрѣпить и оправдать.

Сами защитники этой психологической теоріи затрудняются объяснить такія чудеса, какъ укрощеніе бури, воскрешеніе мертвеца и т. п., такъ какъ здѣсь нѣтъ этой психической почвы, которая, по мнѣнію Гарнака и ему подобныхъ, особенно воспримчива и способна производить чудесныя явленія—именно отверстіе очей у слѣпыхъ, ушей у глухихъ, возвращеніе дѣятельности ногамъ у хромыхъ и т. п.

Чудеса, не имѣющія никакого отношенія къ психиіи человека, возможно объяснить только именно непосредственнымъ дѣйствіемъ силы Божіей въ мірѣ. Вотъ почему, нежелающіе признавать этого—совсѣмъ отвергаютъ подобныя чудеса, они упорно отворачиваются отъ тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, гдѣ записаны эти чудеса, какъ дѣйствительно случившіеся факты и твердятъ только одно: пусть эти чудеса совершились, пусть были и есть такіе факты, мы ихъ не признаемъ и признать не хотимъ и не можемъ. Почему-же? Потому, отвѣчаютъ они, что такія чудеса нарушаютъ законы природы, а этого допустить нельзя.

Перейдемъ къ этому возраженію и рассмотримъ его.

*Сергій Голощановъ.*

(Продолженіе будетъ).



# ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Марта

№ 5

1912 года.

---

Содержаніе. Епархіальныя извѣщенія.

---

## I.

### Епархіальныя извѣщенія.

#### 1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Возмѣстный діаконъ Казанской церкви с. Литовки, Зміевского уѣзда, *Павелъ Чебановъ*, согласно его прошенію, 6-го марта временно опредѣленъ на діаконское мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Уды, Харьковскаго уѣзда.

б) Мѣщанинъ *Иванъ Квитка*, согласно его прошенію, 29-го февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви с. Семикозовки, Старобѣльскаго уѣзда.

#### 2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священники церквей: Архангело-Михайловской—с. Шебелинки, Зміевского уѣзда, *Григорій Мураховскій*, и Казанской—с. Литовки, Зміевского уѣзда, *Аванасій Жуковъ*, согласно ихъ прошенію, 28 февраля перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

б) На священническое мѣсто при Николаевской церкви с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда, 29 февраля перемѣщенъ священникъ Покровской церкви с. Рязановки, Уфимскаго уѣзда и той же епархіи, *Іоаннъ Казинъ*.

в) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви с. Уды, Харьковскаго уѣзда, *Аванасій Огульковъ*, согласно его прошенію, 5 марта перемѣщенъ на діаконское мѣсто при Крестовоздвиженской (Мироносицкой) церкви гор. Харькова.

г) Псаломщикъ Воскресенской церкви с. Братеницы, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Заграфскій*, 3 марта перемѣщенъ на службу въ Екатеринославскую епархію.

д) Псаломщики церквей: Успенской—с. Гудимовки, Лебединскаго уѣзда, *Гавріилъ Клименко*, и Николаевской—с. Высокополья,

Валковскаго уѣзда, *Димитрій Наумовъ*, согласно ихъ прошенію, 6 марта перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

### 3) Объ увольненіи за штатъ.

Псаломщикъ Вознесенской церкви с. Семикозовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Гавріиль Царевскій*, согласно его прошенію, 29 февраля уволенъ за штатъ.

### 4) О смерти духовенства.

Священникъ Вознесенской церкви с. Савинцовъ, Изюмскаго уѣзда, *Георгій Чебановъ*, скоропостижно скончался 27 февраля.

### 5) Объ утвержденіи и увольненіи должностныхъ лицъ.

а) Протоіерей Вознесенской церкви г. Харькова *Даніиль Поповъ*, согласно его прошенію, 14-го февраля уволенъ отъ должности благочиннаго 1-го округа церквей гор. Харькова, а на его мѣсто того же числа назначенъ протоіерей Харьковскаго кафедральнаго Успенскаго собора *Владиміръ Александровъ*.

б) Крестьянинъ *Александръ Пелевинъ*, согласно его прошенію, 21 февраля уволенъ отъ должности церковнаго старосты Харьковской Свято-Духовской церкви.

### 6) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви с. Гавриловки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ старостою 18 февраля крестьянинъ *Максимъ Николенко*.

б) Къ церкви с. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, утвержденъ старостою 18 февраля крестьянинъ *Петръ Козыревъ*.

в) Къ церкви с. Каменки, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 18 февраля крестьянинъ *Іосифъ Овсянниковъ*.

г) Къ церкви с. Артемовки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ старостою 19 февраля крестьянинъ *Герасимъ Рудякъ*.

д) Къ церкви с. Заводы, того-же уѣзда, старостою утвержденъ 20 февраля крестьянинъ *Михаилъ Бѣлецкій*.

е) Къ церкви с. Бѣлаго Колодезя, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 24 февраля крестьянинъ *Симеонъ Стѣнга*.

ж) Къ церкви с. Нижней Писаревки, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 24 февраля крестьянинъ *Петръ Лементъ*.

з) Къ церкви с. Мартовой, того же уѣзда, утвержденъ старостою 24 февраля крестьянинъ *Іоаннъ Дюка*.

## 7) Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви с. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, *Викторъ Рубинскій*, 9 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Липецкаго двухкласснаго министерскаго училища.

б) Священникъ церкви с. Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, *Теодоръ Рыбаловъ*, 12 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Ново-Рябиновскаго начальнаго народнаго училища.

в) Священникъ Всѣхсвятской церкви с. Вировъ, Сумскаго уѣзда, *Викторъ Флоринскій*, 18 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Вировскаго двухкласснаго училища.

г) Священникъ церкви с. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Порфирій Улановъ*, 22 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Голубовскаго начальнаго народнаго училища.

д) Священникъ церкви с. Половинкиной, того-же уѣзда, *Симеонъ Павленко*, 22 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Половинкинскаго начальнаго народнаго училища.

е) Священникъ церкви с. Муратовой, того-же уѣзда, *Іаковъ Лыпскій*, 22 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Муратовскаго, Капитановскаго и Бобровскаго начальныхъ народныхъ училищъ.

ж) Священникъ церкви с. Бѣлявки, того-же уѣзда, *Василій Торанскій*, 22-го февраля утвержденъ въ должности законоучителя Бѣлевскаго начальнаго народнаго училища.

з) Священникъ церкви с. Рудовки, того-же уѣзда, *Іаковъ Любарскій*, 24 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Ново-Андреевскаго начальнаго народнаго училища.

и) Священникъ церкви сл. Нижней Покровки, того-же уѣзда, *Алексѣй Смирновъ*, 24 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Мариновскаго начальнаго народнаго училища.

і) Священникъ церкви сл. Ново-Астрахани, того-же уѣзда, *Николай Любарскій*, 25 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Ново-Астраханскаго перваго и Ново-Астраханскаго женскаго начальныхъ народныхъ училищъ.

к) Священникъ церкви с. Татаровки, того-же уѣзда, *Іаковъ Чалый*, 25 февраля утвержденъ въ должности законоучителя Татаровскаго начальнаго народнаго училища.

л) Священникъ церкви с. Даниловки, того-же уѣзда, *Григорій Кузнецовъ*, 25-го февраля утвержденъ въ должности законоучителя Даниловскаго начальнаго народнаго училища.



м) Священникъ церкви с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда, *Иоаннъ Толмачевъ*, 28 февраля утверждень въ должности I и II-го Колупаевскихъ народныхъ начальныхъ училищъ.

н) Священникъ церкви с. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, *Леонтій Жуковскій*, 28 февраля утверждень въ должности законоучителя Бѣлолуцкаго 3-го начальнаго народнаго училища.

### 8) Вакантныя мѣста.

#### а) Священническія:

При Петро-Павловской церкви с. Павловки, Староб. уѣзда.

#### б) Псаломщицкія:

При Воскресенской церкви с. Братеницы, Богодуховскаго уѣзда.

— Николаевской церкви с. Котовой, Волчанскаго уѣзда.

## II.

Содержаніе. Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. *Н. Л.*—Миссіонерскій листокъ. Христіанская суббота. *Миссіон.-Свящ. В. Димара.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи и совершеніе имъ литургіи, Преждеосвященныхъ Даровъ въ Семинарскомъ храмѣ.—Освященіе въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ кіотовъ и иконъ.—Иноепархіальный отдѣлъ. Памятникъ апостолу Японіи архіепископу Николаю.—Разныя извѣстія и замѣтки. Причины не вѣрія по данымъ религіозной анкеты.—Объявленія.

## Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, слѣдующаго содержанія\*):

*Ваше Высокопреосвященство!*

Будьте милостивы, прочтите это письмо до конца, внимайте и не сочтите его за дерзость, а за просьбу наболѣвшей души, которая не умѣетъ и не имѣетъ возможности высказать наболѣвшее душевное состояніе и желающая хоть

\*) Письмо это принадлежитъ одной православной прихожанки печатается нами по распоряженію Его Высокопреосвященства. Письмо желаетъ преподать нѣкоторые совѣты и предупрежденія мѣстному духовенству и его прихожанамъ, для возвышенія ихъ религіозной и церковной жизни. Желаніе само по себѣ похвальное. Жизнь тихая и безмятежная во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1. Тим. 2, 2)—есть

чѣмъ нибудь служить своей Церкви, хотя бы тѣмъ, что доведетъ это до Вашего высокаго вниманія и этимъ, быть можетъ, скажетъ что-нибудь неизвѣстное Вамъ.

Еще въ дѣтствѣ мнѣ приходилось часто слышать отъ такъ называемыхъ „передовыхъ“ людей, что у насъ, православныхъ, много придаютъ значенія обрядамъ, а не смыслу и содержанию религіи. Теперь же я сама, уже старуха, много пережила, перевидѣла и много испытала на себѣ; и вижу, что напротивъ у насъ самое необходимое—обряды, поддерживающіе вниманіе и заставляющіе насъ обращаться съ должнымъ уваженіемъ къ церкви; но они-то совсѣмъ намъ не прививаются и не объясняются въ дѣтствѣ (не приучаютъ къ нимъ), и это очень печально отражается на насъ. Наши законоучители въ младшихъ классахъ, прежде чѣмъ познакомить насъ съ Вѣтхимъ Завѣтомъ, должны бы научить насъ молиться и научить, какъ мы должны себя вести во время молитвы дома и въ церкви во время Богослуженія, и требовать отъ дѣтей строгаго исполненія преподаннаго ими. У насъ же, если родители не научатъ (а родители подъ часъ и сами не умѣютъ правильно прочесть молитвы), то мы не знаемъ, когда перекреститься и когда стать наколѣни, при какихъ молитвахъ обязательно колѣнопреклоненіе,—и поэтому часто приходится видѣть и возмущаться, какъ при обязательномъ колѣноприклоненіи (напр. въ день Св. Троицы) молящіеся стоятъ какъ истуканы среди Церкви, не понимая и не научившись въ дѣтствѣ своими законоучителями нашимъ обрядамъ, которые мы должны свято соблюдать.

Почему католики, лютеране—знаютъ, какъ и когда они должны войти или выйти въ церковь или изъ церкви, какъ выражать свое уваженіе къ св. церкви, какъ исполнять свои обряды. Тамъ требуется выраженіе благоговѣнія; а у насъ свобода: какъ хочешь, такъ и дѣлай и веди себя; и вотъ у насъ во время торжественной службы—громкое сморканье, гру-  
идеаль христіанской жизни и тѣмъ болѣе общецерковной. Но и при подобныхъ идеальныхъ желаніяхъ или стремленіяхъ надобно сохранять благоразумную осторожность и строгую объективность. Иначе легко можно впасть въ субъективизмъ и пессимизмъ, и этимъ смутить совѣсть вѣрующихъ, приводя въ уныніе и разумно трудящихся на нивѣ Христовой. На сколько предлагаемое письмо избѣгаетъ всѣхъ этихъ нежелательныхъ крайностей, объ этомъ предоставляемъ уже судить самимъ читателямъ.

*Ред.*

бое стучанье сапогами, какъ будто бы нельзя намъ, православнымъ, сдѣлать внушеніе, какъ ходить и держать себя въ церкви, когда можно выйти по необходимости изъ церкви и когда слѣдуетъ стоять (по возможности) до конца службы. Въ церковь приходятъ, можетъ быть, разъ въ недѣлю или мѣсяцъ и не могутъ выстоять до конца 1—1½ часа, а въ гости ходятъ же чуть не каждый день и сидятъ по нѣскольکو часовъ. Благодаря формальному отношенію нашихъ священниковъ къ своей паствѣ, мы и не стѣсняемся хлопать дверьми въ церкви, когда намъ хочется <sup>1)</sup>).

Наши „батюшки“ нынѣшняго развитія стѣсняются уже идти съ „молитвою“ передъ большими праздниками или на праздникахъ и сами отняли у настоящихъ христіанъ право приготовить болѣе торжественно къ празднованію праздниковъ (?), и этимъ они еще больше отдѣляются отъ своихъ прихожанъ, которыхъ они не могутъ знать, видя ихъ только изрѣдка въ церкви. Имѣютъ ли право эти батюшки уничтожать самовольно этотъ обычай? Нѣтъ, они должны его поддерживать; пусть ихъ не пріймутъ въ роскошныхъ домахъ, но они должны идти по лачугамъ и тамъ найти тѣхъ, которые будутъ рады принять ихъ и помолиться съ ними св. Кресту, а не то, что, благодаря отказу въ палатахъ, и сами эти батюшки отказываются отъ посѣщенія съ молитвой своихъ бѣдныхъ прихожанъ. Къ своему посѣщенію со св. Крестомъ и молитвою они должны приготовить всѣхъ своихъ прихожанъ въ ближайшіе къ праздникамъ дни своими объясненіями и наставленіями <sup>2)</sup>).

Насъ должны научить наши духовные отцы обращаться съ должнымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ св. Кресту, а намъ приходилось видѣть въ церквахъ, какъ сами священники обращаются со св. Крестомъ не такъ, какъ подобаетъ, а небрежно, какъ съ какою-то вещью. Въ одной изъ Харьковскихъ церквей, на примѣръ, одинъ священникъ, по окончаніи молебна, держалъ св. Крестъ, для прикладывающагося народа, не крѣпко въ рукахъ за нижній конецъ, а

<sup>1)</sup> Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ письмо \*падаетъ въ ошибочныя преувеличенія. *Ред.*

<sup>2)</sup> Хорошо было бы, если бы эти объясненія и наставленія не были перетолкованы въ дурную сторону и избавили священнослужителей отъ незаслуженныхъ униженій. *Ред.*

на пальцахъ обѣихъ рукъ, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ перекладины, и не противъ груди, а ниже. Во первыхъ, такое положеніе св. Креста—не подобающее Кресту; во вторыхъ, такимъ образомъ можно св. Крестъ выпустить изъ рукъ при малѣйшемъ толчкѣ кого-нибудь изъ народа, а въ третьихъ, священникъ не долженъ измѣнять по своему усмотрѣнію положеніе св. Креста во время службы (?); въ другой разъ этотъ же священникъ вмѣсто того, чтобы держать св. Крестъ въ рукахъ послѣ молебна для прикладыванія къ нему народа, счелъ лучшимъ положить его на столикъ, а самъ удалился въ алтарь и сталъ раздѣваться; этотъ же самый священникъ во время выниманія частицъ изъ просфоръ не самъ читаетъ имена поминаемыхъ, а заставляетъ читать прислуживающихъ ему въ алтарѣ учениковъ, что возмущаетъ какъ учениковъ, такъ и остальной народъ. (Почему?) Такъ можно заставить принимать участіе въ богослуженіи въ алтарѣ и сторожей церковныхъ! <sup>1)</sup>

Мнѣ извѣстенъ другой священникъ, который послѣ молебна, вмѣсто того, чтобы приучить солдатъ благоговѣнно подходить къ св. Кресту, оставлялъ ихъ стоять на своихъ мѣстахъ (вѣрно чтобы не портить строя) и самъ со св. Крестомъ подходилъ къ нимъ, ходилъ по рядамъ и подавалъ имъ св. Крестъ такъ скоро, что они не успѣвали перекреститься. Скажите, что это такое? Какое это отношеніе священниковъ къ св. Кресту? Вѣдь священникъ не можетъ и не смѣетъ такъ нарушать церковный порядокъ!

Многіе изъ батюшекъ высказываютъ, что имъ непріятно, когда имъ, послѣ благословенія, цѣлуютъ люди руку! Имъ противно это! И это батюшки! Что скрывается за этимъ, что они видятъ при этомъ въ людяхъ!—Такихъ примѣровъ много, и наше высшее духовное начальство въ это не вникаетъ, не обращаетъ вниманія, не наставляетъ, не собираетъ къ себѣ и не требуетъ отъ нашихъ пастырей, чтобы они научали строго и правильно относиться къ исполненію обрядовъ церковныхъ <sup>2)</sup>, и чтобы преподаватели Закона Божія

<sup>1)</sup> Входить въ алтарь и исполнять распоряженія священника могутъ и они. Ред.

<sup>2)</sup> Цѣлованіе руки священника есть выраженіе благодарности за благословеніе, а не церковный обрядъ. Ред.

научали бы дѣтей съ самыхъ младшихъ классовъ, какъ подобаетъ относиться къ церкви, и строго учили посѣщать церковъ и держать себя чинно и прилично, провѣряя въ ближайшій къ празднику день вопросами, кто былъ въ церкви и какое евангеліе читалось въ церкви.

Всѣ исповѣдывающіе какую нибудь религію научаются своими духовными учителями религіозной выдержкѣ, и никто не имѣетъ права поднимать на смѣхъ ихъ обряды; а у насъ тысячи проходятъ мимо церкви и не перекрестятся, потому что не знаютъ того, что они должны выразить, проходя мимо церкви, должное уваженіе ей; знаютъ же они, наученные житейскимъ правиламъ приличія, напр. поклониться при встрѣчѣ знакомому, не столкнуться съ нимъ,—а поклониться церкви, не толкаться въ церкви—этому видно насъ некому научить и некому потребовать исполненія этого ученія<sup>1)</sup>.

Обратите вниманіе на многое въ нашей церкви, дайте законоучителей надежныхъ, которымъ можно довѣрить дѣтскія души, а не такихъ, которые подрываютъ довѣріе къ высшей духовной власти и доказываютъ шаткость своихъ убѣжденій, которые и послѣ вразумленій остаются такими же, какими были прежде.

Въ нашемъ Харьковѣ такъ мало священниковъ, которые бы совершали церковную службу такъ, чтобы народъ шелъ въ церковъ съ удовольствіемъ, чтобы служба ихъ привлекала и тянула народъ, чтобы служеніе священника производило на насъ требуемое, нужное для насъ впечатлѣніе, и было „выразительно“. Слѣдовало бы внушить священнослужителямъ, чтобы они служили, гдѣ того требуетъ служба, торжественно, просительно и трогательно; чтобы пѣніе пѣвчихъ производило должное впечатлѣніе молитвъ, а не концертовъ, доставляющихъ удовольствіе слуху; а то теперь пѣвчіе или тянутъ за душу и наводятъ тоску, или священнослужитель спѣшитъ совершить священнослуженіе, чтобы отдѣлаться поскорѣе, производя этимъ впечатлѣніе неудовлетворяющее людей, идущихъ въ храмъ съ молитвою, за помощію, за утѣшеніемъ. Служба, отслуженная съ подобающимъ выраженіемъ, производитъ на людей сильное и по-

<sup>1)</sup> Признаемъ это преувеличеніемъ, хотя при наполненіи нашихъ мѣстныхъ храмовъ многочисленными молящимися невольныя столкновенія бываютъ возможны.

нятное впечатлѣніе; и именно такой службы Вы и должны требовать отъ каждаго священнослужителя, какъ священника, такъ и дьяконовъ, которые у насъ не выражаютъ мольбу нашу, а только стараются показать свой голосъ и „басятъ“ не разборчиво многія мѣста въ Богослуженіи, а когда читаютъ Евангеліе, то ни одного слова не поймешь<sup>1)</sup>).

Можно и должно приучить и народъ принимать участіе въ пѣніи нѣкоторыхъ молитвъ, приучая къ тому школьниковъ, школьницъ и вообще учащихъ съ малыхъ лѣтъ; такое общее пѣніе молитвъ сближаетъ христіанъ и дѣйствуетъ трогательно на молящихся, какъ это было, напр., на Соборной площади на Покровъ Пр. Богородицы послѣ молебна, когда по Вашему знаку зашѣла вся площадь—и у многихъ на глазахъ появились слезы и было важно тронуть душу человѣка; когда во время такого пѣнія не было возможности ни говорить, ни смѣяться, ни разглядывать „публики“ и чувствовался большой душевный подъемъ. Объ этомъ нужно позаботиться духовной власти. Достигнуть общаго пѣнія можно разъясненіемъ пѣвчихъ между народомъ во время службы. Выучился же русскій народъ пѣть нѣкоторыя молитвы и гимны такимъ образомъ.

Нужно позаботиться также и о томъ, чтобы законоучители научили, какъ нужно начинать и проводить праздники. Напримѣръ, много людей (особенно изъ такихъ, которые выросли безъ семьи, да и семьи проводятъ праздничное время разное) не знаютъ, какъ встрѣтить и проводить праздники Свѣтлаго Воскресенія Христова. Почему же священнику не научить этому свой народъ? Почему не объяснить, чтобы всѣ приготовились достойно встрѣтить и проводить его? Иные, напр., прійдя изъ церкви и перекрестившись, начинаютъ вкушать пасху, начиная съ вышивки, другіе откладываютъ разговоръ до утра и въ видѣ закуски при чаѣ совершаютъ разговоры. Почему священники не скажутъ, чтобы каждый христіанинъ постарался бы имѣть хотя маленькій кусочекъ просфоры на Свѣтлый праздникъ (нужно,

1) Ужели все это примѣнимо къ нашему Харьковскому духовенству? Безусловно нѣтъ! Всѣ подобныя сужденія впадаютъ, по нашему мнѣнію, въ напрасный пессимизмъ. Ихъ источникъ или модныя толстовскія заблужденія, или случайное личное неудовольствіе. Но это уже не сужденія, а психическій дальтонизмъ.

чтобы просфору раздавали послѣ обѣдни на Свѣтлый праздникъ) <sup>1)</sup> и, прійдя изъ церкви, помолившись (прочитавъ вслухъ „Отче нашъ“ и Христось Воскресе“), поздравивъ домашнихъ съ праздникомъ, раздѣлили бы этотъ кусочекъ между домашними, а тогда бы уже приступали къ разговѣнію, которое также должно бы обставляться празднично, т. е., чтобы всѣ садились за чисто накрытымъ столомъ, а не „какънибудь“, кто стоя, кто сидя, кто у окна, кто у стола, вообще какъ кому хочется. Мы видимъ изображеніе „Тайной Вечери“. Исусъ Христось со Своими учениками за столомъ,— и съ этого изображенія мы и должны брать примѣръ; для чегонибудь, должно же намъ служить примѣромъ изображеніе „Тайной Вечери“? Все это и многое другое нужно проводить священно-служителямъ въ жизнь народа своими частными, серьезными наставленіями, своими проповѣдями, и повторять это передъ каждымъ праздникомъ ежегодно. Именно они должны научить народъ, какъ должно проводить время передъ праздникомъ, какъ встрѣтить его и проводить, а не одни лишь „наши бабушки“ должны учить этому, которыхъ не всѣ и имѣютъ.

Въ особенности же должно обратить вниманіе на религиозное образованіе дѣвочекъ, которыя въ будущемъ проведутъ его въ свою семью; это очень важно для христіанства и грѣхъ относиться къ этому вопросу поверхностно.

Посмотрите, многія секты собираютъ свои собранія и научаютъ своихъ послѣдователей почти каждую недѣлю,— а у насъ—для насъ только и общенія съ церковью, что церковная служба; собраній же у насъ въ Харьковѣ—въ такомъ большомъ городѣ—много ли бываетъ <sup>2)</sup>; между тѣмъ какъ можно было бы въ нашихъ церквахъ устроить ихъ послѣ вечерни въ каждое Воскресенье. Пусть будетъ и не много народа въ собраніи, но въ общемъ это составитъ чтонибудь. Пора проснуться нашимъ духовнымъ руководителямъ, вѣдь Церковь въ опасности, и нужно приготовить и

<sup>1)</sup> Пасхальный артось раздается вѣрующимъ послѣ свѣтлаго праздника, а пасхальный хлѣбъ освящается обыкновенно предъ началомъ праздника. *Ред.*

<sup>2)</sup> И это тоже невѣрно: и у насъ,—въ нашихъ Харьковскихъ храмахъ—собраній и чтеній бываетъ очень достаточно, не говоря уже о церковномъ проповѣданіи Слова Божія. *Ред.*

укрѣпить „борцовъ“ за нее; нужно трудиться и работать и охранять своихъ овецъ, защитить ихъ отъ всякихъ пагубныхъ вліяній и козней, а не довольствоваться формальнымъ (sic!) служеніемъ Церкви. А будить и наставлять своихъ сопастырей долженъ каждый Преосвященный, не боясь нарушить свой „покой“,— вѣдь онъ призванъ не для того только, чтобы управлять, а чтобы и наставлять и защитить отъ разныхъ золъ души человѣческія, особенно въ наше трудное и опасное для христіанства время. Вѣдь у насъ на Руси почти всѣ Преосвященные—люди съ образованіемъ, поэтому съ нихъ много и спросится. Почему также у насъ нѣтъ такого обыкновенія, чтобы священники и діаконы приходскихъ церквей въ извѣстное время служили бы со своимъ епископомъ, и вотъ тогда бы видно было, какъ кто служить и какъ нужно исправить и направить такого служителя для пользы церковной службы; или почему епископы не посѣщаютъ „неожиданно“ церковныя службы и не прослушаютъ ее не изъ алтаря, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ церкви, чтобы и священнослужители не знали о его присутствіи въ храмѣ? Это все показываетъ „малый интересъ“ къ великому дѣлу постановки церковной службы нашими великими „Отцами“ <sup>1)</sup> (sic!).

Также слѣдовало бы, по возможности, чтобы полковые священники, священники приютовъ, тюремъ, пансіоновъ, законоучителя (гдѣ есть къ тому возможность) присутствовали при разговѣннѣи и встрѣчѣ праздниковъ среди своей паствы и научали бы ихъ порядку для наставленія другихъ, приучая всѣхъ къ исполненію порядка въ стѣнахъ учебныхъ, служебныхъ и воспитательныхъ заведеній.

Я припоминаю требованія начальства въ одномъ синематографѣ въ отношеніи къ публикѣ, и всѣ эти требованія исполнялись „публикой“.

Почему же у насъ не могутъ достигнуть порядка при мурованіи, при раздачѣ вербы и т. п. богослуженій: у насъ давка, шумъ, крикъ, шатаніе подсвѣчниковъ и аналоя съ

<sup>1)</sup> Да простятъ наши Архипастыри эти наивныя сужденія и учительныя совѣты вѣрующей души. Они возникаютъ изъ благожелательнаго чувства и въ тоже время изъ полнѣйшаго непониманія всей трудной, многосложной и многосторонней епископской дѣятельности, особенно въ наше время.



„образомъ“. Каждый священникъ въ своей церкви долженъ достигнуть должнаго порядка, иначе безпорядокъ ему слѣдуетъ поставить въ вину; а также ему слѣдуетъ требовать чистоты въ церкви, уничтоженія пыли во всѣхъ углахъ, запретить старостамъ звонить во время Богослуженія для зова прислужника или для какихъ нибудь другихъ надобностей. Также не должно собирающимъ пожертвованія въ церкви благодарить жертвователей словесно, т. е. громко,—они могутъ развѣ только наклонить голову въ знакъ благодарности, а не говорить словъ: „спаси Господи“ или „спасибо“,—это совсѣмъ не ихъ дѣло и не для нихъ приносится жертва; а между тѣмъ возгласы такихъ сборщиковъ нарушаютъ служеніе и настроеніе молящихся<sup>1)</sup>.

Прошу Ваше Преосвященство простить меня за выраженное.

Н. Л.

## МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

# ХРИСТИАНСКАЯ СУББОТА.

(Въ обличеніе субботаствующихъ сектантовъ).

*Никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или за какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе или субботу: это есть тѣнь будущаго, а тѣло во Христѣ (Колос. 2, 16—17).*

Какъ должно христіанину соблюдать заповѣди десято-словія (Исх. 20, 2—17)? по ветхозавѣтному ли?

И св. Апостоль Павелъ, и сравненіе обязанностей по десято-словію съ обязанностями по Евангелію на заданный вопросъ отвѣчаютъ одинаково отрицательно. „Онъ (Богъ) далъ намъ способность, говоритъ Апостоль, быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, а духа; потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ. Если же служеніе смертоноснымъ буквамъ, начертанное на камняхъ (Исх. 32, 15—16;

<sup>1)</sup> Насколько всѣ подобныя совѣты, предупрежденія и наставленія имѣютъ значеніе для нашихъ мѣстныхъ храмовъ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ и преимущественно нашему уважаемому духовенству.

Второз. 10, 1—5), было такъ славно... то не гораздо ли болѣе должно быть славно служеніе духа“ (2 Кор. 3, 6—8)? Изъ этихъ словъ ясно, и мы, вслѣдъ за Апостоломъ, считаемъ за истину, что надъ христіаниномъ не имѣетъ силы ветхая буква не только всего Моисеева закона, вообще, но и заповѣдей десятословія, въ частности. Пояснимъ на примѣрахъ. Исполняя первую заповѣдь—„И Господь, Богъ твой, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ Моимъ“—подзаконный іудей обязанъ былъ знать только единство Божіе, а потому и почитать и призывать Единого Бога. Нынѣ же безъ вѣры и почитанія Бога во Св. Троицѣ не возможно даже войти въ дверь Св. Церкви (Мр. 28, 19); но кто хочетъ быть христіаниномъ, тотъ долженъ вѣровать во Единого Бога Отца, и во Единого Господа нашего Иисуса Христа, и въ Духа Святаго, чтить и призывать Единого во Св. Троицѣ. „Сія есть жизнь вѣчная, говоритъ Господь, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа (Іоанн. 17, 3); Три свидѣтельствуютъ на небѣ—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, и сіи три суть едино“ (Іоан. 5, 7). Очевидно, что христіанину исполнять первую заповѣдь по ветхозавѣтному не возможно. Требованіе седьмой заповѣди—„не прелюбодѣйствуй“. Но для іудея имѣть одновременно двѣ и даже нѣсколько женъ, имѣть, кромѣ жены, наложницу прелюбодѣянiемъ не было (Второз. 21, 15; Исх. 21, 7—10; Второз. 21, 10—14; 25, 5—9; 22, 28—29; 2 Цар. 3, 2—5): по такому ли понятію о прелюбодѣянiи, какое было у ветхозавѣтныхъ, надлежитъ соблюдать седьмую заповѣдь и христіанину (1 Кор. 7, 1—2; Мр. 5, 27—28)? Но довольно примѣровъ: мысль, что послѣдователи Евангелія обязаны ходить въ заповѣдяхъ десятословія не по ветхозавѣтному, но примѣнительно къ понятіямъ новозавѣтнымъ (см. напр., Колос. 3, 5; Филип. 3, 19; 1 Іоан. 3, 15 и др.), кажется, достаточно ясна.

Перейдемъ къ четвертой заповѣди и, на основаніи слова Божія, уяснимъ вопросъ: какой день недѣли должно праздновать вѣрующему во Св. Евангеліе?

Какъ извѣстно, въ настоящее время въ лицѣ адвентистовъ и другихъ субботаствующихъ сектантовъ мы имѣемъ ярыхъ защитниковъ буквы заповѣди, а съ ней и іудейской

субботы седьмого дня. Предоставимъ первое слово имъ. При этомъ, во избѣжаніе нѣкоторыхъ напрасныхъ недоразумѣній, напомнимъ, что Св. Писаніе слово—суббота употребляетъ и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—въ приложеніи къ седьмому дню недѣли (Лев. 23, 3), и въ болѣе широкомъ—называя субботой каждый день недѣли, на который падаетъ праздникъ (Лев. 23, 32; Исх. 31, 13—15; Лев. 25, 4); такъ что, если будетъ доказано, что новый завѣтъ устанавливаетъ празднованіе не седьмого, а какого-либо другого дня недѣли, то этимъ четвертая заповѣдь не разрушается, а только въ качествѣ еженедѣльной субботы утверждается иной день.

### I.

Чѣмъ же защищаютъ адвентисты и ихъ единомышленники празднованіе еврейской субботы?

Всѣ они, въ общемъ, тянутъ одну и ту же, лишь на разные мотивы, пѣсенку: суббота, моль, установленіе, данное на всѣ времена,—такъ сказать, непрестающее, вѣчное. Взвѣсимъ, однако, насколько убѣдительны ихъ доводы.

Говорятъ:

1) Суббота дана всему человѣчеству, ибо она заповѣдана въ раю, внесена въ неизмѣнное на всѣ времена десятословіе, начертана перстами Самого неизмѣняемаго Бога и напоминаетъ о событіи, важномъ для всякаго времени (Быт. 2, 2—3; Исх. 20, 8—11; Второз. 10, 1—5; Исх. 20, 11).

Но о субботѣ въ раю сказано только слѣдующее: „И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмой отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ; и благословилъ Богъ седьмой день и освятилъ его, ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ (Быт. 2, 2—3). Изъ этого видно, что въ первую субботу почилъ Богъ, а не человѣкъ (кстати сказать, созданному наканунѣ седьмого дня человеку не послѣ чего было и почивать то), благословилъ и освятилъ день субботній только Богъ: гдѣ же здѣсь заповѣдь о празднованіи субботы человеку? Нѣтъ ея! и потому мы, вмѣстѣ со св. мученикомъ Іустиномъ и св. Иринеємъ Ліонскимъ, твердо заявляемъ: „Всѣ жившіе до Авраама праведники угодили Богу, не соблюдая субботы, и послѣ нихъ Авраамъ и всѣ потомки его до времени Моисея“ (Разговоръ

съ Трифономъ, гл. 19, стр. 163, изд. Преображенскаго); „Авраамъ безъ обрѣзанія и соблюденія субботы повѣрилъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность, и названъ другомъ Божиимъ“ (4 кн. св. Иринея, гл. 16, стр. по изд. Преображенскаго 355). Субботники же, говоря, что заповѣдь о субботѣ дана въ раю, впадаютъ въ противорѣчіе со Св. Писаніемъ, ибо слово Божіе устами св. Пророковъ Іезекіиля и Моисея и священника Ездры говоритъ, что заповѣдь о субботѣ дана лишь черезъ Моисея съ горы Синая народу Еврейскому и, именно, не предкамъ его, а тѣмъ самымъ, которые во время Синайскаго законодательства стояли у горы Хоривъ (Іез. 20, 10—12; ср. Исх. 31, 13—17; Неем. 9, 13—14; Второз. 5, 1—5. 12—15).

Заповѣдь о субботнемъ днѣ въ десятословіе дѣйстви-тельно включена, но, что десятословіе остается неизмѣннымъ и для новаго завѣта, это—неправда! Что касается буквы заповѣдей, то кто жъ изъ христіанъ станетъ читать, напр., первую заповѣдь такъ, какъ она изображена въ Синайскомъ законѣ: Я Господь, Богъ Твой, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ Моимъ (Исх. 20, 2—3)? Такъ могъ читать только еврей, предки котораго были у Египтянъ въ рабствѣ. Невозможно христіанину читать по-Синайски и вторую заповѣдь: „Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли; не поклоняйся имъ и не служи имъ, ибо Я Господь, Богъ Твой; Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцевъ до третьяго и четвертаго рода, ненавидящихъ Меня и творящихъ милость до тысячи родовъ любящимъ Меня, и соблюдающимъ заповѣди Мои“ (Исх. 20, 4—6). Ибо въ завѣтѣ новомъ, гдѣ каждому будетъ воздано по дѣламъ его (Мѣ, 16, 27), уже не должно говорить; „Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина“; но должно говорить: „Каждый умираетъ за свое собственное беззаконіе,—кто ѣсть кислый виноградъ, у того на зубахъ и оскомина“ (Іер. 31, 29—33; Іез. 18, 1—24). Итакъ, думать, что заповѣди десятословія неизмѣнны по своей буквѣ, повторяемъ, не справедливо. Да и можно ли, главное, вообще утверждать, что они остаются неизмѣнными, когда входящія въ составъ ихъ понятія въ

новомъ завѣтѣ подвержены, какъ доказано вначалѣ, существовавшему измѣненію?

Ссылка на то обстоятельство, что десять заповѣдей написаны перстами Самого Бога, для защитниковъ субботы ничуть не полезна и даже отдаетъ большой наивностью. Какъ будто перстами писалъ неизмѣняемый, а устами изрекалъ измѣняемый (Исх. 24, 12)? Измѣняетъ же Господь Свои опредѣленія и заповѣди по винѣ людской и немощности самихъ заповѣдей! Какъ Моисей заповѣдалъ, спрашивали Господа І. Христа, давать разводное письмо и разводиться съ женою? Онъ говоритъ имъ: „Моисей по жестокосердію вашему, позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; но Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ“ (Мѡ. 19, 7—9). И св. Павель говоритъ: „отмѣненіе прежде бывшей заповѣди бываетъ по причинѣ ея немощи и бесполезности“ (Евр. 7, 18; см. напр. Второз. 5, 2—3; Евр. 8, 6—7; Исх. 29, 9 и Евр. 7. 11—12; Лев. 7, 35—38 и Евр. 10, 8—9; Исх. 38, 1 и 5).

Суббота напоминаетъ всему человѣчеству о твореніи міра (Быт. 2, 1—3; Исх. 20, 11). Творимъ такую память и мы (простр. катех. изд. 1911 г., о четвертой заповѣди, стр. 91). Но эта память послѣ того, какъ міръ подвергся проклятію и тлѣнію, и тварь покорилась суетѣ, а мы въ немъ стенаемъ, эта память можетъ ли не омрачаться грустію, но быть радостію и празднованіемъ (Быт. 3, 16—19; Рим. 8, 19—23)? Наоборотъ, не стало ли потребностію благоразумія желать быть только странниками и пришельцами на землѣ, пламенно ожидать новаго неба и новой земли, жить лишь одной надеждой на будущее освобожденіе твари отъ рабства тлѣнію и свое усыновленіе (Евр. 11, 13; 1 Петр. 1, 17; 2 Петр. 3, 13; Римл. 8, 18. 21—23; Колос. 3, 4)? И что, если бы этой надежды впереди у насъ не было? если бъ вопли души „изведи изъ темницы душу мою“ оставались напраснымъ крикомъ? Тогда не слѣдовало ль бы посчитать самое наше бытіе тяжкимъ несчастіемъ? Но мы не столь несчастны: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ—оживемъ съ Нимъ и мы, и уже—не для бѣдствій, но для неизъяснимыхъ радостей! (1 Кор. 15, 19—22; 1 Кор. 2, 9). Вотъ гдѣ наша надежда, вотъ гдѣ начало нашихъ радостей! Вотъ празднованіе!

Итакъ, изъ разсмотрѣнныхъ нами четырехъ основаній субботниковъ для ихъ утвержденія, будто суббота дана всему человѣчеству, первое—все отъ начала и до конца ложно, второе построено на ложномъ понятіи о полной неизмѣняемости десятословія на всѣ времена, третье и четвертое—сами по себѣ вѣрны, но по своему содержанію не могутъ быть послылками для дѣлаемаго изъ нихъ заключенія. Такого достоинства перваго возраженія. Но послушаемъ еще!

2) Суббота, по словамъ пророка Исаи, должна праздноваться даже и на новомъ небѣ и на новой землѣ, т. е. по мнѣніямъ однихъ—въ вѣчности, а по мнѣніямъ другихъ, въ христіанской Церкви (Ис. 66, 22—23; 2 Петр. 3, 13).

Но о вѣчности намъ открыто: „Ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ, ни въ свѣтѣ солнечномъ; ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ“ (Откр. 21, 1. 23—25; 22, 5). Такимъ образомъ, вся вѣчность будетъ однимъ непрекращающимся днемъ: можно ли тамъ будетъ праздновать седьмой день? Можно ли будетъ даже считать дни? Ясно, что въ словахъ пр. Исаи—„изъ субботы въ субботу“, если и относить ихъ къ будущей жизни, можно видѣть лишь приспособительную къ слушателямъ своего времени рѣчь объ ожидающихъ насъ безконечныхъ служеніяхъ Богу и радостяхъ (Ис. 66, 22—23; Откр. 21, 24—26; 22, 2—5; Ис. 65, 18). Если же слова пророка относить ко временамъ новаго завѣта, то и въ этомъ случаѣ разумѣть ихъ въ смыслѣ указанія на празднованіе христіанами субботы седьмого дня невозможно, ибо невозможно толковать ихъ буквально. Пророкъ сказалъ: „Тогда изъ мѣсяца въ мѣсяць и изъ субботы въ субботу будетъ приходить всякая плоть предъ лице Мое на поклоненіе, говоритъ Господь“. Понимая эту рѣчь буквально, христіанинъ долженъ праздновать не только субботу, но и наступленіе каждаго мѣсяца, т. е. новомѣсячія (Числ. 28, 10—11; Псал. 80, 4), чего не дѣлаютъ и защитники субботы. Очевидно, что и при второмъ толкованіи слова Исаи надо понимать въ отношеніи къ христіанскимъ праздникамъ какъ приспособительныя къ слушателямъ—евреямъ (Захар. 14, 16).

3) Суббота называется въ Св. Писаніи вѣчной, слѣдовательно, обязательна и для христіанъ.

Да, скажемъ и отъ себя, называется вѣчной, но только

въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ такими же вѣчными установленіями объявлены и обрѣзаніе, и кровавыя жертвы, и Аароново священство (Быт. 17, 13; Лев. 7, 1—36; Исх. 29, 9): неужели поэтому и христіане должны все это соблюдать (Филип. 3, 2; Евр. 10, 1—6; 7, 12)? Нѣтъ! суббота была вѣчной, пока существовалъ ветхій заключенный съ Евреями завѣтъ—для ветхаго завѣта: „это знаменіе между мною и сынами израилевыми на вѣки, „говорить Господь (Исх. 31, 17).

4) Кто не соблюдаетъ субботы, сказано Богомъ, тотъ погибаетъ (Исх. 31, 14—15), значитъ, должны соблюдать ее и христіане.

Но, по словамъ же Господа, погибаетъ и тотъ, на комъ въ восьмой день по рожденію не совершено плотскаго обрѣзанія: „Необрѣзанный мужскаго пола, который не обрѣжетъ крайней плоти своей въ восьмой день, истребится душа та изъ народа своего“ (Быт. 17, 14); что же, начнемъ и мы обрѣзывать крайнюю плоть! Написано: „Проклятъ всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что въ книгѣ закона; „такъ, значитъ, возвратимся и мы подъ иго закона съ его жертвами, праздниками, священствомъ и всѣмъ прочимъ (Второз. 27, 26; Гал. 3, 10—11)? Да не будетъ! Очевидно, что за несоблюденіе субботы седьмого дня, какъ и другихъ Синайскихъ установленій, погибали подзаконные, но думать, что поэтому все это обязательно и для насъ—ошибка. „Гдѣ нѣтъ закона, нѣтъ и преступленія“ (Рим. 4, 15), а субботники и доселѣ не убѣдили насъ въ томъ, что суббота седьмого дня стала закономъ и для новаго завѣта!

5) Суббота не только нигдѣ не отмѣнена, но и подтверждена въ новомъ завѣтѣ ученіемъ и примѣрами.

А) Г. І. Христось училъ: „Не нарушить пришелъ я законъ, но исполнить“; и еще: „Если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей“ (Мѡ. 5, 17; Іоан. 15, 10). Такимъ образомъ, говорятъ, Христось училъ соблюдать заповѣди вообще,—значитъ и заповѣдь о субботѣ.

И здѣсь недоразумѣніе! Вѣдь, если, въ одномъ отношеніи, Г. І. Христось училъ исполнять законъ и заповѣди, то въ другомъ,—Онъ для того и пришелъ, чтобы заключить съ людьми завѣтъ новый, не такой, какой заключилъ съ Евреями, когда велъ ихъ изъ земли Египетской, упразднить законъ заповѣдей ученіемъ и освободить насъ отъ него

(Іерем. 31, 31—34; Евр. 8, 7—9; Еф. 2, 15; Рим. 7, 6). Какъ же сдѣлалъ Онъ и то и другое?—Духъ всего закона, или, другими словами, его существо подтвердилъ, а ветхую букву упразднилъ: „Онъ далъ намъ способность, объясняетъ это св. Павелъ, быть служителями новаго завѣта, не буквы, но духа, такъ что „нынѣ, умерши для закона, которымъ были связаны, мы освободились отъ него, чтобы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ“ (2 Кор. 3, 6; Рим. 7, 6; Еф. 2, 15). Конечно, скажемъ въ примѣненіе къ 4-й заповѣди, и у христіанъ должны быть, вообще, праздники и священныя времена, долженъ быть и еженедѣльно день, посвященный Богу,—это духъ заповѣди, но это еще не значитъ, что христіанинъ долженъ праздновать, именно, субботу еврейскую, бывшую тѣнью будущаго,—это буква заповѣди. (Колос. 2, 16—17). Въ томъ то суть, что Спаситель нигдѣ не училъ соблюдать 4-ую заповѣдь по ветхозавѣтному!

В) Въ словахъ—„Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою или въ субботу“—Спаситель предуказывалъ, говорятъ, на празднованіе христіанами субботы (Мѡ. 24, 20).

Но, во первыхъ, гдѣ же здѣсь рѣчь о празднованіи? А, во вторыхъ, при такомъ пониманіи словъ Христа, выходитъ, что Онъ училъ праздновать не только субботу, но и зиму! Подлинный же смыслъ ихъ таковъ. За невѣріе во Христа постигнетъ Іудею и главный ея городъ Іерусалимъ столь страшная и быстрая кара Божія, что отъ гибели можно будетъ спастись только своевременнымъ быстрымъ бѣгствомъ, и потому всякое замедленіе, отъ чего бы оно ни происходило—отъ желанія ли захватить съ собой что нибудь изъ дома, отъ беременности ли, отъ дурного ли пути, или, наконецъ, отъ того, что ворота города, субботы ради, будутъ закрыты—всякое замедленіе грозило гибелью (Мѡ. 24, 1—2, 16, 20; Неем. 13, 19; Іерем. 17, 21—27). Милосердый Господь, во избѣжаніе этой гибели, и совѣтуетъ вѣрующимъ тѣ причины для замедленія, которыя всецѣло будутъ зависѣть отъ нихъ, устранять, а о прочихъ молиться, да избавитъ отъ нихъ Господь.

С) Апостолъ Павелъ прямо учитъ: „Для народа Божія еще остается субботство“ (Евр. 4, 9), значитъ, говорятъ, и христіане должны праздновать субботу.

О какомъ же, въ самомъ дѣлѣ, субботствѣ говорить.



апостоль? О седьмомъ днѣ? Но два указанныя въ этой рѣчи признака субботства не позволяютъ этого: первый—остающагося для народа Божія субботства при Иисусѣ Навинѣ не было, и Давидъ о немъ только предсказывалъ, а между тѣмъ, празднованіе седьмого дня давно уже было установлено (Евр. 4, 79; ср. Исх. 20, 8—19); второй—упомянувъ о седьмомъ днѣ, апостоль представляетъ св. царя Давида пророчествующимъ не о немъ же, но о нѣкоторомъ другомъ днѣ (Евр. 4, 4—9). Итакъ, безъ сомнѣнія, въ разбираемыхъ нами словахъ апостола нѣтъ ученія о соблюденіи христіанами еврейской субботы, какъ это видится противникамъ Евангельской истины. Не о томъ ли здѣсь, скорѣе, говорится покоѣ, надеждой на который жили ветхозавѣтные праведники, живутъ и теперь лучшіе христіане, но мѣсто которому тамъ—въ лучшемъ мірѣ (Евр. 11, 8—10. 13—16. 36—40; 4, 10—11; Откр. 21, 4; 1 Кор. 2, 9)? Но увы! ожесточеннымъ ропотникамъ, и ослушникамъ Церкви какъ подзаконной, такъ и христіанской, нѣтъ въ немъ мѣста (Евр. 3, 4—15)!

Д) Иисусъ Христосъ, говорятъ, имѣлъ обыкновеніе по субботамъ ходить въ синагогу и такимъ образомъ, да и вообще, чтить субботу (Лук. 4, 16),—значить, должны праздновать ее и христіане.

Но мы напомнимъ еще и то, что Спаситель нашъ чтить ветхозавѣтную пасху, праздники кущей, обновленіе храма и, вообще, праздники іудейскіе (Лук. 2, 41—42; 22, 7—8; Іоан. 2, 14; 5, 1; 7, 2—10; 10, 22—23): почему же ярые защитники ветхозавѣтныхъ тѣней не учатъ насъ на этомъ основаніи закалывать ягненка, ѣсть „мацу“, строить кучки и прочему, тому подобному? Нѣтъ! Въ этомъ случаѣ безразсудно примѣръ Спасителя нашего, подчинявшагося всему ветхому обрядовому закону для того, чтобы искупить подзаконныхъ, возводитъ въ правило для умершихъ этому закону христіанъ (Гал. 4, 4—5; Рим. 7, 4; 1 Кор. 5, 7—8).

Е) Благочестивыя послѣдовательницы Христа, жены Мироносицы послѣ его погребенія „въ субботу остались въ покоѣ по заповѣди“. Это, говорятъ, и для насъ примѣръ, какъ надо соблюдать четвертую заповѣдь (Лук. 23, 56).

Вовсе нѣтъ! Примѣръ, какъ имѣвшій мѣсто до событія Свѣтлаго Воскресенія Христова, не пришедшей вѣрѣ (Лук. 23, 56 и 24, 1—7; 24, 13—27; Марк. 16, 6—8. 11. 13—14; Іоан.

20, 8—9, 25), не для насъ: это было со стороны послѣдователей Христа, еще не освобожденныхъ отъ закона, такъ сказать, послѣдняя законная дань ветхой буквѣ заповѣди; но мы свободны отъ нея (2 Кор. 3, 7—8; Колос. 2, 16—17).

Г) Апостоль Павелъ, продолжаютъ, праздновалъ субботу, или каждый разъ въ этотъ день посѣщалъ синагогу (напр., Дѣян. 18, 4). Такой логикѣ мы удивляемся. Не слѣдуетъ ли думать обратное: разъ св. Павелъ каждую субботу ходилъ въ синагогу, то это и значить, что онъ не праздновалъ ея? Вѣдь, если бы суббота стала праздникомъ и у христіанъ, то она была бы у нихъ потому самому и днемъ молитвенныхъ собраній; но тогда въ синагогѣ-ли съ іудеями или въ церкви христіанъ надлежало бывать апостолу каждую субботу (Лев. 23, 1—3; 1 Кор. 5, 4; Евр. 10, 25; Дѣян. 18, 14. 42; 17, 1—2; 18, 4)? Ходилъ же Павелъ по субботамъ въ синагоги для того, чтобы, пользуясь молитвенными собраніями іудеевъ, благовѣствовать имъ пришедшаго Христа (Дѣян. 13, 14—39, 46; 17, 1—3; 18, 4—6).

Г) Ссылаясь на 3-й и 4-й стихи 18 главы кн. Дѣяній св. апостоловъ, субботники говорятъ: Павелъ только по субботамъ не занимался рукодѣліемъ, а остальные дни, значить и въ воскресный работалъ, т. е. субботу праздновалъ, а воскресенія нѣтъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся либо съ намѣреннымъ лукавствомъ субботниковъ, либо съ болѣзненнымъ отъ упорства истинѣ ихъ воображеніемъ. Указанное мѣсто въ кн. Дѣяній читается такъ: „По одинаковости ремесла (Павелъ) остался у нихъ (у Акилы и Прискиллы) и работалъ, ибо ремесломъ ихъ было дѣланіе палатокъ; во всякую же субботу онъ говорилъ въ синагогѣ и убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ“. Гдѣ же здѣсь, во первыхъ, рѣчь о томъ, что Апостоль работалъ каждый день? Нѣтъ ея на строкѣ; да и подразумѣвать ее было бы противно здоровой логикѣ, такъ какъ изъ того, что Акила и Прискилла занимались одинаковымъ съ Апостоломъ рукодѣліемъ съ необходимостью вытекаетъ только то, почему св. Павелъ поселился и работалъ для своего пропитанія у этихъ христіанъ, о чемъ и говоритъ дѣеписатель (1 Кор. 16, 19; 1 Кор. 4, 12; Дѣян. 20, 34; 18, 1—3), но никакъ не можетъ вытекать заключенія, будто онъ работалъ каждый день. Во-вторыхъ, какъ уже объявлено раньше, учить по суббо-

тамъ въ синагогахъ вовсе не означаетъ празднованія субботы; да и могъ ли праздновать съ Иудеями и Еллинами тотъ, кто училъ другихъ—„какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ“ (2 Кор. 6, 15)? Въ разбираемомъ текстѣ 18-й главы кн. Дѣяній, очевидно, рассказывается о томъ, у кого и почему проживалъ св. ап. Павелъ во время проповѣди въ Коринѣѣ, какъ онъ исполнялъ свой главный долгъ благоустроенія Иудеямъ и Еллинамъ (Рим. 1, 14—15; 1 Кор. 1, 17), и ничего болѣе.

Такимъ образомъ, утвержденіе субботниковъ, что суббота подтверждена новозавѣтными ученіями и примѣрами, не имѣетъ подъ собою никакой почвы.

б) Субботники, не смотря на это, продолжаютъ возражать, говоря: празднованіе воскреснаго дня началось со времени Императора Константина Великаго.

Но это—неправда, противорѣчащая и св. Писанію, и св. Преданію! Уже при Апостолахъ днемъ обычныхъ молитвенныхъ собраній и милостыни былъ первый день недѣли, а выраженіе—день воскресный стало настолько общезвѣстнымъ у христіанъ, что употреблялось безъ поясненій (Дѣян. 20, 7; 1 Кор. 16, 1—2; Откр. 1, 10). Апостоль Варнава, спутникъ ап. Павла (Дѣян. 13, 2), пишетъ: „Мы празднуемъ восьмой день въ радости, потому что въ этотъ день воскресъ Христосъ“ (Посланіе, 15 глава). „Мы не празднуемъ больше субботы, замѣчаетъ въ началѣ второго вѣка въ своемъ посланіи къ Магnezіанамъ священномученикъ Игнатій Богоносецъ, но живемъ жизнью Господа, потому что въ Немъ и наша жизнь“ (гл. 9, 10). Около половины второго вѣка св. мученикъ Іустинъ—философъ, защищая христіанство, въ поданной императору Антонину I апологіи говоритъ: „Въ день солнца мы всѣ, вообще, дѣлаемъ собраніе потому, что это есть первый день, въ который Богъ, измѣнивши мракъ и вещество, сотворилъ міръ, и Іисусъ Христосъ, Спаситель ящѣ, въ тотъ же день воскресъ изъ мертвыхъ“ (гл. 67). У Тертуліана, на рубежѣ второго и третьяго вѣковъ, въ сочиненіи „Апологетъ“ находимъ заявленіе: „Если мы празднуемъ воскресеніе, то мы дѣлаемъ это по совѣмъ иной причинѣ, а не ради почитанія солнца“. Священномученикъ Петръ Александрійскій, пріавшій смерть въ 311 году, пишетъ: Воскресный день проводимъ яко день радости, ради Воскресшаго въ оный“ (Кн. Прав. Св. Апост., соборовъ и

Св. Отець, 288). Очевидно, что Церковь своимъ всеобщимъ празднованіемъ воскреснаго дня ничуть не обязана Императору Константину Велікому, царствовавшему лишь съ 313 по 337 годъ. Правда, послѣдній, какъ Императоръ-христіанинъ по своимъ убѣжденіямъ, ограждалъ, вообще, св. Церковь и ея установленія отъ сильнаго въ ту пору язычества, ограждалъ, конечно, и святость воскреснаго дня отъ нарушенія и оскорбленія его со стороны язычниковъ; но разумно ли дѣлать отсюда заключеніе, что и самое празднованіе воскреснаго дня установилъ Константинъ? Это было бы равносильнымъ тому, какъ если бы мы, послѣ эдикта этого Императора 313 года о дозволеніи всѣмъ его подданнымъ исповѣдывать христіанство, стали утверждать, что до Константина не было и вѣры христіанской! Но это—очевидная нелѣпность.

7) На празднованіе воскресенія нѣтъ, говорятъ, прямой заповѣди; на какомъ же основаніи праздновать его?

Основаній у христіанъ для того, чтобы праздновать день воскресенія Спасителя нашего, вполне достаточно, и мы впереди раскроемъ ихъ съ обстоятельностью, а сейчасъ замѣтимъ вообще, что новозавѣтныя обязанности, за немногими исключеніями, преподаны намъ, по преимуществу, не въ формѣ заповѣди, а въ ученіи и примѣрахъ, какъ сказано: законъ заповѣдей упразднилъ ученіемъ (Еф. 2, 15) и—„подражайте мнѣ, какъ я Христу“ (1 Кор. 4, 16). Поэтому отсутствіе прямой заповѣди еще не означаетъ отсутствія долга. Въ новомъ завѣтѣ, напр., заповѣди—Я Господь Богъ Твой, Отець и Сынъ и Св. Духъ—нѣтъ, но есть ученіе о Пресв. Троицѣ; итакъ, позволительно ли христіанину, по отсутствію прямой заповѣди, уклоняться отъ почитанія Троицы во Единствѣ (Исх. 20, 2—3; Іоан. 5, 7)? Гдѣ, спросимъ мы у гонящихся за буквами и часто проглядывающихъ существо предмета, прямыя заповѣди о молитвѣ Господу Іисусу Христу, о погруженіи въ воду крещаемыхъ, о приобщеніи женщинъ, объ молитвенныхъ собраніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ и тому подобномъ. Прямыхъ, заповѣдей нѣтъ и, однакожь, необходимость всего этого изъ другихъ основаній столь очевидна, что и субботники не дерзаютъ отвергать.

*Свящ.-Мис. Виталій Димара.*

(Окончаніе будетъ).

## ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

### Архіерейскія богослуженія.

Наконунѣ Новаго года, 31 декабря, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершилъ въ Покровскомъ монастырѣ всенощное бдѣніе, въ сослуженіи съ монастырской братіей. Въ Каѳедральномъ же Успенскомъ соборѣ всенощное бдѣніе было совершено Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства. Послѣ всенощной, начавшейся въ 9 час. вечера и закончившейся къ 12-ти час. ночи, былъ отслуженъ молебень по случаю наступленія новаго года. Предъ молебномъ Преосвященный Θεодоръ сказалъ слово, въ которомъ призывалъ присутствующихъ помолиться Богу о дарованіи благъ въ наступающемъ году, объ укрѣпленіи вѣры православной и поблагодарить Бога за дарованныя Имъ милости въ минувшемъ году. Соборный храмъ былъ переполненъ молящимися.

*1-го января*, въ день Новаго года, божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершали Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, и Преосвященный Θεодоръ, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи о.о. Архимандритовъ Іосифа и Ананасія, соборнаго и городского духовенства. По окончаніи литургіи было отслужено молебствіе. На богослуженіи присутствовали: начальникъ губерніи камергеръ Двора Его Величества М. К. Катериничъ, вице-губернаторъ И. И. Стерлиговъ, командиръ 10-го армейскаго корпуса г.-л. Θ. В. Сиверсъ и другія начальствующія лица разныхъ вѣдомствъ и много молящихся.

*5-го января*, въ навечеріе Богоявленія, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ божественную литургію, вечерню и великое освященіе воды въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Θεодоръ Епископъ Сумскій— въ Каѳедральномъ соборѣ.

Всенощное бдѣніе въ тотъ же день Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ, а Преосвященный Епископъ Θεодоръ въ Покровскомъ монастырѣ.

*6-го января*, въ праздникъ Богоявленія, въ Каѳедральномъ соборѣ была совершена божественная литургія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ совмѣстно съ Преосвященнѣйшимъ Епископомъ

Ѳеодоромъ, съ двумя о.о. Архимандритами Іосифомъ и Аѳанасіемъ, соборнымъ и городскимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи изъ собора на іордань былъ совершенъ крестный ходъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ, во главѣ съ Преосвященнымъ Епископомъ Ѳеодоромъ, несшимъ на головѣ святыи крестъ. По пути слѣдованія крестнаго хода въ два ряда шпалерами стояли войска мѣстнаго гарнизона съ 4-мя духовыми оркестрами, игравшими „Коль славень“... На Лопанскомъ мосту Преосвященный Ѳеодоръ совершилъ освященіе воды, при чемъ, во время погруженія имъ св. креста въ воду, взводомъ солдатъ былъ произведенъ тоекратный салютъ изъ ружей. По окончаніи освященія крестный ходъ обратно возвратился въ соборъ. Торжество освященія воды привлекло массу народа.

*15-го января*, въ недѣлю „о мытарѣ и фари́сеѣ“, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ божественную литургію въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Ѳеодоръ—въ Каѳедральномъ соборѣ.

*17-го января*, въ университетской церкви св. Антонія Великаго, по случаю храмоваго праздника, была совершена божественная литургія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ соборнѣ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Ѳеодоромъ, ректоромъ Харьковской дух. семинаріи прот. А. Юшковымъ, профессоромъ богословія Харьковскаго Императорскаго университета прот. Н. Стеллецкимъ, протоіереемъ В. Добровольскимъ, ключаремъ собора протоіер. Г. Виноградовымъ, благочиннымъ протоіер. Д. Поповымъ и священникомъ І. Инноковымъ. Въ концѣ литургіи профессоромъ прот. Н. С. Стеллецкимъ было произнесено слово, а по окончаніи оной совершенъ былъ молебенъ преподобному Антонію. На богослуженіи присутствовали профессора университета во главѣ съ проректоромъ профессоромъ Нетушиломъ,—студенты и много молящихся.

*22-го января*, въ недѣлю „о блудномъ сынѣ“, Преосвященный Ѳеодоръ, Епископъ Сумскій, совершалъ божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства.

*29-го января*, въ недѣлю „мясопустную“, въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію совершалъ также Преосвященный Епископъ Ѳеодоръ.

*1-го февраля*, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ всенощное бдѣніе въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Епископъ Ѳеодоръ совершилъ такую въ Каѳедральномъ соборѣ.

*2-го февраля*, въ праздникъ Срѣтенія Господня, Высокопрео-

священнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи о.о. Архимандритовъ Іосифа и Афанасія и соборнаго духовенства, а Преосвященный Епископъ Θεодоръ—въ Покровскомъ монастырѣ въ сослуженіи съ братіей онаго.

4-го февраля, въ Каѳедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Епископомъ Θεодоромъ было совершено всенощное бдѣніе и прочитанъ былъ акаѳистъ Божіей Матери предъ Елецкой иконой Ея.

5-го февраля, въ недѣлю „Сыропустную“ и по случаю празднованія въ честь Елецкой иконы Божіей Матери въ Каѳедральномъ соборѣ—божественную литургію и послѣ оной молебень Божіей Матери совершилъ Преосвященный Епископъ Θεодоръ, въ сослуженіи о.о. Архимандритовъ Іосифа и Афанасія, о. ректора семинаріи протоіерея А. М. Юшкова и соборнаго духовенства.

— Въ тотъ же день, въ 4 часа, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ въ Покровскомъ монастырѣ вечерню, а послѣ нея—умилительный обрядъ *христіанекаго прощенія* съ паствою. Обширный монастырскій храмъ былъ переполненъ народомъ, собравшимся со всѣхъ концовъ города. Владыка, вышедши изъ алтаря въ мантии и ставши на солеѣ, обратился къ народу съ глубоко сердечнымъ архипастырскимъ словомъ, въ которомъ призывалъ всѣхъ ко взаимному христіанскому примиренію другъ съ другомъ, къ прощенію обидъ и всякихъ оскорбленій, дабы съ чистымъ сердцемъ и спокойною совѣстію вступить въ святую четырехдесятницу и, достойно совершивъ поприще поста и покаянія, въ радости духовной встрѣтить великій и спасительный день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Затѣмъ, испрашивая прощенія у пасомыхъ, Владыка поклонился на три страны, на что весь народъ, какъ одинъ человекъ, отвѣтилъ земнымъ поклономъ, возглашая при этомъ—„прости и насъ грѣшныхъ, Владыка Святый!“ Послѣ этого, при пѣніи архіерейскимъ хоромъ пасхальныхъ стихиръ, Владыка благословлялъ всѣхъ находящихся въ храмѣ.

Въ первую недѣлю Св. Четырехдесятницы—6, 7, 8 и 9 февраля—великій канонъ на повечеріи читали: Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ Крестовой архіерейской церкви, а Преосвященный Епископъ Θεодоръ въ Каѳедральномъ соборѣ.

8-го февраля, часы и за оными литургію Преждеосвященныхъ Даровъ совершали: въ Каѳедральномъ соборѣ—Высокопреосвященный

Архіепископъ Арсеній, а въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря—Преосвященный Епископъ Θεодоръ.

10-го февраля, часы и литургію Преждеосвященныхъ Даровъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, а Преосвященный Епископъ Θεодоръ—въ Каедральномъ соборѣ.

12-го февраля, въ недѣлю „Православія“ въ Каедральномъ соборѣ божественную литургію совершали: Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи Преосвященнаго Θεодора, Епископа Сумскаго, о.о. Архимандритовъ Іосифа и Аванасія, о. ректора Семинаріи протоіерея А. Юшкова и соборнаго духовенства. Послѣ литургіи обоими Архипастырями, вмѣстѣ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ, совершенъ былъ торжественный чинъ *Православія*.

14-го февраля, Преосвященный Епископъ Θεодоръ въ Рождество-Богородичной (Каплуновской) церкви совершилъ Преждеосвященную литургію, а послѣ оной-чинъ погребенія надъ умершимъ священникомъ о. Іоанномъ Смирнскимъ.

17-го февраля, Преосвященный Θεодоръ совершалъ Преждеосвященную литургію въ Каедральномъ соборѣ.

18-го февраля, по случаю 300-лѣтія со дня мученической кончины всероссійскаго патріарха Гермогена, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ панихиду по патріархѣ въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Епископъ Θεодоръ—заупокойную литургію и панихиду—въ Каедральномъ соборѣ<sup>1)</sup>.

19-го февраля, по случаю 51-й годовщины со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ Каедральномъ соборѣ Преосвященный Епископъ Θεодоръ, въ сослуженіи о.о. Архимандритовъ Іосифа и Аванасія и соборнаго духовенства, совершилъ божественную литургію, а послѣ оной Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, совмѣстно съ Преосвященнымъ Θεодоромъ, соборнымъ городскимъ духовенствомъ, совершилъ благодарственный молебенъ, на которомъ, послѣ многолѣтія нынѣ царствующему Госу-

<sup>1)</sup> Въ тотъ же день, согласно распоряженію Свят. Синода, во всѣхъ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ гор. Харькова и Харьковской епархіи, при коихъ имѣются церковныя школы, а также и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отслужены заупокойныя литургіи и панихиды по патріархѣ Гермогенѣ. Въ учебныхъ заведеніяхъ и въ церковныхъ школахъ организованы были чтенія, посвященные памяти патріарха-мученика.



дарю Императору и всему Царствующему Дому, была возглашена „вѣчная память“ въ Бозѣ почившему Императору Александру II-му. Соборъ былъ переполненъ молящимися.

25-го февраля, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній на всенощномъ бдѣніи въ Покровскомъ монастырѣ совершилъ выносъ Святаго Креста, а Преосвященный Епископъ Теодоръ—на всенощной въ Каѳедральномъ соборѣ.

26-го февраля, въ недѣлю „Крестопоклонную“, въ Каѳедральномъ соборѣ божественную литургію совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній, а въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Епископъ Теодоръ.

*Протоіерей Г. Виноградовъ.*

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи и совершеніе имъ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ Семинарскомъ храмѣ.

Въ пятницу, 2 марта с. г., Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній изволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію и совершить въ ея домовомъ храмѣ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ.

Прибывъ въ Семинарію къ 10 часамъ утра, Владыка торжественно былъ встрѣченъ въ вестибюлѣ зданія ректоромъ семинаріи, сослужащимъ духовенствомъ, членами семинарской корпораціи и воспитанниками. Облачившись въ мантию и приложившись ко св. кресту, Владыка преподалъ благословеніе духовенству и членамъ семинарской корпораціи, а затѣмъ, при общемъ пѣніи окружавшими его воспитанниками тропоря „Апостоле Христу Богу возлюбленне“ направился въ храмъ. Выслушавъ предъ алтаремъ молитвы входа и приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, Владыка благословилъ всѣхъ и прослѣдовалъ на архіерейскій амвонъ. Облачившись затѣмъ, Его Высокопреосвященство приступилъ къ совершенію литургіи. Его Высокопреосвященству сослужили: ректоръ Семинаріи—прот. А. Юшковъ, ключарь каѳедральнаго собора—прот. Г. Виноградовъ, членъ Правленія отъ духовенства благочинный—свящ. П. Вишняковъ и духовникъ Семинаріи свящ. С. Крохатскій, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ. Умилительно-торжественное богослуженіе съ его трогательными, захватывающими душу пѣснопѣніями, невольно наполняли сердца слушателей глубокимъ религіозно-молитвеннымъ настроеніемъ. Всѣ были

такъ настроены и воодушевлены, что, казалось, еще готовы стоять молиться безъ конца...

По окончаніи литургіи, Владыка, разоблачившись, вышелъ на солею и здѣсь благословилъ всѣхъ общимъ благословеніемъ, пожелавъ при этомъ успѣха воспитанникамъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ и добромъ поведеніи, чтобы нынѣшній учебный годъ окончился благополучно, безъ всякихъ непріятныхъ для заведенія событій. Затѣмъ, Владыка зашелъ въ помѣщеніе фундаментальной бібліотеки и осмотрѣлъ тамъ 2 шкафа, сдѣланные на средства Владыки, для помѣщенія тамъ пожертвованной имъ Семинаріи своей цѣнной бібліотеки. Изъ бібліотеки Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ квартиру ректора Семинаріи, гдѣ собралась вся корпорація Семинаріи—инспекція и преподаватели. Побесѣдовавъ съ преподавателями и откушавъ чаю, Владыка въ 1 часу, провожаемый нѣкимъ „исъ полла эти, деспота“, при колокольномъ звонѣ, отбылъ въ свои Архіерейскіе покои.

**Освященіе въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ кіотовъ и иконъ, пожертвованныхъ почетною попечительницею Училища Д. Д. Оболенской.**

Почетная попечительница Училища, жена дѣйств. стат. сов., Дарія Діевна Оболенская, пожертвовала въ церковь Харьков. Епарх. Училища 2 иконы—одну св. Николая, другую Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова и св. мученицы Даріи—святыхъ соименныхъ жертвовательницы и ея мужа. Иконы въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ, работы Немирова-Колодкина въ Москвѣ. Для означенныхъ иконъ ею же на переднихъ колоннахъ училищнаго храма устроены два кіота рѣзной изящной работы, съ позолотою. Стоимость кіотовъ и иконъ 1000 рублей.

Съ благословенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, въ церкви Епархіальнаго Женскаго Училища, въ воскресенье, 26 февраля, предъ началомъ литургіи было совершено освященіе означенныхъ иконъ и кіотовъ въ присутствіи жертвовательницы, Д. Д. Оболенской, ея сестры, Екатерины Діевны Богдановой, г-жи начальницы Училища, Е. Н. Гейцыгъ, воспитательницъ, нѣкоторыхъ преподавателей Училища и воспитанницъ. Чинъ освященія совершилъ о. Предсѣдатель Совѣта Училища, прот. Н. Стеллецкій, въ сослуженіи о. инспектора классовъ, прот. І. Котова, преподавателя церковнаго пѣнія свящ. І.

Петровскаго и о. діакона училищной церкви І. Стеллецкаго. По окончаніи чтенія часовъ, означенные священно-служители вышли на средину храма, гдѣ на приготовленномъ столѣ о. Предсѣдателемъ прот. Н. Стеллецкимъ совершенъ былъ положенный чинъ освященія воды въ сосудѣ съ припѣвами св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову, святителю Николаю и св. мученицѣ Даріи, а затѣмъ по требнику прочитана была положенная молитва на освященіе иконъ во имя Апостола и Ев. Іоанна Богослова, святителя Николая и св. мученицы Даріи. При пѣніи тропарей означеннымъ святымъ иконы и кіоты были окроплены св. водою.

По окончаніи чина освященія, означенными священнослужителями была совершена божественная литургія, послѣ которой о. Предсѣдатель Совѣта Училища, прот. Н. Стеллецкій, обратился къ жертвователю Д. Д. Оболенской съ слѣдующею рѣчью:

„Ваше Превосходительство, Высокочтимая Дарія Діевна!

Съ благословенія Высокопреосвященнаго Владыки нашего Архіепископа Арсенія, позвольте мнѣ отъ лица нашихъ ученицъ, которыхъ Вы являетесь самой щедрой благотворительницей и любящей почетной попечительницей,—отъ лица Совѣта нашего Училища и всего его учебно-воспитательнаго персонала выразить Вамъ чувство самой искренней признательности и сердечной благодарности за Вашу любовь къ нашему училищу и къ его святому храму. Любовь Ваша къ этому послѣднему, между прочимъ, сказалась въ сооруженіи Вами только что освященныхъ нами, въ драгоценныхъ серебро-позлащенныхъ ризахъ, высоко-художественно исполненныхъ, образовъ небесныхъ покровителей Вашихъ, св. угодниковъ Божіихъ: св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, святителя Христова Николая и св. мученицы, тезоименитой Вамъ, Даріи. Вмѣстѣ съ симъ позвольте, глубокочтимая Дарія Діевна, молитвенно пожелать Вамъ и Вашему дорогому супругу отъ Подателя жизни еще долгихъ и долгихъ дней счастливой старости, до самыхъ послѣднихъ предѣловъ человѣческой жизни, на благо нашему училищу и на радость всѣхъ Васъ знающихъ, любящихъ и чтущихъ. Многая Вамъ лѣта“.

На это привѣтствіе хоромъ воспитанницъ училища пропѣто было почетной попечительницѣ Д. Д. Оболенской „многая лѣта“ и всѣми воспитанницами выражена благодарность общимъ поклономъ.

Священнослужителямъ, почетнымъ гостямъ и преподавателямъ въ квартирѣ начальницы училища былъ предложенъ чай.

*Инспекторъ классовъ, Протоіерей Іоаннъ Котовъ.*

## Иноепархіальный отдѣлъ.

Памятникъ апостолу Японіи архіепископу Николаю.

(*Воззваніе Новгородскаго Епископа Андроника*).

Скромно какъ жилъ, такъ и отошелъ нынѣ ко Господу Его дивный апостоль нашего времени праведный Японскій архіепископъ Николай. Но не о немъ теперь моя рѣчь: онъ, всегда избѣгавшій славы и никогда не говорившій о себѣ и своихъ трудахъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо и кто либо говорить о себѣ своимъ молчаніемъ. Я же усердствую только объ одномъ: всѣхъ русскихъ добрыхъ людей ревнителей благочестія свѣтлой вѣры Христовой призвать къ увѣковѣченію памяти сего высокаго духомъ и подвигомъ апостола Христова архіепископа Николая.

Въ послѣднихъ письмахъ за 1911 годъ онъ между прочимъ печаловался мнѣ о томъ, что пока нѣтъ средствъ построить новый храмъ въ г. Хакодате вмѣсто сгорѣвшаго въ 1907 году. „У кого просить, не знаю. Ужасно совѣстно беспокоить Васъ и на сей предметъ. Но если что можете, помогите, ради Бога. Не вѣчно же пожарищному заустѣнію быть въ Хакодате на мѣстѣ святѣ. И стыдно, и грѣшно“. И въ другой разъ. „Вотъ топерь печаль у меня о храмѣ, который надо строить въ Хакодате, гдѣ на нашемъ мѣстѣ, съ большаго пожара 1907 г., одно безобразное пожарище, тогда какъ всѣ кругомъ, и инославные и Японцы, давно уже обстроились. Не смѣю вновь беспокоить Васъ просьбою о сборѣ; но если Богъ пошлетъ Вамъ случай посодѣйствовать и сему, пожалуйста, сдѣлайте это“. Нужно замѣтить, что православная вѣра въ Японіи началась именно изъ г. Хакодате, гдѣ первоначально поселился покойный владыка Николай и гдѣ были первыя обращенія ко Христу, начиная съ Павла Савабе. Это нашъ Японскій Виелеемъ-колыбель Православія. Посему дѣйствительно „и стыдно, и грѣшно“ оставлять заустѣніе на этомъ мѣстѣ святѣ.

Посему, считая вышеприведенныя и почти предсмертныя слезныя слова покойнаго святителя его священнымъ для меня завѣщаніемъ, благоговѣя передъ всякимъ его словомъ, уповаю, что нынѣ „Богъ посылаетъ намъ случай посодѣйствовать и сему“ святому дѣлу, и за послушаніе почившему моему дорогому духовному отцу и за молитвы его передъ Богомъ дерзаю призвать всѣхъ русскихъ благочестивцевъ: воздвигнемъ, возлюбленные, тамъ на мѣстѣ начальныхъ

апостольскихъ подвиговъ почившаго владыки Николая въ г. Хакодате въ память о немъ храмъ—памятникъ. Пусть этотъ храмъ будетъ дѣйствительнымъ отъ насъ молитвеннымъ и усерднымъ памятникомъ великому труженику—апостолу нашего времени. Пусть онъ и въ далекой Японіи проповѣдуетъ нашу православную вѣру, туда принесенную почившимъ. Пусть онъ громко свидѣтельствуется, что помнить и благоговѣнно почитаетъ великая святая Россія своихъ великихъ сыновъ. Пусть, видя все это, Японцы исполняются новаго уваженія къ нашей спасительной вѣрѣ и входятъ вѣрою во Христа въ ту святую церковь, для славы которой бодренно и неустанно до смерти трудился почившій владыка Николай „во благовѣстїи Христовѣ“.

За послушаніе и по молитвамъ почившаго помогъ мнѣ Богъ своими воззваніями привлечь усердныхъ жертвователей на постройку двухъ храмовъ въ Японіи: въ г. Осака и въ гор. Мацуяма на костяхъ нашихъ воиновъ, въ плѣну японскомъ скончавшихся. Нашлись боголюбезные жертвователи, изъ которыхъ многіе во смиреніи даже имена свои скрыли. Вѣрую, что Господь за молитвы почившаго архіепископа Николая и нынѣ пошлетъ такихъ жертвователей. Начало уже положено: я только высказалъ свое намѣреніе, какъ добрые люди уже присылаютъ свои щедрыя жертвы. Уповаю, что тѣмъ болѣе до сердца благочестивцевъ сіе мое дерзновенное воззваніе по завѣту мнѣ почившаго святителя.

Отзовитесь, добрые люди россійскіе, и принесите свои посильныя лепты. Не стѣсняйтесь и малыми жертвами. Бѣдные пусть между собою и малыя лепты собираютъ и вмѣстѣ направляютъ ихъ на постройку въ гор. Хакодате храма-памятника по Японскомъ архіепископѣ Николаѣ.

Пожертвованія можно направлять: Новгородъ губ. Епископу Андронику. Или: С.-Петербургъ, Михайловскій Инженерный Замокъ, протоіерею Θεодору Быстрову. Нами же все пожертвованія будутъ переданы начальнику Японской Миссіи.

Епископъ *Андроникъ*

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Причины невѣрія по даннымъ религіозной анкеты.

Интересную статью подъ этимъ заглавіемъ находимъ въ „Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Она представляетъ собой пере-

дачу впечатлѣній профессора московской духовной академіи Введенскаго, производившаго анкету, по его замѣткѣ въ журналѣ „Странникъ“. Въ виду несомнѣннаго интереса анкеты и отвѣтовъ многочисленныхъ корреспондентовъ профессора, представляется далеко не лишнимъ познакомить читателей съ ея сущностью.

Письмо профессора Введенскаго такъ приблизительно опредѣляло его мнѣніе: „Въ нашъ переходный вѣкъ, вѣкъ ломки міровоззрѣній и замѣны ихъ новыми, было бы крайне интересно выяснить религіозныя убѣжденія русскаго общества. Однако выполнить эту задачу едва ли было бы возможно путемъ опроса хотя бы части русскаго общества. Я обращаюсь съ просьбой къ людямъ, соприкасающимся съ наукой, такъ сказать *ex officio*: къ г.г. членамъ академіи наукъ, преподавателямъ высшей и средней школы, а также къ г.г. курсистамъ и студентамъ,—съ просьбой отвѣтить на нижеслѣдующіе вопросы: а) вѣрите ли вы въ Личнаго Бога? если нѣтъ, то въ какого? в) признаете ли Божество Христа? г) какъ относитесь къ существующимъ церквамъ:—православной, католической и т. д. д) съ какого времени стали относиться такимъ образомъ къ религіи? е) причины вашей вѣры или невѣрія? ж) что думаете о значеніи религіи для совершенной жизни? з) какова, по вашему мнѣнію, будущность религіи“?

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что анкета, конечно, не можетъ имѣть статистическаго значенія и цѣнна въ другомъ отношеніи, съ психологической стороны. Любопытно, что отвѣчали люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ профессій—священники, рабочіе, машинисты, булочники, земскіе начальники, конторщики, простые крестьяне, капельмейстеры, инженеры, врачи...

Результаты анкеты ужаснули автора: болѣе 95<sup>0</sup>/<sub>100</sub> оказалось невѣрующихъ. Большинство отвѣчавшихъ принципиально отнеслись къ религіи враждебно, видя въ ней „задерживающій факторъ“ общественнаго развитія, опредѣляя ее, какъ плодъ „умственнаго невѣжества и ограниченности“; каковы же основанія данныхъ отвѣтовъ?

Первою причиною невѣрія является наука вообще, въ частности естествознаніе. Многіе изъ отвѣчавшихъ утверждаютъ, что ихъ вѣра исчезла при ознакомленіи съ наукою, которая по существу является отрицаніемъ религіи. Если мы иногда встрѣчаемъ людей высокообразованныхъ и искренне-вѣрующихъ, то это недоразумѣніе. Конечно, такія ученія, какъ матеріализмъ, являющійся логическимъ противорѣчіемъ началу духовности, о какомъ говоритъ религія, натуръ-фило-

софія Геккеля и др. тоже служили сильнымъ аргументомъ въ рукахъ противниковъ религіозныхъ воззрѣній.

„Бога нѣтъ, потому что есть зло“—вотъ другой аргументъ, какой выставляли противъ религіи. Ясно, что онъ имѣлъ убѣдительное значеніе только для тѣхъ, кто не въ состояніи былъ съ богословско-философской точки зрѣнія осмыслить возникновеніе зла.

Многіе, далѣе, теряли вѣру, созерцая дурные примѣры въ жизни тѣхъ, кто обязанъ быть „правиломъ вѣры и образомъ кротости“,—ихъ соблазнило поведеніе представителей официальной вѣры—священниковъ. Заключая невѣрно отъ нравственной порядочности служителей алтаря къ содержанію религіи, они отвергаютъ эту послѣднюю, потому что нѣкоторые изъ ея носителей недостойные люди! Анкета даетъ много показаній, свидѣтельствующихъ, что у корреспондентовъ сильно чувство непріязни къ представителямъ религіи, переходящее въ нетерпимость къ самой религіи.

Отвѣты нѣкоторыхъ лицъ поражаютъ своею наивностью и показываютъ, какъ часто человекъ разстается съ такимъ дорогимъ предметомъ какъ вѣра, не давая себѣ труда продумать то, что создается долгими годами упорной и мучительной работы.

Одинъ въ дѣтствѣ разбиваетъ дорогую вазу, горячо молится, чтобы она склеилась. Но чудо не совершилось и онъ потерялъ вѣру. Другіе равнодушны къ этимъ вопросамъ, потому что ихъ родители слишкомъ религіозны, третьи отрекаются отъ вѣры потому, что замѣчали въ семьѣ холодность къ религіи. Наконецъ нѣкоторые не знаютъ даже, почему они отрицаютъ Бога, но „глубоко убѣждены въ истинности этого положенія“ (!) Странное психологическое обоснованіе того, о чемъ человекъ не имѣетъ даже представленія.

Остановливаясь частнѣе на приведенныхъ въ отвѣтахъ причинахъ сомнѣній, овладѣвающихъ человекомъ, авторъ указываетъ двѣ изъ нихъ существенныхъ: отсутствіе религіознаго чувства и незнаніе богословія.

Первая причина, безспорно, очень серьезнаго характера. Устранить ее едва ли возможно при помощи такихъ средствъ, какъ обстановка, вліяніе друзей, родителей и т. п. Нужно, очевидно, глубокое нравственное воздѣйствіе или испытаніе, чтобы въ душѣ невѣрующаго совершился переворотъ.

Незнакомство съ богословіемъ, какъ системою, излагающею богооткровенныя истины и защищающею ихъ, является общеизвѣстнымъ недугомъ, тѣмъ болѣе, что изучить серьезно и всесторонне этотъ предметъ—вещь нелегкая, требующая значительныхъ уси-

лій. Любопытно только, что многие не представляют даже, гдѣ и въ чемъ найти отвѣтъ на мучающія ихъ сомнѣнія, что взять за руководство.

Для однихъ источникомъ ознакомленія съ религіозными истинами служить... Марксъ, для другихъ Ренанъ, Штраусъ, Толстой...

Въ чемъ же находятъ успокоеніе невѣрующіе отъ этого томленія духа, которое они называютъ жизнью? Авторъ даетъ на это ясный и положительный отвѣтъ. Для немногихъ это успокоеніе—въ наукѣ, для большинства—въ развратѣ, не сдерживаемомъ понятіемъ долга, совершенно условно представляемаго людьми безрелигіозными.

Понятно, почему высокіе гуманые принципы, во имя которыхъ человѣчество живетъ, совершенно теряютъ свой смыслъ передъ такимъ міросозерцаніемъ и становятся пустымъ звукомъ, въ которомъ отсутствуетъ глубокое содержаніе.

Рядомъ съ отрицаніемъ высшаго начала идетъ отрицаніе безсмертія души. И получается тотъ страхъ смерти, неизвѣстности будущаго, при которомъ теряютъ настоящую цѣну плоды земного счастья.

„Я не знаю“,—пишетъ одна корреспондентка г. Введенскому, —„ужаса, равносильнаго смерти. Чего бы я не дала, чтобъ избавиться отъ него!“

Авторъ многими выдержками изъ извѣстныхъ писателей иллюстрируетъ послѣднее положеніе, доказывая, какъ великъ трагизмъ, переживаемый невѣрующимъ въ загробной жизни человѣка.

Ни наука, ни соціальныя ученія—не дадутъ ничего вмѣсто вѣры въ безсмертіе, при которой разсѣвается страхъ грядущаго небытія.

Соціализмъ, мечтающій о насажденіи на землѣ довольства и внѣшняго благополучія, однако безсиленъ удовлетворить духовный голодъ и, желая уничтожить религію, не считается съ человѣческой природой. Вотъ почему вѣрить научности соціального утопизма не всякій можетъ,—слышкомъ очевидны тѣ вопіющія пропасти жизни, какія онъ не можетъ заполнить. „Созидая храмъ всеобщей любви, онъ отрицаетъ душу любви—религію“ А быть нравственнымъ, не исповѣдая религіи, едва ли можно. Автономная этика никого не убѣдитъ, почему нужно быть нравственнымъ.

Всѣ эти соображенія рисуютъ безотрадное положеніе невѣрующихъ. Ясно отсюда, какъ послѣдніе должны себя чувствовать при мысли, что будущее пусто и мрачно, и что полноты личной жизни нѣтъ. Великое счастье самоотреченія во имя идеаловъ, завѣщанныхъ



Христомъ, блаженное стремленіе къ соединенію съ Богомъ въ загробной жизни, такъ близкое и радостное сердцу праведниковъ, взгляды на земную юдолю, какъ на временное пребываніе наше здѣсь, и спокойное отношеніе къ благамъ міра—все это чуждо невѣрующему, А если такъ, то нечего и думать даже объ относительномъ счастьѣ на землѣ.

Какъ видно изъ бѣлаго пересказа замѣтки, она заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ; оригинальная тема, близкая сердцу каждаго вѣрующаго, важность затронутого предмета, простота и ясность изложенія—все это позволяетъ думать, что статья не пройдетъ незамѣченной. Недаромъ даже въ свѣтской печати она отмѣчена, какъ вещь безусловно интересная.

## О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Принимается подписка на 1912-й годъ

НА НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

# „Педагогическое Обозрѣніе“.

Журналъ „Педагогическое Обозрѣніе“ имѣетъ цѣлью служить печатаемымъ органомъ для учителей средней, низшей и начальныхъ школъ и вообще для лицъ, интересующихся педагогическими вопросами.

Журналъ ставитъ своей основной задачей постоянно слѣдить за современнымъ теченіемъ педагогической мысли у насъ и за границей, содѣйствовать правильной разработкѣ и освѣщенію вопросовъ, связанныхъ съ воспитаніемъ и обученіемъ, удѣляя должное вниманіе вопросамъ экспериментальной педагогики и психологіи.

Особенное вниманіе будетъ обращено на постановку отдѣловъ критики и библіографіи, какъ по специально-педагогическимъ вопросамъ, такъ и вообще по научно-литературнымъ.

Широкое мѣсто будетъ отведено также обзору педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и специально дѣтской литературы.

Въ журналѣ изъявили свое согласіе участвовать лучшія педагогическія силы.

Программа журнала: Законодательныя постановленія и Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству. Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ и частнымъ вопросамъ школьнаго воспитанія и обученія. Методическія указанія и практическія замѣтки по предметамъ школьнаго курса. Экспериментальная педагогика и психологія. Школьная гигиена. Физическое воспитаніе. Средняя, низшая и начальная школа въ Россіи и за границей. Хроника школьной жизни. Критика и библіографія. Обзоръ педагогическихъ и дѣтскихъ періодическихъ изданій и специально дѣтской литературы. Почтовый ящикъ. Объявленія.

Журналъ будетъ выходить книжками отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ каждая, одинъ разъ въ мѣсяць (кромѣ іюня и іюля).

Подписная цѣна: три рубля въ годъ съ доставкою, за полгода—1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитскія Ворота, Медвѣжій пер., д. 4, и въ конторѣ Н. Печковской, Москва, Петровскія линіи. Редакторъ-издатель А. Е. Флѣровъ.

III-й г. изданія      Открыта подписка на 1912 годъ      III-й г. изданія

двухнедѣльный, внѣпартійный, общественный и литературный журналъ

# „КЪ СВѢТУ“.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкой по г. Твери: на годъ—2 р., на 6 мѣсяцевъ 1 р., въ другіе города: на 1 годъ—2 р. 30 к., на 6 мѣсяцевъ—1 р. 15 к., безъ пересылки: на годъ—1 р. 50 к., на 6 мѣс. — 75 к.

Адресъ редакціи и конторы: Тверь, Власьевское Общество Трезвости.

Программа журнала: 1) Религіозно-нравственный отдѣлъ (бесѣды, статьи религіозно-нравственнаго и бытоваго характера, очерки, рассказы и стихотворенія). 2) Дѣло трезвости на Руси (литературныя и научныя статьи по вопросу о пьянствѣ; борьба съ алкоголизмомъ у насъ въ Россіи и за границей путемъ различныхъ антиалкогольныхъ организацій; поощительства о народной трезвости; очерки жизни и дѣятельности приходскихъ обществъ трезвости; кружки и союзы трезвости; антиалкогольныя выставки, съѣзды; антиалкогольная литература). 3) Церковно-общественная жизнь, 4) Жизнь деревни. 5) Тверской край и мѣстная жизнь. 6) Изъ газетъ и журналовъ. 7) Переписка съ читателями. 8) Библиографія и смѣсь.

Цѣль журнала: а) подъ знаменемъ вѣчныхъ завѣтовъ Христа звать читателя къ источнику истиннаго свѣта—Христу и правдѣ Его; б) звать человѣка-христіанина къ освобожденію отъ путъ неправды, грѣха и пороковъ, отъ всего того, что удаляетъ его отъ пути Божія и правды Его; в) внести хоть слабые лучи свѣта, лучи вѣры и знанія въ темную и бѣдную деревню; г) раскрыть, наконецъ, предъ глазами читателей страшную картину пьянства народнаго, ужасную картину разложенія отъ пьянства семьи, общества, государства; д) помочь тѣмъ, кто изнываетъ подъ бременемъ этой страсти и ищетъ выхода и свѣта; е) поддержать и объединить всѣхъ тружениковъ на нивѣ народнаго отрезвленія, всѣхъ искреннихъ борцовъ за свѣтлое будущее нашей дорогой родины Лицъ, сочувствующихъ предпринимаемому нами дѣлу изданія, покорнѣйше просимъ поддержать насъ своими знаніями, опытомъ, совѣтами и непосредственнымъ участіемъ въ журналѣ. Статьи могутъ направляться на имя редакціи.

Журналъ въ первый же годъ своего существованія заслужилъ лестные отзывы со стороны своихъ подписчиковъ и читателей, какъ: „симпатичный“, „славный“, „идейный“, „содержательный“, „доступный для народа“, „необходимый для духовенства“, „незамѣнимый“, „дешевый“.

Мѣстнымъ Епархіальнымъ съѣздомъ духовенства и церковныхъ старостъ Тверской епархіи 19 декабря 1911 года постановлено: усиленно рекомендовать журналъ всѣмъ церквамъ и приходамъ епархіи.

Журналъ за 1910 и 1911 годъ можетъ быть высланъ за 75 коп. безъ пересылки.

Редакторъ-издатель свящ. Н. В. Лебедевъ.

1912 годъ. Продолжается подписка на журналъ Годъ XXIII.

# „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

изданіе Московскаго Психологическаго Об-ва при содѣйствіи С.-Петербургскаго философскаго Общества.

На 1912 г.

Вышла 1-я (январь—февраль) книга 1912 г.

Ея содержаніе: Нравственная задача человечества. В. М. Хвостова. Патологія моральнаго чувства. С. А. Суханова. Кризисъ идеи субъекта въ науко-ученіи Фихте Старшаго. Ив. Ильина. Понятіе эмпиризма въ нѣмецкой психологи XVIII вѣка. А. Болтунова. Къ вопросу о свободѣ воли. Е. Романовой. Случай и безсознательное. Д. Мордухай-Болтовскаго. Новая форма философскаго критицизма. Н. Лосскаго. Критика и библиографія. Polemica. Отвѣтъ Е. Снеготорскому. В. Грабаря. Московское Психологическое Общество. Отчетъ о торжественномъ засѣданіи по случаю 30-лѣтняго юбилея Л. М. Лопатина. Приветствія, адреса прочитанные на засѣданіи. Двѣ отвѣтныя рѣчи Л. М. Лопатина  
Объявленія.

Юбилейный № 103 продается отдѣльно, ц. 1 р. 50 коп.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 13 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1912 г. по 1-е января 1913 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ, 6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ К—рѣ жур. М—ва, б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5 и кн. магазинахъ: Нов. Вр., Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

## Фабриканты Церковной Утвари Т-во Андрея Захряпина С-вей

имѣемъ честь увѣдомить, что при магазинѣ въ Воронежѣ, на большой Московской ул., противъ Духовной Консисторіи, имѣется въ громадномъ выборѣ:

**церковная утварь,**

**серебряная и металлическая парча и священническія облаченія.**

Фирма ручается за доброкачественность товара, а также даетъ наставленія какъ обращаться съ утварью и способъ ея чистки.

**ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЕ БЕЗЪ ЗАПРОСА,**

просимъ посѣтить нашъ магазинъ и убѣдиться на мѣстѣ.

Журналь „ВБРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго. — „Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера. — „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича. — „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина). Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“. — „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова, „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина). — „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго. — „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ — В. Ковалевскаго. — „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина. — „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина). — „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго. — „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина). — „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича. — „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина. — „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина. — „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева. — „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова. — „Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес. — прот. Т. И. Буткевича. — „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго. — „Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес. — прот. Т. И. Буткевича. — Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева. — „Книга Руоъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи). — „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф. — прот. Т. И. Буткевича. — „Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева. — „Философія монизма“. Профес. — прот. Т. Буткевича. — „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве. — „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго. — „Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго. — „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова. — „Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго. — „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова. — „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова. — „Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева. — Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева. — „Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

## СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.


Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

---

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

---

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.  
                  { Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомино.